

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

21 2021
ЧАСТЬ III

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 21 (363) / 2021

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)

Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)

Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук

Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук

Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук

Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук

Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук

Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук

Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)

Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)

Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук

Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук

Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук

Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук

Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук

Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук

Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук

Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения

Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)

Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)

Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)

Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук

Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук

Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук

Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук

Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)

Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук

Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)

Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук

Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук

Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук

Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук

Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук

Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук

Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук

Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)

Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)

Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук

Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук

Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук

Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук

Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)

Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук

Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук

Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры

Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)

Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук

Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, кандидат педагогических наук, декан (Узбекистан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Рахмонов Азиз Боситович, доктор философии (PhD) по педагогическим наукам (Узбекистан)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Лев Семенович Понтрягин* (1908–1988), советский математик.

Лев Семенович внес значительный вклад в алгебраическую и дифференциальную топологию, теорию колебаний, вариационное исчисление, теорию управления. В теории управления Понтрягин — создатель математической теории оптимальных процессов, в основе которой лежит так называемый принцип максимума Понтрягина; имеет фундаментальные результаты по дифференциальным играм. Работы школы Понтрягина оказали большое влияние на развитие теории управления и вариационного исчисления во всем мире.

Понтрягин родился в Москве, в семье служащего; отец — счетовод, мать — портниха. Биография Льва Семеновича является живым примером вдохновенного труда, нестигаемой воли, железного упорства и могущества человека.

В одной из статей академик Игорь Ростиславович Шафаревич пишет: «Громадную роль в жизни Понтрягина сыграла, конечно, трагедия, пережитая им в возрасте 13 лет: он пытался починить примус, тот взорвался, и в результате ожогов и неудачного лечения Понтрягин полностью ослеп. И наиболее характерно для Понтрягина то, как он нечеловеческим напряжением воли преодолел эту трагедию. Он просто отказался ее признать. Он никогда не пользовался никакой техникой, предназначенной для слепых. Всегда пытался ходить сам, без сопровождения других. В результате у него обычно на лице всегда были ссадины и царапины. Он научился кататься на коньках, на лыжах, плавал на байдарке. Представьте себе, каково было учиться студенту, который не мог записывать лекций! Он как-то сказал: «Я потерял сон в 20 лет. Я запоминал все лекции, которые за день прослушал в университете, а всю ночь курил и восстанавливал их в памяти». Или каково ему было хотя бы ежедневно добираться до университета. Понтрягин пишет: «Сама поездка в трамвае была мучительна... Были случаи, когда кондуктор внезапно объявлял: «Прошу граждан покинуть вагон, трамвай дальше не идет». Это для меня означало необходимость поисков другого трамвая в совершенно неизвестном для меня месте, что я сделать один не мог. Приходилось кого-нибудь просить о помощи». Пожалуй, самое трудное, что Понтрягин сделал, — это преодолел чувство ущербности, недостаточности, которое могло бы возникнуть в результате его несчастья. Он никогда не производил впечатления несчастного, страдальца. Наоборот, жизнь его была предельно напряженной, полной борьбы и побед».

Беда усугубилась тем, что вся эта история с примусом произошла на глазах отца Львы. Его здоровье не справилось с этим кошмаром — вскоре он скончался. И сын при поддержке матери принялся обживать новый мир незрячего человека.

Лева продолжал ходить в обычную школу. Но настоящая работа была дома — освоение математических премудростей (он сам выбрал эту науку). Мать прочитывала сыну приблизительно по сотне страниц в день. Тех самых страниц с формулами. Обнаружилось, что лучшие математические книги написаны на немецком, и Татьяна Андреевна с нуля выучила немецкий. Лева его более или менее знал еще по школьным занятиям. В результате он окончил школу с золотой медалью и поступил в Московский университет на физико-математический факультет, затем благополучно получил диплом и пошел в аспирантуру к знаменитому Павлу Сергеевичу Александрову.

Лев Семенович из принципа не пользовался тяжеленными томами, написанными шрифтом Брайля. Очень любил танцы. Еще студентом как-то поразил аудиторию. Прервал лекцию профессора Бухгольца громкой фразой: «Профессор, вы ошиблись в чертеже». Он слушал стук мела о доску, и в какой-то момент обнаружил несоответствие реальных звуков и тех, что раздавались у него в голове.

Однако даже родная мать, та самая, благодаря которой Лев Семенович и состоялся как ученый, с годами стала создавать проблемы. Взрослому ученому хотелось завести семью. Она же всеми правдами и неправдами отгоняла от сына потенциальных невест. В результате оба брака (первую невесту подобрала лично Татьяна Андреевна, вторую Лев Семенович нашел сам) вышли несчастливыми, давали больше нервов, чем счастья и вдохновения.

В семидесятые Лев Семенович сделался «общественником». Писал в журнале «Коммунист» о неудачном реформировании преподавания математики в школе. Академик лучше многих понимал, что математика и без того сложна, чтобы усложнять ее сверх меры, да еще и школьникам. К нему прислушались. Ученники переписали. Он также выступал против поворота сибирских рек (была такая сумасшедшая идея). Исключительно с позиций математики он доказал необоснованность расчетов. И тут к нему тоже прислушались.

К концу жизни у математика начались проблемы со здоровьем. По настоянию своей второй жены Лев Семенович сделался вегетарианцем, почти полностью перешел на сыроедение, и проблемы отступили. Но вечной жизни не бывает, и академик Понтрягин скончался. Его похоронили на Новодевичьем кладбище. В честь него назвали астероид и улицу в Москве, а также установили два бюста. Один из этих бюстов находится в Российской государственной библиотеке для слепых.

Екатерина Осянина, ответственный редактор

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

- Акопян А. К.**
Некоторые проблемы приказного производства 155
- Астафьева А. С.**
Основные проблемы реквизиции земельного участка 156
- Багужаев А. Б., Ивахненко А. С.**
Интернациональная охрана интеллектуальной собственности 158
- Байкалов А. А.**
Статистический анализ института референдума в РФ 160
- Байкалов А. А.**
О причинах неэффективности института референдума в РФ 161
- Бекмагамбетова С. С.**
Оспаривание крупных сделок 163
- Боярский П. В.**
Влияние гражданства на реализацию детьми-мигрантами своих прав в стране пребывания 164
- Брызгунова О. Ф.**
Система оценки коррупционных рисков как мера профилактики и предупреждения коррупционных правонарушений 169
- Валиахметова А. А., Сотников А. А., Черкашин И. Д.**
Современные цифровые технологии в сфере противодействия коррупции 173
- Ванюшина Е. А.**
Гражданско-правовые способы защиты авторских прав в сети Интернет 175
- Варлыгина В. Г.**
Международное правовое положение молодежи: роль и особенности 178
- Власенко В. Э.**
Правовые аспекты инцидентов, затрагивающих кибербезопасность информационных систем на современном этапе международного информационного права 180
- Гайчуков И. Н.**
Развитие судебной власти в России 183
- Говорун А. С.**
Способы обеспечения исполнения обязательств, вытекающих из акционерного соглашения 184
- Гребенник А. И.**
Манипулирование на российском рынке ценных бумаг: противодействие и юридическая ответственность 185
- Давидович О. А.**
Доверенность как односторонняя сделка 188
- Давлетбакиев И. Р.**
Проблемы правового регулирования публичного сервитута в российском праве 190
- Дирун Т. М.**
Взаимодействие Счетной палаты Российской Федерации с органами государственной власти 191
- Добрынина Д. С.**
Наследование авторских прав в международной доктрине 194
- Дугарова Б. З.**
О законности и этичности размещения фотоснимков неопознанных трупов на официальных сайтах правоохранительных органов с целью установления личности погибших 195
- Ерёменко Р. С.**
Трансформация принципа свободы открытого моря в международном праве 197
- Зайцева Д. А.**
К вопросу о понятии недвижимого имущества 199
- Зозуля Т. С.**
Коллизии в правовом регулировании жилищных прав инвалидов (на примере Тюменской области) 201
- Ибраев И. Б.**
Институт экстрадиции: проблемы правоприменения 205

Камашова В. Е., Дудкин Д. А. Правонарушения, предусмотренные статьей 18.1 КоАП РФ. Проблемы квалификации 207	Колобаева С. С. Экологические преступления против человечества: понятие и характеристика, конвенционный режим защиты природной среды..... 217
Кандакова Ю. А. Особенности производства эксгумации в уголовном процессе 209	Кутин Р. К. Аналогия права как метод преодоления пробелов в уголовном праве..... 219
Канзычакова А. Р. Роль президента, правительства, ФАС России и иных органов в антимонопольном регулировании ВЭД 212	Лемкин В. Н. Денежные обязательства в российском гражданском праве 221
Киселева А. В. Механизмы предупреждения утечки персональных данных при чрезвычайной ситуации в области здравоохранения на примере пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 в странах Европы и Азии 214	Линиченко В. И. К вопросу об истории развития апелляционного производства 224

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Некоторые проблемы приказного производства

Акопян Арутюн Костанович, студент
Сибирский юридический университет (г. Омск)

В настоящей статье рассматриваются некоторые проблемы приказного производства, а также предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: приказное производство, судебный приказ, должник, возражения, отмена судебного приказа.

Во все времена развития права и мировой юстиции в целом возникала необходимость поиска эффективного и относительно быстрого инструмента судебной защиты, оптимизации судебного процесса и освобождения от соблюдения лишних для него формальностей при рассмотрении несложных споров.

В конечном счете, в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации (далее — ГПК РФ) таким инструментом выступило приказное производство. В действующем процессуальном законодательстве понятие приказного производства отражение не нашло, но в литературе существуют следующие его дефиниции. Так, приказное производство рассматривается в первую очередь как форма ускоренного производства по так называемым бесспорным искам [1]. Более информативно приказное производство определяет П. В. Крашенинников, утверждая, что приказное производство представляет собой упрощенное и сокращенное по сравнению с исковым, альтернативное исковому, основанное на письменных доказательствах производство в суде первой инстанции с целью обеспечения возможности принудительного исполнения обязательства в сокращенные по сравнению с исковым производством сроки. [2]

Активное реформирование законодателем подраздела «приказное производство», а именно гл. 11 ГПК РФ [3] привело к расширению категорий дел, которые могут быть рассмотрены в рамках приказного производства. Так, ст. 122 была дополнена требованиями, по которым выдается судебный приказ, к которым стали относиться требования о взыскании задолженности по оплате жилых помещений, расходов на кап. ремонт, содержание общего имущества в многоквартирном доме, коммунальных услуг и услуг связи, а также требования о взыскании задолженности по обязательным платежам и взносам с членов товарищества собственников недвижимости и потребительского кооператива. Данное обстоятельство привело к тому, что подавляющее большинство гражданских дел рассматриваются мировыми судьями в данном, не хитром, порядке.

Однако реформирование не затронуло процессуальную регламентацию извещения должника и вопросы касающиеся от-

мены судебного приказа. Последние все еще остались на изначальном уровне, который, в свою очередь, не регулирует многих пробелов, с которыми участникам гражданского процесса регулярно приходится сталкиваться на практике.

В действующем процессуальном законодательстве закреплено неточное определение порядка извещения должника о вынесенном судебном приказе, поскольку от даты извещения зависит возможность для должника подать возражение относительно исполнения судебного приказа и его отмены. Федеральный закон от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [2] дополняет ст. 128 ГПК РФ и устанавливает пятидневный срок со дня вынесения судебного приказа для того, чтобы мировой судья выслал его копию должнику. Однако законодатель не закрепляет порядок и способ подтверждения факта и даты получения должником копии приказа, а также форму подачи должником своих возражений и способ фиксации судом поступившего от должника возражения. Такой пробел в законодательстве может привести к нарушению прав должника, к ненадлежащему его извещению о вынесенном судебном приказе и нарушить его право на подачу возражений в срок, установленный законом.

Вместе с тем в гражданском процессуальном законодательстве не уточняется, в какой форме должником должны быть представлены возражения в суд, а также не предусматривается обязанность должника мотивировать свое возражение и предъявлять в его обоснование доказательства. Такое положение приводит к тому, что должники необоснованно подают возражения, только чтобы не исполнять вынесенный судебный приказ и тем самым затянуть удовлетворение требования взыскателя. Очевидно, следует закрепить в действующем законодательстве, наряду с правом должника, обязанность представлять в письменной форме мотивированное возражение относительно исполнения судебного приказа, о чем внести дополнение в ст. 129 ГПК РФ.

Также проблемой является и то, что на сегодняшний день гражданское процессуальное законодательство не устанавли-

ливают сроков для рассмотрения поступающих возражений от должника, в то время как иные сроки для вынесения, возврата судебного приказа закреплены на законодательном уровне. В отсутствие точно установленных сроков Е. И. Самойлов предлагает, чтобы не ущемлять права заявителей и не нарушать процессуальное законодательство, рассматривать

их в день поступления в суд [3]. С чем представляется согласиться, поскольку, как было отмечено выше, возражения, поданные должником, на сегодняшний день никакого обоснования и доказательств не требуют. В этой связи судья не несет временных потерь, поскольку не рассматривает их по существу.

Литература:

1. Димитриев М. А. Комментарий к Федеральному закону от 2 марта 2016 г. № 47-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации», Федеральному закону от 2 марта 2016 г. № 45-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации и Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Постатейный комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации / Под ред. П. В. Крашенинникова. М.: Статут, 2012
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон от 28.11.2018 № 451-ФЗ (ред. от 17.10.2019) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
5. Самойлов Е. И. Процессуальные пробелы приказного производства // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. N 2. С. 16–20. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Основные проблемы реквизиции земельного участка

Астафьева Александра Сергеевна, студент
Сибирский юридический университет (г. Омск)

В соответствии с положениями статьи 235 Гражданском кодексе Российской Федерации (далее — ГК РФ) одним из оснований для прекращения права собственности, а также основанием для принудительного изъятия у собственника его имущества является реквизиция.

Легальное определение реквизиции земельного участка закреплено в Земельном кодексе Российской Федерации (далее — ЗК РФ). Так, согласно ст. 51 ЗК РФ в случаях стихийных бедствий, аварий, эпидемий, эпизоотий и при иных обстоятельствах, носящих чрезвычайный характер, земельный участок может быть временно изъят у его собственника уполномоченными исполнительными органами государственной власти в целях защиты жизненно важных интересов граждан, общества и государства от возникающих в связи с этими чрезвычайными обстоятельствами угроз с возмещением собственнику земельного участка причиненных убытков (реквизиция) и выдачей ему документа о реквизиции. В случае невозможности возврата реквизированного земельного участка его собственнику возмещается рыночная стоимость этого земельного участка, устанавливаемая в соответствии со ст. 66 ЗК РФ, или по его желанию предоставляется равноценный земельный участок.

Одной из наиболее значимой проблемой, выделяемой многими авторами, является отсутствие правовой определенности в отношении органов государственной власти, которые наделены правом реквизиции имущества у собственников.

ЗК РФ лишь в общем виде упоминает «уполномоченный исполнительный орган», ГК РФ определяет уполномоченный орган еще более расплывчато.

Некоторые авторы считают, что правом вынесения постановления о реквизиции в настоящее время наделены лишь Федеральное Собрание РФ и Правительство РФ [4, с. 34]. Другие утверждают, что действие ст. 242 ГК РФ, ст. 51 ЗК РФ распространяется и на представительные и исполнительные органы государственной власти субъектов Российской Федерации.

Мы считаем, что необходимо дополнить ст. 242 ГК РФ, ст. 51 ЗК РФ перечнем органов, имеющих право принимать решение о реквизиции. В число таковых, следует включить представительные и исполнительные органы государственной власти субъектов Российской Федерации, поскольку оценивать обстановку и принимать необходимые срочные меры для устранения последствий чрезвычайных ситуаций намного проще именно данным органам, находящимся на территории, на которой произошла чрезвычайная ситуация.

Следующей проблемой является то, что законодатель недостаточно регламентирует порядок возмещения убытков при реквизиции. Как в случае возврата имущества, так и в случае невозможности возврата такового.

Нельзя согласиться с мнением ряда ученых, которые признают такой подход обоснованным со ссылкой на чрезвычайность соответствующих ситуаций [3, с. 787]. Чрезвычайность ситуации совсем не означает невозможности заранее преду-

смотреть процедуру и порядок определения объемов возмещаемых потерь.

Так как никаким отдельным документом процедура возмещения убытков не урегулирована, представляется, нужно пользоваться общими нормами гражданского права и положениями ЗК РФ. Так, ЗК РФ устанавливает, что убытки возмещаются собственникам земельных участков в случаях ограничения прав собственников земельных участков (п. 4 ч. 1 ст. 57 и п. 2 ч. 2 ст. 57 ЗК РФ). Поскольку перечень ограничений прав на землю в ст. 56 ЗК РФ носит открытый характер и указано, что иные ограничения прав на землю могут быть, в частности, установлены самим ЗК РФ и федеральными законами, то необходимо применять порядок возмещения, предусмотренный ч. 5 ст. 57 ЗК РФ.

Также следует считать, что при невозможности возврата земельного участка убытки, причиненные собственнику земельного участка в случае невозможности его возврата, войдут в оценку стоимости земельного участка. И таким образом будут либо выплачены в качестве компенсации за земельный участок, либо включены в стоимость земельного участка, представляемого взамен изымаемого.

Дискуссионным остается вопрос о том, вправе ли прежний собственник требовать упущенную выгоду за время неиспользования имущества. Некоторые авторы отвечают на данный вопрос положительно [2, с. 90]. Однако вряд ли такое мнение полностью соответствует действующему законодательству.

Упущенная выгода представляет собой любые неполученные доходы, которые лицо, чье гражданское право нарушено, получило бы при обычных условиях оборота (ст. 15 ГК). В случае же правильно проведенной реквизиции права собственника не нарушаются, а законно ограничиваются.

Поэтому право требования упущенной выгоды будет законно лишь в тех случаях, когда лицо понесло убытки в результате «незаконной» реквизиции.

В продолжение названных проблем возникает еще один значимый вопрос. Правовое регулирование отношений по изъятию земельного участка в порядке реквизиции должно обеспечивать защиту прав и законных интересов собственника недвижимости, расположенной на реквизируемом земельном участке. В силу того, что нормы ст. 239 ГК РФ, ст. 242 ГК РФ и ст. 51 ЗК РФ не регулируют вопрос изъятия объектов недвижимости, расположенных на реквизируемом земельном участке, предлагается дополнить ст. 242 ГК РФ, ст. 51 ЗК РФ следующего содержания: в случаях, когда реквизиция земельного участка невозможна без прекращения права собственности на здания, сооружения или другое недвижимое имущество, находящиеся на данном участке, это имущество может быть реквизируемо у собственника. В случае невозможности возврата реквизируемого недвижимого имущества его собственнику возмещается рыночная стоимость недвижимого имущества.

Литература:

1. Апелляционное определение СК по гражданским делам Пермского краевого суда от 6 мая 2015 г. по делу N 33–4288/2015. Доступ из СПС «Гарант».

Также нельзя не обсудить следующий вопрос. Как нам известно, реквизиция является правом, а не обязанностью уполномоченного исполнительного органа государственной власти [1]. Однако можно ли в данном случае говорить о том, что в данном случае права собственника земельного участка защищены надлежащим образом и в полном объеме? Как нам кажется, ответ на данный вопрос будет отрицательным.

Конституцией РФ права частной собственности, признание, соблюдение и защита которого являются одними из основных обязанностей государства.

В случае стихийных бедствий, аварий, и иных обстоятельствах, носящих чрезвычайный характер, собственник не всегда в силах сам защитить свои права в полном объеме, поэтому уполномоченные органы государственной власти в целях защиты жизненно важных интересов граждан, возникающих в связи с этими чрезвычайными обстоятельствами угрозы изымать земельный участок у его собственника для наиболее полной защиты права собственности данного гражданина, а также для реализации гарантий и соблюдения обязанностей, установленных Конституцией РФ, гарантирующих соблюдение прав частных собственников.

В совокупности вышеизложенные проблемы способствуют злоупотреблениям со стороны уполномоченных органов и неправомерному принятию решений об изъятии земельных участков в связи с реквизицией у их собственников и, что более важно, нарушению гарантированного Конституцией РФ прав собственников.

Наконец, не решенным остался самый главный, на наш взгляд вопрос — о процедуре реквизиции.

Говоря о процедуре изъятия земельного участка в порядке реквизиции, практически все исследователи отмечают, что отсутствует специальный закон, который бы регламентировал реквизицию земельного участка, принятие которого вытекает из буквального толкования ст. 242 ГК РФ.

Решение этой проблемы видится в дополнении ЗК РФ главой «Порядок изъятия земельных участков в связи с реквизицией земельного участка», предусматривающей процедуру реквизиции земельного участка, а именно глава должна содержать следующие положения: органы, осуществляющие реквизицию имущества, их полномочия; основания и порядок осуществления реквизиции; оценка имущества, подлежащего реквизиции; документы о реквизиции; сроки и порядок выплаты компенсации за изымаемый земельный участок; порядок предоставления другого равноценного земельного участка взамен изымаемого; возвращение реквизируемого имущества и иные положения.

С учетом вышесказанного полагаем, что предложенные изменения законодательства в целом положительно скажутся на применении института реквизиции, и в первую очередь, способствуют устранению правовых пробелов, а также защите конституционного права собственности.

2. Манукян А. А. Ограничение права собственности по законодательству РФ: Дис... канд. юрид. наук. М., 1997. С. 90.
3. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой / Под ред. П. В. Крашенинникова М.: Статут, 2011. С. 787.
4. Ревякин А. П. Реквизиция земельных участков как ограничение прав на землю // Экологическое право. 2018. № 3. С. 34.

Интернациональная охрана интеллектуальной собственности

Багужаев Ахмед Багужаевич, курсант;

Ивахненко Алан Сергеевич, курсант

Военный университет Министерства обороны РФ (г. Москва)

Более века назад в свет вышла книга одного из крупнейших марксистов В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма». В своем труде Владимир Ильич рассматривает современный на тот момент капитализм, которому свойственно появление транснациональных компаний. Почти половина всего производства, — говорит он, — всех предприятий страны в руках одной сотой доли общего числа предприятий! И эти предприятия гиганты охватывают 258 отраслей промышленности. Также автор не малую роль уделяет банкам, которые внесли в существенный вклад в образование и укрепление транснациональных компаний. Однако не одни банки, но и интеллектуальная собственность позволила превратиться из компании в транснациональную компанию.

Что же такое транснациональная компания (далее ТНК)? ТНК — компания, международный бизнес которой является существенным. А также компания, на зарубежные активы которой приходится около 25–30% их общего объема и которая имеет филиалы в двух и более странах [1].

С разрастанием компаний и превращение их в ТНК стало понятно, что охрана интеллектуальной собственности на национальном уровне недостаточна. Поэтому интернациональная охрана интеллектуальной собственности появилась и начала быстро развиваться. Стали заключаться международные договоры по охране интеллектуальной собственности, к которым относятся: Парижская конвенция по охране промышленной собственности 1883 г., Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений 1887 г., Всемирная конвенция об авторском праве (Женевская конвенция) 1952 г., Международная (Римская) конвенция об охране прав исполнителей, производителей фонограмм и вещательных организаций 1961 г. и др. Для обеспечения соблюдения данных договоров требовались специализированные органы, и они были созданы.

Нас сегодняшний день существуют две крупные мировые организации по охране интеллектуальной собственности: Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС) и Всемирная торговая организация (ВТО).

ВОИС — это старейшая и самая крупная организация, занимающаяся охраной интеллектуальной собственности. История создания этой организации относится к концу XIX в., когда произошло слияние структур, образованных в свое время для исполнения Парижской конвенции по охране промышленной

собственности и Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений. В настоящее время ВОИС является специализированным органом Организации Объединенных Наций. ВОИС выполняет ряд функций в сфере интеллектуальной собственности. Наиболее важные из них связаны с исполнением действующих договоров по интеллектуальной собственности и организацией подготовки новых. ВОИС также занимается оказанием технического содействия странам, совершенствующим свое законодательство по интеллектуальной собственности, и помогает в разрешении спорных вопросов по данной проблематике [2]. В этой организации учувствуют 191 государство.

ВТО была создана в 1995 г. в результате многосторонних переговоров о совершенствовании Генерального соглашения по тарифам и торговле. ВТО отвечает за разработку и внедрение новых торговых соглашений, а также следит за соблюдением членами организации всех соглашений, подписанных большинством стран мира и ратифицированных их парламентами. ВТО строит свою деятельность, исходя из решений, принятых в 1986–1994 годах в рамках Уругвайского раунда и более ранних договоренностей ГАТТ. На сегодняшний день 164 государства являются членами этой организации.

Существуют ещё 3 региональные организации, призванные защищать интеллектуальную собственность капиталистов это:

- 1) Европейский союз;
- 2) Североамериканская ассоциация свободной торговли;
- 3) Евразийская патентная организация.

Нельзя обойти стороной уголовную ответственность за нарушение интеллектуальной собственности. Хотя этот уровень защиты интеллектуальной собственности является государственным его нельзя оставить в стороне. В уголовный кодекс попадают наиболее серьезные и тяжкие преступления, а также деяния, направленные против господствующего класса и как раз одной из таких является уголовная ответственность за нарушение интеллектуальной собственности. В УК РФ это регулируется ст. 146 «Нарушение авторских и смежных прав» и 147 «Нарушение изобретательских и патентных прав». Следует обратить внимание на последнюю статью; по мнению буржуазных теоретиков уголовного права общественная опасность преступления заключается в посягательстве на гарантированную Конституцией (ч. 1 ст. 44) свободу творчества и препятствует реализации гражданами моральных и имущественных прав,

подрывает экономическую основу хозяйствующих субъектов, порождает недобросовестную конкуренцию. Но надо дополнить данное определение: данные деяния подрывают не просто экономическую основу, а капиталистическую экономическую основу всей буржуазии, подвергая опасности товарную монополию ТНК, следовательно, лишая капиталистов прибыли. Поэтому правящие классы ввели уголовную ответственность за данные деяния. Касательно ноу-хау в УК РФ, по той же причине, предусмотрена ответственность за «незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну» (ст. 183). Указанные составы преступлений не были характерны и не действовали в уголовном законодательстве Советского Союза.

Возвращаясь к международным организациям, осуществляющим охрану интеллектуальной собственности, ВОИС и ВТО (как и др. международные организации по защите интеллектуальной собственности) не наделены полномочиями рассматривать и разрешать споры между компаниями, эти функции принадлежат суду в любой стране мира. Вследствие нарушения одной ТНК интеллектуальной собственности другой ТНК и возникают так называемые патентные войны, которые разрешаются исключительно в суде. Приведем примеры патентных войн ТНК.

Разбирательство между компаниями Apple и Samsung началось в 2011 г.

Apple впервые предъявила судебные претензии к своему партнеру и одновременно конкуренту, компании Samsung обвинив ее в копировании дизайна смартфонов iPhone и планшетных компьютеров iPad.

В исковом заявлении утверждалось, что смартфоны и планшеты Samsung серии Galaxy (появились в продаже в конце 2010 года) копируют дизайн iPhone и iPad от Apple. В то же время в своем иске Apple указывала, что «клоны» имеют существенное отличие — планшеты и смартфоны Samsung работают на основе операционной системы Google Android, а iPhone и iPad используют «фирменную» программную платформу iOS. Через три дня Samsung подала встречный иск против Apple, обвинив ее в нарушении десяти патентов, принадлежащих Samsung.

Однако Германский окружной суд встал на сторону Apple и в сентябре 2011 г. вынес постановление о запрете продаж на местном рынке планшета Galaxy Tab 10.1, посчитав, что Samsung умышленно скопировала дизайн Apple iPad. Корейская компания подала апелляцию, но успеха не добилась.

В свою очередь Samsung добилась успеха в июне 2012 г., когда суд в Нидерландах признал Apple виновной в нарушении патента (в патенте был описан метод подключения мобильного устройства к сети интернет), принадлежащего Samsung Electronics, и предписал выплатить компенсацию [3].

И так с переменным успехом ТНК отстаивали свои интересы в судах разных стран: США поддержали свою компанию и запретили продажу планшета Galaxy Tab 10.1, в Англии Samsung был признан невиновным.

Однако в Калифорнии разбирательство продолжалось, поскольку Samsung хотела вернуть часть денег. В 2016 г. дело рассмотрел Верховный суд США, после чего отправил его обратно в Калифорнию окружному суду с рекомендацией пересмотреть размер компенсации за нарушение дизайна iPhone. На тот момент конкретно за это Samsung уже выплатила \$399 млн. В результате к \$399 млн было добавлено еще \$140 млн которые теперь и должна выплатить корейская компания.

Основным вопросом при установлении размера компенсации было то, следует ли определять ее исходя из размеров выручки Samsung от продажи компонентов, которые нарушают указанные патенты, или смартфонов, в которых эти компоненты присутствуют. Сама Samsung считает, что должна уплатить всего \$28 млн.

По итогам семилетнего судебного разбирательства о нарушении патентов, Apple отсудила у Samsung \$539 млн за незаконное использование своих изобретений. Окончательное решение было принято присяжными американского федерального суда в Сан-Хосе, штат Калифорния, сообщает издание Bloomberg. Присяжные совещались почти пять дней. Патентная война между Apple и Samsung стала одной из самых масштабных в сфере мирового патентного законодательства.

Патентные войны лишней раз доказывают важность интеллектуальной собственности в получении прибыли. При этом ТНК не останутся ни перед чем, чтобы разузнать ноу-хау конкурента или, что лучше, заполучить его патент. Плюс государство также заинтересовано, чтобы их ТНК расширяли и проводили экономическую экспансию мира и оказывает им всяческую помощь. Например, управления внешней разведки в разных странах начали заниматься промышленным шпионажем; Соединенные Штаты ответили на возникшую со стороны Франции и других государств угрозу тем, что приняли законодательство, предусматривающее наказание в виде лишения свободы до 15 лет и штрафа до десяти миллионов долларов для лиц, занимающихся подобной деятельностью [2].

Литература:

1. Экономика транснациональной компании: Учеб. пособие для вузов / А. И. Михайлушкин, П. Д. Шимко. — М.: Высш. шк., 2005. С. 24;
2. Мэггс П. Б., Сергеев А. П. Интеллектуальная собственность. — М.: Юристъ, 2000.— 400с. ISBN 5–7975–0333–6 (в пер.);
3. Apple против Samsung. История битвы титанов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.forbes.ru/tehnologii/84834-apple-protiv-samsung-istoriya-bitvy-titanov> (дата обращения 07.10.2020 г.);

Статистический анализ института референдума в РФ

Байкалов Андрей Алексеевич, студент магистратуры
Новосибирский национальный исследовательский государственный университет

В статье анализируется собранная статистика по всем проведённым в России референдумам, а также выявляются закономерности и причины полученных результатов.

Ключевые слова: референдум, статистика, федеральный референдум, региональный референдум, местный референдум, демократия.

Референдум является одним из основных институтов народовластия, что играет важную роль в современном российском конституционализме, определении направления развития государства и общества, он обеспечивает свободное волеизъявление граждан по самому широкому кругу вопросов. Государственная власть и местное самоуправление функционируют устойчиво и эффективно лишь при наличии развитых институтов непосредственной демократии.

Эффективность института референдума можно оценить с помощью анализа практики проведения федеральных, региональных и местных референдумов.

Федеральных референдумов было три: всесоюзный референдум о сохранении СССР 1991 г., всероссийский референдум о введении поста президента РСФСР 1991 г., всероссийский референдум о доверии органам власти 1993 г.

Стоит сразу отметить неизменное стремление представителей государственной власти обойти сложные процедурные требования законодательства о референдуме и проводить «всенародное голосование» по проекту Конституции РФ как это было в 1993 году или «общероссийское голосование» по поправкам в Конституцию 2020 года.

Первый региональный референдум прошёл 07.12.2003 года, и всего с того момента по сегодняшний день было проведено 14 региональных референдумов. Из них 11 связано с территориальными преобразованиями, 2 касательно Конституции субъекта РФ и один по поводу перехода из одного часового пояса в другой.

Данная ситуация обусловлена Федеральным конституционным законом от 17.12.2001 года № 6-ФКЗ «О порядке при-

нятия в РФ и образования в ее составе нового субъекта РФ», согласно которому вопрос об образовании нового субъекта РФ подлежит вынесению на референдумы заинтересованных субъектов РФ. Поэтому в 2003–2007 годах в ряде регионов прошли подобные референдумы, по итогу которых субъектный состав РФ сократился с 89 (по состоянию на 1 декабря 2005 года) до 83 субъектов (по состоянию на 1 марта 2008 года), а после присоединения республики Крым и города федерального значения Севастополь число субъектов составило 85 [5].

Согласно статистическим данным, приведенным на официальном сайте ЦИК РФ всего на региональном и местном уровне проведено 4583 референдума. Выходит, что доля региональных референдумов равна 0,3%.

Если обратиться к статистике по местным референдумам, то по настоящее время было организовано 4568 местных референдумов. Из них всего лишь 150 были проведены до 2010 года. С начала 2010-х годов стали проводиться чаще, как и в ситуации с региональным референдумом толчком к организации их на местном уровне послужил официальный акт — Постановление Правительства РФ № 1578 «О внесении изменений в правила предоставления и распределения субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов РФ на поддержку государственных программ субъектов РФ и муниципальных программ». Он устанавливал, что каждый муниципалитет с населением свыше 20 тысяч человек для получения федерального финансирования своего проекта благоустройства парка (сквера) должен вынести его на референдум.

Количественное распределение 4568 организованных референдумов по субъектам РФ выглядит следующим образом:

Республика Татарстан — 3148 (68,9%)	Кировская область — 768 (16,8%)
Пермский край — 306 (6,6%)	Республика Башкортостан — 71
Алтайский край — 48	Республика Мордовия — 24
Оренбургская область — 20	Челябинская область — 20
Самарская область — 13	Московская область — 12

Оставшиеся 138 референдумов (2,5%) приходится на 75 других субъектов РФ [6]. 92% местных референдумов проведено в Кировской области, Пермском краю и Республике Татарстан, придавшей статистике существенный рост за счет сплошного проведения референдумов в каждом муниципалитете республики.

Собрать точные статистические данные о выносимых на референдум вопросах затруднительно из-за отсутствия подобной выборки на официальном сайте ЦИК, но по примерным подсчётам распределение о основных вопросам следующее:

4000 — самообложение граждан (87,5%)	120 — преобразование, изменение границ муниципального образования (2,53%)
20 — введение определённых запретов: строительства завода, выпаса скота и домашней птицы, реализации алкогольной продукции (0,43%)	

По итогу анализа статистики можно сказать, что федеральные и региональные референдумы крайне непопулярны. С 1993 года не проводился ни один общероссийский референдум. Региональных было проведено 14. По статистке с местными референдумами всё наоборот — их организовывалось 4568. Но не всё так однозначно, большое число местных референдумов не говорит об их эффективности: более 90% местных референдумов посвящены однообразным вопросам, референдум по которым в подавляющем большинстве обязателен по закону. Более 92% местных референдумов приходится на 3 субъекта РФ.

Более того, 78,6% региональных референдумов было проведено благодаря ФКЗ от 17 декабря 2001 года № 6-ФКЗ «О порядке принятия в РФ и образования в ее составе нового субъекта РФ», а более 88% местных референдумов благодаря Постановлению Правительства РФ № 1578 «О внесении изменений в правила предоставления и распределения субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов РФ на поддержку государственных программ субъектов РФ и муниципальных программ». Выходит, это показатель не правосознания общества, а действия данных актов как катализаторов к проведению референдумов.

Литература:

1. О референдуме РФ: ФКЗ от 28.06.2004 № 5-ФКЗ в ред. от 18.06.2017 // Собрание законодательства РФ.— 2004.— № 27.— Ст. 2710
2. О порядке принятия в РФ и образования в ее составе нового субъекта РФ: ФКЗ от 17.12.2001 N 6-ФКЗ (ред. от 31.10.2005) // Собрание законодательства РФ, 24.12.2001, N 52 (1 ч.), ст. 4916
3. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ: ФЗ от 12.06.2002 № 67-ФЗ в ред. от 30.04.2021 // Собрание законодательства РФ.— 2002.— № 24.— Ст. 2253
4. О внесении изменений в Правила предоставления и распределения субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов РФ на поддержку государственных программ субъектов РФ и муниципальных программ формирования современной городской среды: Постановление Правительства РФ от 16.12.2017 N 1578 // Собрание законодательства РФ, 25.12.2017, N 52 (Часть I), ст. 8155
5. Воробьева Е. И. Институт референдума в России: проблемы реализации / Е. И. Воробьева // Развитие общественных наук российскими студентами.— 2017.
6. Сайт ЦИК РФ. URL: <http://www.cikrf.ru/>
7. Календарь ЦИК. URL: <http://www.vybory.izbirkom.ru/region/izbirkom>

О причинах неэффективности института референдума в РФ

Байкалов Андрей Алексеевич, студент магистратуры
Новосибирский национальный исследовательский государственный университет

В статье рассматриваются основные причины низкой эффективности института референдума в России и предложения по решению выявленных проблем.

Ключевые слова: референдум, федеральный референдум, региональный референдум, местный референдум, демократия, дистанционное электронное голосование.

Согласно Конституции РФ референдум является высшим непосредственным выражением власти народа наравне со свободными выборами. Обеспечивая свободное волеизъявление граждан по самому широкому кругу вопросов, референдум обеспечивает непосредственное участие народа в законодательной деятельности и определяет направление развития государства и общества. Эффективность института референдума играет ключевую роль в развитии демократии.

В моей статье «Статистический анализ института референдума в РФ» [4] была представлена статистика проведения референдумов на территории РФ: федеральных — 3, региональных — 14, местных — 4568. По итогу выявлено, что федеральные и региональные референдумы крайне непопулярны, а большое число местных референдумов не говорит об их эффективности — более 90% местных референдумов проведены в 3

субъектах и посвящены однообразным вопросам, референдум по которым в подавляющем большинстве обязателен по закону.

Непопулярность федеральных референдумов заключается в большинстве изменений и дополнений, которые были внесены в законодательство с целью усложнения порядка проведения. Ранее инициатива проведения федерального референдума принадлежала 1 миллиону граждан, впоследствии стала принадлежать 2 миллионам. Если сбор подписей в субъектах РФ сначала был ограничен 200 тысячами подписей (10%), то впоследствии был уменьшен до 50 тысяч. К тому же и сам срок сбора подписей был сокращён с трёх месяцев до 45 дней, а вместо одной инициативной группы в 100 человек появилось требование создания таких групп как минимум в половине субъектов РФ, да и ещё в ограниченные сроки. Всё это требует значительных организационных ресурсов и больших финансово-материальных затрат.

Сами представители власти при необходимости проведения референдума опираются в сложные процедурные требования законодательства, поэтому в обход закона проводится «всенародное голосование» по проекту Конституции РФ как это было в 1993 году или «общероссийское голосование» по поправкам в Конституцию, что проводилось в 2020 году.

Так же не стоит забывать о предметных (например, запрет на вынесение на референдум вопросов финансовых или о принятии чрезвычайных и срочных мер по обеспечению здоровья и безопасности населения) и временных ограничениях (например, запрет проведения референдума в последний год полномочий Президента РФ, Государственной Думы Федерального Собрания РФ) [1].

Как отмечает Воробьева Е. И. «причины непопулярности референдума достаточно популярны: с одной стороны, это большие финансовые затраты на его проведение, с другой стороны, несовершенство законодательства» [5].

Два года назад очень остро стоял вопрос о строительстве храма в Екатеринбурге, вызвавшего массовые протесты населения [8]. Власть пошла навстречу населению, чтобы выбрать другое место для строительства путём опроса. Но почему не предлагаемым ранее референдумом? Вот как ответил мэр города: «Если мы выбираем референдум — это год подвешенной ситуации, это более чем серьезная подготовка, более чем серьезные затраты, достаточно большой процесс» [9]. Данная ситуация более чем отражает состояние института референдума в РФ.

С точки зрения финансовой оптимизации интересна практика применения постановления ЦИК РФ от 05.10.2011 № 41/353–6, где закрепляется возможность голосовать по почте [3]. Такая возможность предусматривалась в законодательстве 5 регионов: Санкт-Петербурге, Мурманской, Свердловской, Тюменской и Ярославской областей. На референдуме данное право не было применено, но протестировано на выборах депутатов Государственной Думы в вышеуказанных регионах.

Метёлкина с. С. полноправно называет данные голосования лишь экспериментами [6], голосование по почте имеет слишком много объективных минусов в организации, которые не дают желаемого законодателем результата. Решением видится введение интернет-голосования. Такой формат уже был успешно

опробован избирательной комиссией Волгоградской области в 2009 году на выборах в Урюпинске.

В целях уменьшения организационных ресурсов и финансово-материальных затрат было бы целесообразно, проводить процедуру сбора голосов для референдума на специализированном сайте на базе уже существующего официального портала «Госуслуги», который позволяет персонализировать пользователя. Современные технологии позволяют обеспечить честность такого волеизъявления, а главное удобство и большую эффективность.

Разработки, касающиеся проведения дистанционного референдума, позволяют сэкономить бюджетные средства в разы, так как при необходимости организации сбора подписей на выборы или референдум, данный процесс будет требовать меньшего количества затрат. К тому же подделать электронную подпись очень сложно, а современные технологии защиты баз данных позволят разработать надежную систему защиты [7].

Работа в данном направлении ведётся — 7 августа 2020 года успешно прошло первое технологическое тестирование новой системы дистанционного электронного голосования (далее — ДЭГ), разработанной компанией Ростелеком.

Данная система была успешно применена 13 сентября 2020 года на дополнительных выборах депутатов Государственной Думы седьмого созыва в Курской и Ярославской областях. Через Интернет проголосовало почти 30 тысяч избирателей, что составляет 7% от списочного состава избирателей.

В данный момент идёт комплексная проверка готовности системы к внедрению и использованию в единый день голосования 19 сентября 2021 года.

По итогу главными причинами неэффективности института референдума видятся большие организационные и финансово-материальные затраты, а так же излишне сложная законодательная процедура проведения. Решение первой проблемы видится наиболее «приземлённой» в ближайшей перспективе с учётом работы ЦИК и Ростелекома над системой ДЭГ. Поэтому дальнейшее развитие данной системы и повсеместное использование в том числе и на референдумах значительно бы повысило эффективность референдума как одного из основных институтов народовластия.

Литература:

1. О референдуме РФ: ФКЗ от 28.06.2004 № 5-ФКЗ в ред. от 18.06.2017 // Собрание законодательства РФ. — 2004. — № 27. — Ст. 2710
2. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ: ФЗ от 12.06.2002 № 67-ФЗ в ред. от 30.04.2021 // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 24. — Ст. 2253
3. О Временном порядке голосования по почте при проведении выборов в органы государственной власти субъектов РФ, органы местного самоуправления, референдума субъекта РФ, местного референдума: Постановление ЦИК России от 05.10.2011 N 41/353–6 // «Вестник Центризбиркома РФ», N 15, 2011.
4. Байкалов, А. А. Статистический анализ института референдума в РФ / А. А. Байкалов. // Молодой ученый. — 2021. — № № 21.
5. Воробьева Е. И. Институт референдума в России: проблемы реализации / Е. И. Воробьева // Развитие общественных наук российскими студентами. — 2017.
6. Метёлкина с. С. Перспективы применения голосования по почте в России // Гуманитарные научные исследования. 2016. № 8.
7. Сметанникова с. С. Использование современных технологий при инициации референдума в РФ // Развитие общественных наук российскими студентами — 2017.
8. Протесты против храма в Екатеринбурге: десятки задержанных, трое в больнице // BBC News Русская служба. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-48274540>

9. Мэр Екатеринбурга объяснил отказ от референдума по строительству храма // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5cde7ae89a79476ae899f203>
10. Портал дистанционного электронного голосования. URL: <https://vybory.gov.ru/>

Оспаривание крупных сделок

Бекмагамбетова Салтанат Сериковна, студент
Сибирский юридический университет (г. Омск)

Несоблюдение процедуры совершения, заключения купной сделки влечет ее недействительность. Реформа института крупных сделок, произошедшая в 2017 году, значительно изменила порядок обжалования крупных сделок. Одним из главных изменений выступила идея оспаривания таких сделок по общим основаниям, предусмотренным ГК РФ. Так, нормативно-правовые акты, регулирующие деятельность акционерных обществ и обществ с ограниченной ответственностью, являются специальными по отношению к правилам установленным ГК РФ.

В соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 № 27 «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность» (далее — ПП ВС РФ № 27) в случае признания сделки недействительной, как заключенной с нарушением предусмотренного ФЗ об АО и ФЗ об ООО порядка совершения и согласования крупных сделок, подлежит применению статья 173.1 ГК РФ. Это в свою очередь приравнивает порядок оспаривания крупных сделок к общим правилам о недействительности.

Д. И. Степанов отмечал «Вне зависимости от организационно-правовой формы корпорации и применимого закона крупные сделки хозяйственного общества, совершенные с нарушением установленной процедуры, являются оспоримыми, а не ничтожными» [3].

В настоящее время на законодательном уровне исчерпывающе определен круг субъектов, которые могут обращаться с иском заявлением в суд в целях признания крупной сделки недействительной.

Законы о хозяйственных обществах устанавливают ценз и ограничения для участников общества. В настоящее время не каждый и любой участник имеет право обжаловать крупную сделку. Статья 46 ФЗ об ООО устанавливает следующих субъектов, которым предоставлено право оспаривать: общество, член совета директоров общества или его участников, обладающих не менее чем одним процентом общего числа голосов участников общества. А статья 79 ФЗ об АО предусматривает: по иску общества, члена совета директоров общества или его акционеров, владеющих в совокупности не менее чем одним процентом голосующих акций общества. Данный ценз установлен для того, чтобы лицо, то есть акционер, участник корпорации, с маленьким размером пакета акций (размером долей в уставном капитале) не злоупотреблял правом.

И. с. Шиткина «Прежде всего, достигнута определенность в круге лиц, которые могут обращаться с иском в суд о признании

экстраординарных сделок недействительными и в основаниях недействительности сделок» [4, 127].

Анализируя положения корпоративного и гражданского законодательства, можно говорить о том, что общество главный субъект, который может обжаловать сделки, заключаемые юридическим лицом, в том числе и крупную. Так как в силу статей 65.2 и 65.3 ГК РФ участники корпорации и члены коллегиальных органов могут обжаловать сделки, обращаясь с иском заявлением в суд, но выступая от имени общества.

Пунктом 3 статьи 173.1 ГК РФ в целях ограничения злоупотреблений со стороны участников общества, истцов устанавливается правило, что закон не допускает обращения акционера и участника, голосовавшие за согласие на совершение сделки на общем собрании, в последующем обжаловать данную сделку, если основания для ее оспаривания были ему известны на момент голосования.

Субъект, оспаривающий совершенную крупную сделку должен доказать, во-первых, наличие критериев, признаков крупной сделки. Так как ФЗ об АО и ФЗ об ООО презюмируется, что любая сделка считается заключенной в пределах обычной хозяйственной деятельности, пока не будет доказано иное. Во-вторых, необходимо доказать отсутствие согласия и последующего одобрения сделки, то есть нарушения порядка согласования крупной сделки. Поскольку совершение данной сделки в соответствии с законодательством требует одобрения органами хозяйственного общества и следованию определенного порядка их согласования, то не соблюдение данной процедуры влечет их недействительность, что в свою очередь должен доказать истец.

Из Обзора судебной практики Президиума ВС РФ от 25 декабря 2019 года следует «Для признания крупной сделки недействительной не требуется доказывать наличие ущерба обществу в результате совершения такой сделки, поскольку достаточно того, что сделка являлась крупной, не была одобрена и другая сторона знала или заведомо должна была знать об этих обстоятельствах» [2].

А также, важным аспектом для оспаривания сделки является то, что согласно положениям законодательства о хозяйствующих обществах бремя доказывания того, что контрагент знал или заведомо должен был знать о том, что сделка крупная и (или) об отсутствии необходимого одобрения определенным органом юридического лица возлагается на истца. Правила, вступившие в силу в 2017 году, изменили подход к действиям контрагента. Так как в предыдущей редакции законов об ООО

и об АО презюмировалась недобросовестность другой стороны, то есть при рассмотрении дела в суде необходимо было доказать, что другая сторона по данной сделке не знала и не должна была знать о нарушении порядка согласования данной сделки. Соответственно изменился подход к распределению бремени доказывания, так как в действующей редакции предполагается, что другая сторона не знала о нарушениях установленных правил одобрения крупной сделки.

Нормативно-правовые акты о хозяйственных обществах не устанавливают точного срока исковой давности в целях обжалования крупных сделок. По общему правилу для оспоримой сделки применяются нормы гражданского права, а именно статья 181 ГК РФ, устанавливающая годичный срок исковой давности. Такой же срок установлен и ПП ВС РФ № 27. Установление годичного срока определяется тем, что общество, по итогам годового общего собрания участников подводя итоги деятельности, может выявить нарушения, например, из бухгалтерского годового отчета, возможно, усмотреть изменение состава средств и активов общества в сравнении с предыдущим периодом. По правилу статей, посвященных крупным сделкам, срок исковой давности является пресекательным, то есть для оспаривания совершенных крупных сделок при его пропуске восстановлению не подлежит.

В настоящее время ФЗ об ООО и ФЗ об АО содержит идентичные критерии и основания, в соответствии с которыми суд отказывает в удовлетворении иска. Данные критерии являются альтернативными. Так, первое основание: если при рассмотрении дела в суде были предложены доказательства последующего одобрения крупной сделки. Соответственно, в случае, если решение о последующем одобрении крупной сделки будет принято после окончания рассмотрения дела по существу, то предоставление доказательства уже не будет основанием для отмены решения суда, так как на момент рассмотрения дела было основание для отказа предусмотренное корпоративными

правилами. Вторым основанием отказа будет, если при рассмотрении дела в суде не доказано, что другая сторона по такой сделке знала или заведомо должна была знать о том, что сделка являлась для общества крупной сделкой, и (или) об отсутствии надлежащего согласия на ее совершение. В данном случае признается добросовестность контрагента и возлагается на истца бремя доказывания.

И. В. Матвеев квалифицирует все сделки с данным пороком как правонарушения, «поскольку посягают на важнейший принцип гражданского права, установленный в п. 2 ст. 1 ГК РФ, в силу которого граждане и юридические лица приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своём интересе» [1, 122].

В случае признания судом крупной сделки недействительной применению подлежат общие положения ГК РФ о последствиях недействительности сделки. Последствием признания сделки недействительной будет являться реституция, то есть возврат в первоначальное положение. Крупную сделку, заключенную с нарушением порядка одобрения уполномоченными органами, можно отнести к сделкам с пороками воли, так как образуется несоответствие воли и волеизъявления, поскольку при совершении крупной сделки волеобразующие и волеизъявляющие органы различные, а управление и руководство деятельностью корпораций многоуровневое.

Таким образом, анализируя процедуру оспаривания крупных сделок можно прийти к выводу, что развитие законодательства и судебной практики следует за обеспечением стабильности сделок. Законодателем определены точно установленные правила оспаривания крупных сделок, которые являются объективными и направлены на защиту и восстановление прав и законных интересов участников хозяйственных обществ. Гарантируют судебную защиту лицам, определенным в законодательстве и чьи права могут быть нарушены при незаконном совершении и заключении крупных сделок.

Литература:

1. Матвеев И. В. Правовая природа недействительных сделок. М.: Юрлитинформ, 2002. 176 с.
2. Обзор судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах утв. Президиумом Верховного Суда РФ от 25 декабря 2019 года. Доступ из СПС «Консультант Плюс».
3. Степанов Д. И. Новый режим оспаривания крупных сделок: реформа ради реформы? // Закон. 2015. № 9. С. 110–128.
4. Шиткина И. с. Значение реформы института крупных сделок и сделок с заинтересованностью для теории и практики // Закон. 2019. № 12. С. 120–137.

Влияние гражданства на реализацию детьми-мигрантами своих прав в стране пребывания

Боярский Петр Владимирович, студент магистратуры

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

Гражданство играет большую и более важную роль в жизни детей, чем следовало бы. Дети без гражданства невероятно уязвимы для эксплуатации. В контексте миграции гражданство ребенка может во многом определять, где и с кем он живет. Несмотря на современные рамки прав детей, которые признают принцип гуманности и автономии прав детей, гражданство и национальность по-прежнему составляют неотъемлемую часть личности ребенка и играют решающую роль в его развитии. Оно оказывает всестороннее влияние на обеспечение других прав детей и может быть центральным фактором в культурном и языковом происхождении.

дени ребенка, его образования, а также практически во всех аспектах повседневной жизни ребенка. В этой статье исследуются права детей-мигрантов на гражданство и исследуется продолжающийся кризис «безгражданства», который подрывает эти права. В нем рассматривается роль гражданства как в добровольной, так и в принудительной миграции детей, защита конкретных детей, предусмотренная универсальными рамками прав человека, а также роль гражданства детей в укреплении единства семьи.

Ключевые слова: гражданство, национальность, дети, права детей, права человека, миграция.

Право ребенка на гражданство широко и недвусмысленно признано. Действительно, во многих документах по правам человека конкретно сформулированы права, связанные с гражданством, особенно в отношении детей. Например, в Международном пакте о гражданских и политических правах (далее — МПГПП) давно отмечено, что «каждый ребенок имеет право на получение гражданства» [1]. Это сопровождается сопутствующими правами на имя и регистрацию после рождения [1]. Неудивительно, что эта, казалось бы, бесспорная идея нашла отражение в Конвенции о правах ребенка (далее — КПр), которая требует, чтобы «ребенок был зарегистрирован сразу после рождения и имел право с рождения на имя, право на получение гражданства» [2]. Государства обязаны обеспечивать реализацию этих прав, «особенно в тех случаях, когда ребенок является апатридом» [2]. Признание этих прав также содержится в статье 29 Международной конвенции о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей [3].

Как и везде, однозначное изложение права не является гарантией соблюдения прав. «Точное количество лиц без гражданства неизвестно, но, по оценкам УВКБ ООН, в мире насчитывается не менее 10 миллионов человек, из которых примерно одна треть — дети» [5]. Как минимум «70 000 новых детей без гражданства рождаются ежегодно в 20 странах, принимающих самую большую в мире группу лиц без гражданства» [11].

По определению, лицо без гражданства — это «лицо, которое не считается гражданином какого-либо государства в соответствии с его законодательством. Проще говоря, это означает, что лицо без гражданства не имеет гражданства какой-либо страны. Некоторые люди рождаются без гражданства, а другие становятся апатридами» [5]. Безгражданство возникает по разным причинам, «включая дискриминацию в отношении определенных этнических или религиозных групп, по половому признаку, в следствии миграции или же по причине существующих пробелы в национальных законах о гражданстве» [5].

Несмотря на содержание международных прав человека в части того, что дети будут защищены безотносительно к их гражданству, по-прежнему гражданство играет важную роль в обеспечении возможностей и защиты детей. Без юридического статуса или права на него детям-мигрантам может быть отказано в основных услугах, включая здравоохранение, социальную защиту и образование. Они могут быть ограничены в своих будущих передвижениях, вследствие чего не могут или не хотят искать защиты, когда они в ней нуждаются.

Отсутствие гражданства страны пребывания у детей-мигрантов — это история отсутствия возможностей, отсутствия защиты прав человека и недостаточного участия. Они сталкиваются с проблемами во всех сферах жизни, в том числе: получение образования и здравоохранения, получение свидетель-

ства о рождении, получение паспорта или выдача каких-либо документов, удостоверяющих личность, чрезвычайно сложно, так что у многих детей-мигрантов нет доказательств своего существования и нет средств, с помощью которых можно было бы идентифицировать себя в повседневном взаимодействии с государством или частными организациями. Международные поездки практически невозможны, если только они не совершаются незаконными и опасными способами. Свободное передвижение в пределах государства проживания, даже если это место также может быть затруднительным. Если ребенок-мигрант захочет отстаивать свои права или где оно стало жертвой преступности или эксплуатации, отсутствие у них гражданства также может препятствовать доступу к правосудию [6].

Невозможность получить гражданство имеет серьезные последствия для детей.

Помимо детей без гражданства, которые формально не имеют гражданства, многие другие дети, которые де-факто не имеют гражданства, сталкиваются с аналогичными сложностями и проблемами. Некоторые дети фактически являются лицами без гражданства, например «дети, незаконная миграция которых делает их де-факто лицами без гражданства в том смысле, что, несмотря на наличие гражданства, они не могут обратиться к государству, в котором они живут, за защитой или помощью» [12]. Поскольку права детей сильно (и во многих случаях ненадлежащим образом) переплетаются с правами родителей, даже дети с формальным гражданством сами подвергаются маргинализации, если их родители не имеют постоянного иммиграционного статуса. В результате дети-граждане в семьях со смешанным статусом лишены всех социальных преимуществ гражданства, поскольку различные формальные и неформальные барьеры приравнивают их к статусу лица без гражданства.

Хотя эта усугубляющаяся проблема не связана исключительно с миграцией и перемещением, дети и семьи, которые перемещаются из одной страны в другую, более восприимчивы к ней и сильнее страдают от нее. Гражданство часто связано с местом проживания и в значительной степени связано с миграцией.

Гражданство влияет на самые фундаментальные аспекты жизни детей-мигрантов, часто включая то, где и с кем они могут жить. Когда дети оказываются за пределами страны своего гражданства, их гражданство и миграционный статус могут иметь огромное влияние на обе эти проблемы.

Дети составляют значительную, если не равномерную, часть населения международных мигрантов. Они мигрируют с семьей, но в значительном количестве их не сопровождают взрослые. Иногда они перемещаются по собственному желанию, но слишком часто они вынуждены мигрировать. Дети

и подростки, которые мигрируют по своему выбору, «обычно не до конца представлены среди международных мигрантов: в мире 14% всех мигрантов моложе 20 лет по сравнению с 34% от общей численности населения» [7]. За десятилетие с 2005 по 2015 год число детей-беженцев в соответствии с мандатом Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН) увеличилось с четырех миллионов до девяти миллионов [8]. По состоянию на 2020 год «28 миллионов или 1 из 80 детей в мире жили в условиях принудительной миграции это — 12 миллионов детей-беженцев и детей, ищущих убежища, и 16 миллионов детей, живущих в условиях внутреннего перемещения из-за конфликтов и насилия» [9]. Такой уровень принудительной миграции демонстрирует, что многим детям небезопасно находится на родине, а гражданство детей не гарантирует, что они будут защищены в стране своего гражданства или рождения. Из-за отсутствия защиты со стороны стран гражданства миллионы детей вынуждены искать защиты за пределами страны своего гражданства. В таких условиях гражданство по-прежнему играет роль в том, где ребенок может жить и расти.

В основных документах, определяющих параметры правового обращения с беженцами, в Конвенции о статусе беженцев (далее — Конвенция о беженцах) и Протокол к ней 1967 года, мало говорится о детях [4]. Несколько ссылок на детей в Конвенции о беженцах отражают акцент международного права на взрослых и маргинальное отношение к детям во время принятия договора. В Конвенции о беженцах есть две статьи говорящие о детях, одна гарантирует родителям «свободу исповедовать свою религию и свободу в отношении религиозного образования своих детей» [4], а другая предусматривает разрешение родителя на работу, когда «они имеют одного или несколько детей, имеющих гражданство страны проживания» [4]. В Конвенции о беженцах действительно указывается, что «Договаривающиеся государства будут предоставлять беженцам такое же обращение, какое предоставляется гражданам в отношении начального образования» [4], положение, имеющее большое значение для детей. Но поразительно то, что в Конвенции о беженцах содержится обязательство государств не возвращать беженцев в места, где они опасаются преследований из-за оснований со стороны государства, но при этом не содержит специальных положений для детей. Дети действительно могут подавать иски в соответствии с Конвенцией о беженцах, но его текст не отличает такие утверждения от заявлений взрослых. Это означает, что нормативные и правовые рамки, как материальные, так и процедурные, построены с учетом взглядов и возможностей взрослых и не адаптированы к особому опыту детей.

Применение Конвенции о статусе беженцев со временем изменилось, в значительной степени под влиянием КПП, чтобы лучше распознавать детей как автономных лиц, а не просто пассивных объектов, находящихся под контролем их родителей. В отличие от ограниченного ведения детей в Конвенции о беженцах, центральным понятием КПП является идея детей как лиц, являющихся самостоятельными субъектами права. Дети имеют права не потому, что они достаточно похожи на взрослых, у которых есть права, и не в силу их особой стадии

развития или уязвимости. Скорее, дети — это просто люди, которые заслуживают достоинства и уважения, требуемых международным правом прав человека [14]. Даже когда у детей отсутствует способность самостоятельно осуществлять эти права, они все равно остаются индивидуальными, обладающими правами людьми. Центральное место в КПП занимают два критических подхода:

1. «Во всех действиях, касающихся детей... первоочередное внимание уделяется наилучшим интересам ребенка» [2];
2. «Дети имеют право участвовать в решения, которые влияют на их жизнь в соответствии с их возрастом и зрелостью» [2].

Таким образом, КПП превращает детей «из семейного имущества» в индивидуальных агентов, из объектов в субъекты» [13]. Для целей миграции эти подходы жизненно важны. Слишком часто просто предполагается, что взрослые в жизни детей могут и будут принимать решения о передвижениях детей, и что все, что отвечает наилучшим интересам взрослого, также в лучших интересах ребенка. Согласно подходу КПП участие ребенка и учет интересов ребенка предотвращают такие предположения.

Важно отметить, что в соответствии с КПП принцип, согласно которому дети обладают правами, закрепленными за всеми людьми, сочетается с пониманием того, что им может потребоваться помощь для реализации этих прав. Дети часто более уязвимы физически и эмоционально, чем взрослые. Учитывая это неравенство, для реализации их прав может потребоваться дифференцированное обращение. Однако КПП ясно дает понять, что более ограниченная автономия детей по сравнению со взрослыми не подрывает их статус правообладателей и, кроме того, что их возможная потребность в альтернативных механизмах и средствах защиты не является оправданием для непризнания их прав. Этот подход прямо применяется к детям-мигрантам в статье 22 КПП, которая предусматривает, что государства-участники принимают соответствующие меры для обеспечения того, чтобы ребенок, ищущий статус беженца или считающийся беженцем в соответствии с применимыми международными или национальными законами и процедурами, независимо от того, был ли он без сопровождения или в сопровождении своих родителей или любого другого лица, получил надлежащую защиту и гуманитарную помощь при осуществлении применимых прав, изложенных в настоящей Конвенции и в других международных документах по правам человека или гуманитарных документах, участниками которых являются указанные государства.

Влияние КПП проявляется в руководящих принципах УВКБ ООН 2009 года, которые вносят ориентированный на ребенка подход в процесс рассмотрения дел о беженцах. Руководящие принципы предусматривают, что «определение беженца» должно толковаться с учетом возраста и пола, принимая во внимание конкретные мотивы, формы и проявления преследования, которому подвергаются дети» [10]. В руководящих принципах также отмечается, что дети «могут быть не в состоянии сформулировать свои требования о предоставлении статуса беженца так же, как взрослые, и, следовательно, для этого может потребоваться особая помощь».

Детей слишком часто вынуждают мигрировать без сопровождения заботливых взрослых, но отличительной чертой международной миграции является то, что, помимо индивидуальных перемещений, семьи перемещаются вместе или борются за воссоединение после разлучения через границы. Действительно, точка зрения, что дети являются неотъемлемой частью семьи, остается отправной точкой для анализа прав во многих юрисдикциях, даже там, где сильно влияние КПП. Итог: гражданство ребенка может играть здесь ключевую роль.

В международных документах по правам человека почти повсеместно подчеркивается важность семьи. Всеобщая декларация прав человека провозглашает, что «семья является естественной и основной ячейкой общества и имеет право на защиту со стороны общества и государства» [15].

Акцент на семье, который также присутствует в КПП, не должен уменьшать центральное понятие КПП, то есть представление детей как личности и правообладателей. При подходе, ориентированном на ребенка, родители, семьи и сообщества являются попечителями, которым поручено помогать детям в отстаивании и реализации их права в контексте миграции, особенно когда дети и родители не имеют одного и того же гражданства. Совершенно очевидно, что могут иметь место явные конфликты между единством семьи и миграционным контролем, например, когда иммиграционный режим в стране требует депортации родителя-негражданина, но не ребенка-гражданина. Говоря более точно, асимметрия в обращении со взрослыми и детьми в различных иммиграционных режимах часто низводит детей до менее благоприятного статуса, обесценивая их гражданство, поскольку гражданство детей с меньшей вероятностью передается родителям, чем наоборот. Это может иметь ужасные последствия для притязаний ребенка на единство семьи.

Например, интересы детей могут быть легко сведены на нет при исполнении законов о миграции в отношении взрослых. Согласно международному праву прав человека, «заявления ребенка или его родителей о въезде в государство-участник или выезде из него с целью воссоединения семьи рассматриваются государствами-участниками позитивно, гуманно и оперативно» [2]. Кроме того, «Ребенок, родители которого проживают в разных государствах, имеет право поддерживать на регулярной основе, за исключением особых обстоятельств, личные отношения и прямые контакты с обоими родителями» [2]. Это не означает, что право ребенка на единство семьи иногда не вступает в конфликт с законными интересами государства в принятии решений о въезде или пребывании неграждан, но вмешательство в семейную жизнь не может быть произвольным или незаконным [16]. Примечательно, что «разделение семьи путем депортации или высылки члена семьи с территории государства-участника, или иным образом отказ в разрешении члену семьи въехать на территорию или остаться на ней может быть приравнен к произвольному или незаконному вмешательству в семейную жизнь» [3].

При анализе целесообразности использования государством своих полномочий для контроля за въездом и противодействием защите единства семьи ключевым моментом является баланс. В деле Стюарт против Канады (1996 г.) Комитет

ООН по правам человека установил, что право государства депортировать негражданина, даже по законной государственной причине, должно быть сбалансировано с должным учетом семейных связей депортируемого и любых трудностей для семьи, которые могут возникнуть в результате депортации, что и является причиной [17]. Европейский суд по правам человека (далее — Европейский суд) также подчеркнул важность баланса.

Договаривающиеся государства должны поддерживать общественный порядок, в частности, осуществляя свое право в соответствии с устоявшимся международным правом и в соответствии с их договорными обязательствами, чтобы контролировать въезд и проживание иностранцев и, в частности, отдавать приказ о высылке иностранцев, осужденных за уголовные преступления. Однако их решения в этой области должны быть необходимы в демократическом обществе, поскольку они могут вмешиваться в право, защищаемое в соответствии с пунктом 1 статьи 8 (право на частную и семейную жизнь), что, иными словами, оправдано насущной социальной необходимостью и соразмерно преследуемой законной цели [18].

Хотя право иностранного гражданина остаться в стране пребывания не является безоговорочным, равно как и право государства на высылку [19]. В этом контексте гражданство ребенка и его права как гражданина в конкретной стране должно быть важным фактором при принятии в этой стране решения об исключении одного из родителей. Примечательно, что это не просто родитель, пользующийся статусом гражданства ребенка, а, скорее, способ реализации «мер, направленных на то, чтобы родители могли выполнять свои обязанности в отношении развития ребенка» [3].

Стремясь уравновесить целостность семьи с миграционным контролем, Европейский суд и Комитет ООН по правам человека «рассмотрели различные элементы в уравнивании прав депортированного лица на пребывание в принимающей стране и интересов государства в защите своих граждан и других лиц, находящихся под его юрисдикцией» [3]. Соответствующими элементами были возраст, в котором негражданин иммигрировал в принимающее государство, продолжительность проживания негражданина в принимающем государстве, семейные связи негражданина в принимающем государстве, степень трудностей депортации негражданина для семьи в принимающее государство, степень связей негражданина со страной происхождения, способность негражданина говорить на основном языке(ах) страны происхождения, а также характер и тяжесть любых уголовных преступлений, совершенных негражданином [3]. Таким образом, когда гражданство ребенка позволяет ему оставаться в стране, из которой родитель потенциально может быть депортированным, интересы и голос ребенка должны быть частью любого решения в отношении родителя.

Чтобы интересы ребенка оставались в центре внимания и не становились бессмысленными, государства должны пересмотреть предположения о верховенстве иммиграционного законодательства и признать, что «жертва, присущая ограничению семейной жизни, и влияние на жизнь и развитие ребенка не перевешивают преимущества, полученные путем

принуждения родителя покинуть территорию из-за правонарушения, связанного с иммиграцией» [3]. Государства также не должны предполагать, что статус детей будет соответствовать статусу родителей, и поэтому должны «обеспечивать возможности для легализации статуса для мигрантов в нерегулярное проживание со своими детьми, особенно если ребенок родился или проживал в стране назначения в течение длительного периода времени, или когда возвращение в страну происхождения родителя противоречило бы наилучшим интересам ребенка» [3]. Если депортация родителей основано на преступной деятельности, «права должны быть в первую очередь рассмотрены, и их право быть услышанными и серьезно относиться к их мнению, должно быть обеспечено с учетом принципа соразмерности и других принципов и стандартов прав человека» [3]. Как правило, когда депортация угрожает «разрывом семейной ячейки изгнанием одного или обоих родителей на основании нарушения иммиграционного законодательства», возникающее негативное воздействие на ребенка «несоразмерно» интересам государства в изгнание родителя⁶⁸. Таким образом, статус гражданства ребенка должен служить мощной силой против депортации родителя по причинам, связанным с чисто иммиграционным статусом [3].

Помимо ситуаций, когда на карту поставлена возможная высылка родителей детей-мигрантов, не являющихся гражданами страны прибывания, отсутствие способов урегулирования иммиграционного статуса часто препятствует тому, чтобы гражданство детей способствовало обращению родителей с просьбой о предоставлении законного статуса. Когда родителям удается получить законный иммиграционный статус они обычно имеют право распространить это право на своих детей, но, когда дети достигают законного иммиграционного статуса, они почти всегда лишены возможности предоставлять иммиграционные льготы родителям. На практике рамки иммиграционного зако-

нодательства для семейной иммиграции подчиняют статус детей статусу их родителей, получив убежище, их родителям не предоставляется соответствующее иммиграционное или гражданское пособие. Это делает родителей уязвимыми и подвергает детей риску потерять способность оставаться на попечении родителей или отказаться от иммиграционных льгот или гражданства, на которые они имеют право. Асимметрия, заложенная в систему, не является неотъемлемой частью соответствующих отношений, поскольку одни и те же отношения между родителями и детьми приводят к разным результатам, когда обладатель законного иммиграционного статуса является родителем, а не ребенком.

Вывод:

Гражданство играет большую и более важную роль в жизни детей, чем следовало бы. Когда детям не хватает гражданства, они невероятно уязвимы для эксплуатации. А идеал воспитания и защиты детей независимо от гражданства быстро рушится, когда дети находятся за пределами страны своего гражданства. В контексте миграции гражданство ребенка может во многом определять, где и с кем он живет. В жизни ребенка это чрезвычайно важные определения.

Утверждать и ценить гражданство и смежные права ребенка не всегда удобно, особенно в контексте миграции. Отстаивание интересов детей предъявляет требования к обществу и государству. Они могут противоречить строгому применению иммиграционный контроль государств. Подтверждение иммиграционных законов может поставить под угрозу единство семьи, и достижение единства семьи часто может быть достигнуто только при нарушении иммиграционного контроля. Но важно, чтобы гражданство детей принималось во внимание и не подчинялось гражданству взрослых в жизни детей. Требуется ориентированный на ребенка подход к вопросам гражданства и национальности. Гражданство детей не должно определять их права и возможности, равно как и гражданство их родителей.

Литература:

1. Международный пакт о гражданских и политических правах [Текст]: принят на XXI сессии ГА ООН 16 декабря 1966 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. Ст. 291.
2. Конвенция о правах ребенка от 20 ноября 1989 г. [Текст] // Ведомости Верховного Совета СССР. 7 нояб. 1990. № 45, ст. 995
3. Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей [Электронный ресурс]: принята резолюцией ГА ООН 45/158 от 18 декабря 1990 г. // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/migrant5.shtml
4. Конвенция о статусе беженцев (Женева, 28 июля 1951 г.) // Сборник Международных документов. — 1995. — № 2. — С. 22–29.
5. Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев (далее — УВКБ ООН) [Электронный ресурс]: «Безгражданство во всем мире», // URL: <http://www.unhcr.org/en-us/statelessness-around-the-world.html>
6. Институт безгражданства и инклюзии, [Электронный ресурс]: «Влияние безгражданства» // URL: <https://web.archive.org/web/20190412153537/http://www.institutesi.org/world/impact.php>
7. Департамент ООН по экономическим и социальным вопросам, Отдел народонаселения, Отчет о международной миграции 2017: Основные моменты, Док. ST / ESA / SER.A / 404 (2017), 17.
8. Детский фонд Организации Объединенных Наций (ЮНИСЕФ), «Дети в движении: ключевые факты и цифры», сводка данных, февраль 2018 г., 2, <https://data.unicef.org/wp-content/uploads/2018/02/Data-brief-children-on-the-move-key-facts-and-figures-1.pdf>
9. ЮНИСЕФ, «Дети в движении», 2020
10. УВКБ ООН, «Руководящие принципы международной защиты: ходатайства о предоставлении убежища детям в соответствии со статьями 1 (А) 2 и 1 (F) Конвенции 1951 года и / или Протокола 1967 года, касающихся статуса беженцев», UN Doc. HCR / GIP / 09/08 (22 декабря 2009 г.), 4 (цитируется Комитет ООН по правам ребенка, Замечание общего порядка № 6 (2005 г.): Обращение с несопровождаемыми и разлученными детьми за пределами страны их происхождения, CRC / GC / 2005/6 (2005)).

11. Emily Garin, Jan Beise, Lucia Hug, and Danzhen You. 2016. «Uprooted: The Growing Crisis for Refugee and Migrant Children.» UNICEF. <https://www.unicef.org/videoaudio/PDFs/Uprooted.pdf>.
12. Bhabha, Jacqueline. «From Citizen to Migrant: The Scope of Child Statelessness in the Twenty-First Century.» Children Without a State: A Global Human Rights Challenge, edited by Jacqueline Bhabha, by Mary Robinson, The MIT Press, Cambridge, Massachusetts; London, England, 2011, pp. 1–40. JSTOR, www.jstor.org/stable/j.ctt5hhf49.5.
13. Jacqueline Bhabha and Wendy Young, «Not Adults in Miniature: Unaccompanied Child Asylum Seekers and the New U. S. Guidelines,» International Journal of Refugee Law 11, no. 1 (1999): 84–125, 93.
14. Martha Minow, «Whatever Happened to Children's Rights?,» Minnesota Law Review 80, no. 2 (1995): 267–298.
15. Всеобщая декларация прав человека // Международное публичное право. Сборник документов. Т. 1. М.: БЕК. 1996. С. 460–464
16. Комитет по защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей, Общий комментарий № 2: О правах трудящихся-мигрантов с неурегулированным статусом и членов их семей, UN Doc. CMW / C / GC / 2 (2013).
17. Комитет ООН по правам человека, Стюарт против Канады, док. ССРП / С / 58 / D / 538/1993 (1 ноября 1996 г.).
18. Бельджуди против Франции, № 12083/86, Eur. Кт. Н.Р. 86 (1992), п. 74.
19. Уэйн Смит, Хьюго Армандарис и др. против Соединенных Штатов, дело 12.562, Доклад Межамериканской комиссии по правам человека № 81/10 (2010 г.), п. 58.

Система оценки коррупционных рисков как мера профилактики и предупреждения коррупционных правонарушений

Брызгунова Оксана Федоровна, студент магистратуры
Вятский государственный университет (г. Киров)

Данная статья посвящена проблеме внедрения системы оценки коррупционных рисков в Российской Федерации как меры профилактики и предупреждения коррупционных правонарушений. Проанализировано понятие коррупционного риска, а также исследованы цели, задачи и основные направления оценки коррупционных рисков.

Ключевые слова: противодействие коррупции, профилактика коррупции, предупреждение коррупции, коррупционный риск.

Коррупция во всем мире признается чрезвычайно опасным социально-правовым явлением, порождающим проблемы и угрозы для стабильности и безопасности жизни, разрушающим институты и ценности правового государства, наносящим существенный вред развитию государства и правопорядку, в связи с чем проблематика противодействия коррупции стала доминирующей в национальной политике множества стран. Коррупция представляет значительную проблему и для России, затрагивающую все аспекты жизни россиян.

Однако реальное противодействие коррупции возможно только в случае, если она будет рассматриваться как системное явление. Результатом этой работы должно стать создание таких институциональных и правовых условий, которые позволят не только эффективно выявлять и наказывать коррупционные нарушения, но, прежде всего, обеспечивать их системную профилактику и предупреждение. Согласно Конвенции ООН [1] против коррупции предупреждение и искоренение коррупции отнесены к числу обязанностей всех государств.

Основные правовые и организационные основы предупреждения коррупции сформированы в Федеральном законе от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [2], а также в Указе Президента РФ от 29.06.2018 № 378 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2018–2020 годы» [3], в иных нормативных правовых актах в сфере про-

тиводействия коррупции, и предполагает целый комплекс мер, способствующих искоренению данного явления.

Однако в настоящее время состояние системы профилактики коррупционных правонарушений оценивается как критическое, профилактические механизмы противодействия коррупции ослаблены и не приносят должного эффекта, в связи с чем стоит острая необходимость в разработке и внедрении новых антикоррупционных технологий. Считаем, что одной из таких технологий должна стать система оценки коррупционных рисков, позволяющая системно управлять коррупционными рисками и минимизировать их. По мнению экспертов ООН оценка коррупционных рисков должна являться основой для разработки и принятия антикоррупционной программы, что позволит определять их приоритетность.

Оценка коррупционных рисков является действенной современной антикоррупционной технологией, направленной на профилактику коррупции, поскольку, только изучив и поняв риски коррупции и выделив их, можно разработать действенную систему мер, направленную на их искоренение либо минимизацию.

В последнее время понятие «оценка коррупционных рисков» все более активно входит в оборот. Однако в России в настоящее время отсутствуют как системное нормативное регулирование оценки коррупционных рисков, так и устойчивая практика ее проведения. Более того, ни в действующем зако-

нодательстве Российской Федерации, ни в научных исследованиях, еще не сложились общепризнанные формулировки понятий «оценка коррупционных рисков», «коррупционный риск», да и понятия «риска» вообще как такового. Внедрение системы оценки коррупционных рисков в качестве меры профилактики и предупреждения коррупции не поименовано ни в Федеральном законе от 25.12.2008 № 273-ФЗ, ни в Национальном плане противодействия коррупции на 2018–2020 годы.

В правовой доктрине под риском понимается модель неблагоприятного сценария реализации права, воплощение которой угрожает снижением качества правовых результатов и правового регулирования [17, с. 175–177].

Однако нам представляется, что риск не относится к какой-либо одной отрасли права, а присущ многим сферам правового регулирования. Так, подчеркивая важность категории риска для права, Я. М. Магазинер, определяет само право через понятие риска: «Все право есть не что иное, как система распределения рисков» [16, с. 136]. В свою очередь А. А. Шахбазян полагает, что «право, с одной стороны, является регулятором риска, с другой — право само порождает риск» [19, с. 128]. Согласно позиции О. В. Казаченкова, под коррупционными рисками предлагается понимать обстоятельства, факторы и явления, возникающие в процессе функционирования органов государственной власти, осуществления служебной деятельности государственных служащих, создающие ситуацию возможного совершения коррупционного правонарушения [13, с. 38]. В. И. Левакин и Ж. А. Шишова считают, что под коррупционными рисками следует понимать заложенные в системе государственного и муниципального управления возможности для материальной и иной выгоды при выполнении своих должностных полномочий [15, с. 5]. В свою очередь В. В. Астанин предлагает определять коррупционные риски как вероятность возникновения коррупционного поведения, которое может быть вызвано несоблюдением обязанностей, запретов и ограничений, установленных для государственных служащих в связи с прохождением государственной и муниципальной службы [12, с. 176]. В докладе «Оценка коррупционных рисков в проектах законов, изменяющих действующее законодательство в сфере государственных и муниципальных заказов», подготовленном Центром антикоррупционных исследований и инициатив Transparency International, коррупционные риски рассматриваются как «риски проявления коррупционных явлений и/или возникновения коррупционных ситуаций» [11].

Российские правоведы А. М. Цирин, Ю. В. Трунцевский и В. В. Севальнев, приводя ряд выработанных в российской науке определений данного понятия, выводят на основе их общих черт следующее определение коррупционных рисков: «условия, мотивирующие и открывающие возможность вступления в коррупционные отношения» [18, с. 11–12].

Обобщая все вышеизложенные определения понятия «коррупционный риск» можно сделать вывод, что коррупционные риски — это заложенные в законодательстве или в системе государственного или муниципального управления потенциальные возможности для совершения коррупционного правонарушения с целью неправомерного извлечения при выполнении публичного полномочия любой выгоды, материальной (имуще-

ственной) или нематериальной. Иными словами, это условия и обстоятельства (причины), мотивирующие и открывающие возможность для публичных лиц вступления в коррупционные отношения.

Факторов, являющихся причинами возникновения коррупционных рисков, великое множество. Данные факторы можно разделить на следующие группы: технические, экономические, политические, социальные.

К причинам технической направленности относятся, например: наличие в законодательстве пробелов, коллизий и противоречий, а также наличие норм, способствующих созданию административных барьеров; недостаточно четкая регламентация сроков реализации административных процедур; громоздкая система отчетности органов государственного управления.

К группе социальных причин можно отнести: не функционирующую должным образом систему запретов и ограничений, налагаемых на лиц, занимающих публичные должности; избыточность государственных функций; низкую эффективность контроля за деятельностью органов государственной власти и местного самоуправления, их должностных лиц; закрытость принятия властных и управленческих решений; не защищенность работников государственных и муниципальных органов, а также лиц, оказывающих содействие правоохранительным органам; отсутствие действенных механизмов обратной связи между гражданами и органами контроля и надзора и др.

Причинами экономической направленности являются, в первую очередь, монополизм и низкий уровень конкурентной среды, а также наличие и превосходство теневой экономики, незаконные управленческие и финансовые схемы, бюрократические барьеры, которые трудно преодолеть.

К политическим причинам возникновения коррупционных рисков можно отнести неразвитость институтов гражданского общества, в том числе СМИ; отсутствие политической конкуренции; неэффективную кадровую политику, основанную на землячестве или клановости.

В настоящее время оценка коррупционных рисков в мировой практике осуществляется по двум основным направлениям (моделям):

- а) на уровне нормативно-правового регулирования соответствующих видов или сфер деятельности (оценка коррупционных рисков нормативно-правовых актов и/или их проектов);
- б) на уровне фактических процессов проведения такой деятельности (выявление коррупционных рисков в организационно-управленческой деятельности органов государственной власти и местного самоуправления, а также иных организаций, с целью выявления соответствующих коррупционных практик, то есть разновидностей коррупционного поведения).

Более целостной считается оценка коррупционных рисков, проводимая путем сочетания этих двух моделей оценки.

Надо отметить, что в России на протяжении последнего десятилетия проведение оценки коррупционных рисков все-таки предусматривалось отдельными нормативными правовыми актами. Однако эти нормы носили несущественный характер, в связи с чем говорить именно о системной работе по оценке коррупционных рисков в Российской Федерации не представляется возможным.

Так, впервые поручение «организовать систематическое проведение федеральными государственными органами оценок коррупционных рисков, возникающих при реализации ими своих функций, и внесение уточнений в перечни должностей федеральной государственной службы, замещение которых связано с коррупционными рисками» было дано Правительству РФ в Национальном плане противодействия коррупции на 2012–2013 гг. [6].

В 2013 г. Министерство труда и социальной защиты РФ разослало федеральным органам Методические рекомендации по проведению оценки коррупционных рисков, возникающих при реализации функций [8], которые были рекомендованы этим органам для практического использования. Рекомендации включали шесть общих мероприятий, основную смысловую нагрузку несли три из них: выявление коррупционно опасных функций и оценка коррупционных рисков при их реализации (по сути, эти два мероприятия составляли одно целое — необходимо оценить коррупционный риск для каждой функции, чтобы затем выявить функции с наибольшим риском), а также мониторинг деятельности работников, чьи должностные функции связаны с коррупционными рисками. На основе первых двух мероприятий предполагалось впоследствии сформировать общий перечень функций федеральной государственной службы и государственных корпораций с наиболее высоким риском коррупции, а также аналогичный список должностей. При этом, надо отметить, что определения понятия «коррупционные риски» в Методических рекомендациях, полностью посвященных оценке этих рисков, не дается. Имеется лишь описание процесса оценки коррупционных рисков, которая заключается «в выявлении условий и обстоятельств (действий, событий), возникающих в ходе конкретного управленческого процесса, позволяющих злоупотреблять должностными (трудовыми) обязанностями в целях получения как для должностных лиц, так и для третьих лиц выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав вопреки законным интересам общества и государства» (п. 10).

В Национальном плане противодействия коррупции на 2014–2015 гг. [5] Правительству РФ было поручено «осуществить анализ коррупционных рисков в сфере жилищно-коммунального хозяйства, потребительского рынка, строительства, а также при реализации крупных инфраструктурных проектов». На основе анализа рисков Правительству РФ было предписано внедрить меры, направленные на снижение коррупционных рисков и уровня коррупции в этих сферах в целом. Однако этого не было сделано, также не были проанализированы целостно, системно антикоррупционные риски в указанных сферах. Также, Министерство труда и социальной защиты РФ письмом от 25.12.2014 № 18-0/10/В-8980 «О проведении федеральными государственными органами оценки коррупционных рисков» [7] направило в органы государственной власти для использования в работе обновленные Методические рекомендации по проведению оценки коррупционных рисков, возникающих при реализации функций (версия 2.0), доработанные по результатам их применения.

В Национальных планах противодействия коррупции на 2016–2017 гг. [4] и на 2018–2020 гг. идея оценки рисков коррупции

не значилась. Однако, в 2017 г. был разработан еще один немаловажный документ — Методические рекомендации по проведению оценки коррупционных рисков в федеральных органах исполнительной власти, осуществляющих контрольно-надзорные функции [9]. Данные Рекомендации учитывали уже имеющиеся наработки Минтруда России по внедрению системы оценки коррупционных рисков, но имели более узкую специализацию, поскольку предназначались исключительно для органов исполнительной власти, реализующих контрольно-надзорные функции.

Согласно данным Методическим рекомендациям, оценка коррупционных рисков заключается в выявлении условий (действий, событий), возникающих в ходе конкретного управленческого процесса, позволяющих злоупотреблять должностными обязанностями в целях получения, как для должностных лиц, так и для аффилированных лиц, выгоды материального характера (имущество, услуги или льготы), а также иной (нематериальной) выгоды вопреки законным интересам общества и государства.

В 2019 году Министерство труда и социальной защиты РФ также утвердило Рекомендации по порядку проведения оценки коррупционных рисков в организации [10], в котором появились понятия «коррупционный риск» и «оценка коррупционных рисков». Согласно данным Рекомендациям коррупционный риск представляет собой возможность совершения работником организации, а также иными лицами от имени или в интересах организации коррупционного правонарушения, а оценка коррупционных рисков — общий процесс идентификации, анализа и ранжирования коррупционных рисков.

Таким образом, в Российской Федерации была сделана попытка внедрить систему коррупционных рисков в деятельность по профилактике коррупционных правонарушений, но точно и только по второй модели оценки, то есть оценка коррупционных рисков реализуется только на уровне фактических процессов проведения такой деятельности. При этом можно сказать, что данная практика развивается на уровне органов исполнительной власти и органов местного самоуправления, самостоятельно разрабатывающих соответствующие методики по диагностированию коррупционных рисков. Но данная работа в настоящее время является малоэффективной, поскольку является узкой по направлению оценки и несистемной.

В международном праве наиболее эффективным признается применение оценки именно при реализации первой модели. Это обуславливается возможностью предупреждения возникновения институциональных предпосылок коррупционных деформаций в административных процедурах.

Конвенция ООН против коррупции 2003 г. содержит базовый подход, в соответствии с которым каждое государство-участник стремится периодически проводить оценку соответствующих правовых документов в целях определения их адекватности с позиций предупреждения коррупции и борьбы с ней (п. 3 ст. 5). Базовый подход к закреплению международно-правового стандарта проведения оценки правовых документов оставляет государствам — участникам названной Конвенции широкие возможности для использования различных подходов к реализации указанной нормы.

В большинстве европейских стран (Великобритания, Германия, Франция, Скандинавские государства) отмеченная кон-

венционная норма была реализована посредством более глубокого проведения юридической экспертизы проектов правовых актов и анализа регуляторного воздействия.

В Российской Федерации данное направление оценки коррупционных рисков могло быть реализовано через внедрение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов. Однако, цель антикоррупционной экспертизы, определенная Федеральным законом от 17.07.2009 № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов», очень узкая и направлена исключительно на выявление в нормативных правовых актах и их проектах коррупционных факторов и их последующее устранение. Целью же оценки коррупционных рисков нормативных правовых актов в рамках Конвенции ООН является проведение специальной антикоррупционной экспертизы, в ходе которой не только выявляются и устраняются коррупционные факторы, но и выявляется коррупционный потенциал правового акта. По мнению Э. Г. Липатова, «этот анализ позволяет объяснить коррупционный потенциал законодательства не только как следствие «дефектов» нормативной формы, но в большей степени как результат применения архаичных, «не годных» в данной ситуации правовых средств, используемых для достижения стоящих перед государством и обществом задач» [14, с. 26–31].

Считаем возможным согласиться с мнением данного автора. Оценка коррупционных рисков является комплексной технологией, включающей в себя множество иных технологий (общесистемных, специальных, координационных). Так, при оценке коррупционных рисков проводятся правовая, юридико-техническая, антикоррупционная экспертизы, оценка как регулирующего, так и фактического воздействия, юридическое прогнозирование, правовой и антикоррупционный мониторинг и т. д. При оценке коррупционных рисков нормативных правовых актов анализ нормативного правового акта проводится не только на наличие в акте коррупционных факторов, но и на наличие: положений, способствующих принятию решения должностным лицом по своему усмотрению; положений, способствующих созданию барьеров при реализации физическими и юридическими лицами своих прав и законных интересов; правовых пробелов, создающих возможность произвольного толкования нормативных правовых актов и т. д. Кроме того, по результатам оценки коррупционных рисков, выявленные коррупционные факторы могут быть «нейтрализованы» не только путем их исключения из акта, но и введением дополнительных мер, направленных на минимизацию выявленных факторов. Так, например, не все нормы, обладающие признаками «диспозитивности» необходимо исключать из нормативных правовых актов, их можно минимизировать за счет других нормативных положений. В процессе же проведения антикоррупционной экспертизы, в ее привычном для России по-

нимании, проведение вышеуказанной специальной антикоррупционной экспертизы не предполагается, а выявленный коррупционный фактор подлежит немедленному «уничтожению», что в некоторых случаях может привести к нежелательным последствиям.

Надо отметить, что вышеуказанное характерно не только для Российской Федерации. Оценка коррупционных рисков правовых актов как таковая не проводится в большинстве европейских стран. Вместе с тем отсутствие в законодательстве процедур, направленных на выявление коррупционного потенциала правовых документов, может рассматриваться в качестве системного недостатка, обуславливающего уязвимость их правовых систем для коррупции.

Итак, подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что в настоящее время внедрение системы оценки коррупционных рисков является одним из необходимых условий эффективной борьбы с коррупцией в системе государственного и муниципального управления, поскольку именно данная технология позволяет установить причины и условия возникновения коррупционных отношений, а также дает возможность определить недоработки в системе управления, вызывающие коррупцию должностных лиц органов управления.

Оценка коррупционных рисков позволяет выявить законодательные пробелы в регулировании тех или иных отношений, а также проблем, возникающих в практике реализации нормативных правовых актов, что является основной целью противодействия коррупции.

Также данная система позволит провести анализ реализуемых функций органа государственной власти (местного самоуправления), установить конкретные административные процедуры (действия), которые могут создавать условия для совершения коррупционных правонарушений государственными (муниципальными) служащими, и определить круг коррупционно-опасных должностей, а также принять эффективные и адресные меры, направленные на противодействие и предотвращение коррупционных проявлений и препятствующие реализации конкретных сложившихся на практике коррупционных схем.

Система оценки коррупционных рисков может стать основным инструментом предупреждения коррупционных правонарушений в любых государственных органах, органах местного самоуправления, организациях любой формы собственности, поскольку позволяет обеспечить соответствие применяемых в целях по противодействию коррупции мер имеющимся способам совершения коррупционных правонарушений, тем самым увеличивая действенность проводимых антикоррупционных мероприятий.

Литература:

1. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-м пленарном заседании 58-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // Собрание законодательства РФ.— 2006.— № 26. — Ст. 2780.
2. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства РФ.— 2008.— № 52 (ч. 1). — Ст. 6228.

3. Указ Президента РФ от 29.06.2018 № 378 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2018–2020 годы» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 27. Ст. 4038.
4. Указ Президента РФ от 01.04.2016 № 147 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2016–2017 годы» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 14. Ст. 1985.
5. Указ Президента РФ от 11.04.2014 № 226 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2014–2015 годы» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 15. Ст. 1729.
6. Указ Президента РФ от 13.03.2012 № 297 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2012–2013 годы и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации по вопросам противодействия коррупции» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 12. Ст. 1391.
7. Письмо Минтруда России от 25.12.2014 № 18–0/10/В-8980 «О проведении федеральными государственными органами оценки коррупционных рисков»
8. Письмо Минтруда России от 22.07.2013 № 18–0/10/2–4077 «О проведении оценки коррупционных рисков, возникающих при реализации функций»
9. Методические рекомендации по проведению оценки коррупционных рисков в федеральных органах исполнительной власти, осуществляющих контрольно-надзорные функции (утв. протоколом заседания проектного комитета от 13.07.2017 № 47(7))
10. Рекомендации по порядку проведения оценки коррупционных рисков в организации (утв. Минтрудом России) // Приложение к газете «Солидарность». 2019. № 36.
11. Доклад «Оценка коррупционных рисков в проектах законов, изменяющих действующее законодательство в сфере государственных и муниципальных заказов» // Центр антикоррупционных исследований и инициатив Трансперенси Интернешнл. Р. М., 2011.
12. Инкина М. В. Метод оценки рисков в концепциях и актах стратегического планирования национальной безопасности и противодействия коррупции // Журнал российского права. 2020. № 11. С. 174–186.
13. Казаченкова О. В. Конфликтный потенциал государственной службы как фактор возникновения коррупционных рисков // Административное и муниципальное право. 2010. № 4. С. 36–42.
14. Липатов Э. Г. Коррупционные риски правового регулирования: опыт позитивного анализа // Административное право и процесс. 2017. № 2. С. 26–31.
15. Левакин В. И., Шишова Ж. А. Коррупционные риски: понятие и основные подходы к их выявлению // Гражданин и право. 2009. № 11. С. 3–12.
16. Магазинер Я. М. Общая теория права на основе советского законодательства // Правоведение. 1999. № 1. С. 132–136.
17. Тихомиров Ю. А. Право. Прогнозы и риски. М.: ИНФРА-М, 2015. 240 с.
18. Цирин А. М., Трунцевский Ю. В., Севальнев В. В. Оценка коррупционных рисков в федеральных органах исполнительной власти: метод. пособие. М., 2019. 112 с.
19. Шахбазян А. А. Понятие и значение правовых рисков в гражданском праве и способы их минимизации // Российский юридический журнал. 2011. № 5. С. 128–137.

Современные цифровые технологии в сфере противодействия коррупции

Валиахметова Алия Айдаровна, студент;

Сотников Антон Александрович, студент;

Черкашин Илья Дмитриевич, студент

Научный руководитель: Ильина Луиза Асхатовна, кандидат экономических наук, доцент

Уфимский государственный авиационный технический университет

В статье рассматривается опыт зарубежных стран в сфере применения цифровых технологий в противодействии коррупции. Определено, что в ряде иностранных государств наряду с уже апробированными технологиями (электронное правительство, информационные и краудсорсинговые платформы) активно внедряются современные информационные технологии такие как: технологии обработки больших объемов данных (Big Data), распределенной книги (DLT), блокчейн, интеллектуального анализа данных (Data Mining), интеллектуального анализа в сфере противодействия коррупции при проведении государственных закупок.

Ключевые слова: коррупция, цифровые технологии, противодействие, антикоррупционное законодательство.

Активное проникновение интернета и IT-технологий во все сферы человеческой жизни и промышленности — от быта до производства характеризуемое как четвертая волна промышленной революции или «Индустрия 4.0» привело к

быстрому доступу к огромным объемам данных об обществе, экономике и окружающей среде. Возможности, которые открыли информационные технологии и инструменты обработки больших объемов информации стали активно использоваться

для решения ключевых проблем государства, включая вопросы противодействия коррупции [1].

Цифровизация системы государственного управления является мощным фактором противодействия коррупции. Современные технологические возможности позволяют совершенствовать антикоррупционную политику посредством обеспечения открытости и прозрачности управленческих процессов, укрепления доверия к правительствам, повышения честности и неподкупности государственного сектора и подотчётности путем укрепления верховенства права на основе динамичного участия и вовлечения граждан.

По мнению ведущих исследователей ОЭСР в области цифровизации и антикоррупционной политики, современные информационные технологии могут существенно усилить эффективность проводимых мероприятий в области противодействия коррупции и создать абсолютно новую экосистему взаимоотношений, позволяющую исключить большинство коррупционных факторов. В настоящий момент большинство развитых стран активно используют цифровые технологии для раскрытия данных и предупреждения коррупции. ОЭСР провела исследование, в котором раскрыла текущее положение стран в рамках применения цифровых технологий, в частности, открытых данных, в целях минимизации коррупционных рисков.

Коррупция — это системная угроза самого высокого порядка для существующих в Российской Федерации общественных отношений. В разрезе анализируемой тематики системность проблемы коррупции подразумевает ее нацеленность на разрушение абсолютно всех социальных и финансово-экономических институтов.

Сектор цифровых технологий является ключевым компонентом, обеспечивающим деятельность всех секторов экономики, и призван соответствовать целям, аналогичным тем, которые сформулированы для нормальной деятельности экономики РФ: обеспечивать защиту и нормальное функционирование всех секторов экономики; способствовать эффективному развитию цифровизации экономики РФ; предоставлять механизмы для реализации базовых социальных функций государства; обеспечивать укрепление финансового, промышленного и других секторов экономики.

К настоящему времени в Российской Федерации сформирована достаточно полная нормативно-правовая база для деятельности электронного правительства (портал Госуслуг, порталы Президента Российской Федерации, Правительства РФ и др.), повышены качество и доступность предоставляемых гражданам и организациям государственных услуг; упрощены процедуры и сокращены сроки оказания государственных услуг; уменьшены административные издержки со стороны граждан и организаций, связанные с получением государственных услуг; введены единые стандарты обслуживания граждан; предоставлена информация о деятельности органов государ-

ственной власти в открытом доступе (сайты Государственной Думы и министерств).

Для малого и среднего предпринимательства электронное управление и ИТ обеспечивают снижение уровня коррупции через большую прозрачность и удобство при получении государственных услуг, в том числе с помощью биометрических технологий и онлайн-обработки документов (регистрация налогоплательщика, оплата налогов, регистрация бизнеса и др.), что в результате ведет к росту доходов и экономической эффективности бизнеса.

ИКТ влияют на коррупцию двумя основными способами. Во-первых, они изменяют предложение информации правительством обществу: ИКТ лишают государственных должностных лиц возможности злоупотреблять своими дискреционными полномочиями, усиливают надзор и понижают прозрачность. Однако вместо того, чтобы смягчить коррупцию, внедрение информационно-коммуникационных систем в области предложения информации может сдвинуть коррупцию в другие области деятельности правительства, а также создать новые уязвимости для взлома и манипуляций. Во-вторых, ИКТ влияют на спрос общества на информацию правительства, создавая формы повышения прозрачности, где граждане могут сообщать о случаях коррупции и найти платформы для обмена информацией и организации совместных действий. В то же время такие платформы могут использоваться для распространения ложной информации или содействия организации преступной деятельности.

Пути противодействия коррупции могут служить: принятие международных конвенций, которые устанавливают основные подходы к процессу устранения данного явления на глобальном уровне; формулирование правовых инструментов, способствующих ответственному поведению бизнеса; улучшить эффективность системы информационно-аналитического обеспечения принимаемых решений на всех уровнях государственного управления; повысить качество административно-управленческих процессов; обеспечить оперативность и полноту контроля за результативностью деятельности органов государственной власти.

Цифровые технологии не следует рассматривать в качестве основного средства, панацеи и механизма борьбы с коррупцией. По-прежнему от идеологии государства, его правовой политики, культуры и религии зависит исход этой борьбы. К такому выводу приходят и зарубежные исследователи антикоррупционной борьбы с использованием цифровых и информационных технологий. Более того, их абсолютизация будет означать новый, самый страшный вид тоталитаризма: цифровой концлагерь. Поэтому важен и такой приоритет антикоррупционной политики права и цифры, как гарантированность защиты персональных данных, частных прав или права на частную жизнь.

Литература:

1. Актуальные проблемы предупреждения преступлений в сфере экономики, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей / А. П. Суходолов [и др.] // Всероссийский криминологический журнал. — 2017. — Т. 11, № 1. — С. 13–21.

2. Булгаков И. Т. Правовые вопросы использования технологии блокчейн / И. Т. Булгаков // Закон.— 2016.— № 12. — С. 80–88.
3. Перов В. А. Выявление, квалификация и организация расследования преступлений, совершаемых с использованием криптовалюты / В. А. Перов. — М.: Юрлитинформ, 2017.— 200 с.

Гражданско-правовые способы защиты авторских прав в сети Интернет

Ванюшина Екатерина Андреевна, студент магистратуры
Российский государственный социальный университет (г. Москва)

По мере научно-технического развития формируются новые способы использования результатов творческого труда и, соответственно, возрастает потребность в охране интеллектуальных прав. В связи с развитием и широким распространением электронной вычислительной техники вопрос о взаимодействии авторского замысла и материальной формы его выражения приобретает новую окраску.

Процесс создания объектов в электронном виде по сравнению с созданием аналогичных в традиционном виде характеризуется меньшими временными и материальными издержками, что оказывает влияние на творчество и увеличивает количество авторов. Существенная доля результатов интеллектуальной деятельности в связи с появлением компьютерных сетей, предоставляющих возможность обмена файлами, приобретает новую объективную форму — оцифрованную. В результате чего в гражданском обороте увеличивается число объектов интеллектуальных прав, доведенных до всеобщего сведения в электронной форме с использованием сети Интернет.

Быстрое развитие общественных отношений на первоначальном этапе привело к формированию либертарианского подхода, сторонники которого придерживались идеи отсутствия необходимости в правовом регулировании отношений, возникающих в сети Интернет. Последующие научные исследования показали потребность в модернизации законодательства путем принятия правовых актов, направленных на регулирование отношений в сети.

С принятием ч. 4 ГК РФ произошла кодификация норм, регулирующих оборот исключительных прав. При этом на сегодняшний день нормы, регламентирующие деятельность в мировой информационной паутине, отсутствуют. Поэтому повсеместным явлением является нарушение авторских прав как физических, так и юридических лиц.

Законодательством не предусмотрены особые правила защиты авторских прав в сети Интернет. При этом нематериальная сущность объектов авторского права в сети Интернет, несомненно, вызывает сложности при решении задачи обеспечения предоставления доказательств нарушений авторского права.

Гражданско-правовые способы защиты авторских прав имеют особое значение, так как в отличие от административно-правовых и уголовно-правовых способов дают правообладателям возможность восстановить нарушенные права.

Гражданско-правовой механизм защиты авторских прав в сети Интернет — это комплекс правовых мер, направленных на защиту субъективных прав и охраняемых законом интересов

правообладателей всех видов произведений, зафиксированных в цифровой форме и размещенных в сети Интернет, при помощи следующих инструментов: установление факта наличия авторского права; восстановление имущественных и личных неимущественных благ; пресечения неправомерных действий, которые влекут нарушение авторских прав [4].

В науке гражданского права существует ряд вопросов, связанных с защитой авторских прав, не имеющих однозначного разрешения на теоретическом уровне, которые порождают ряд проблем практического характера. Например, в законодательстве РФ отсутствует единый подход к определению средств и способов защиты. Так, общие нормы о защите гражданских прав, предусмотренные ч. 1 ГК РФ, не содержат особенностей правового регулирования технических средств защиты. Данные средства защиты перечислены лишь в ч. 4 ГК РФ применительно к защите авторских прав.

В соответствии с п. 1 ст. 1250 ГК РФ интеллектуальные права защищаются способами, предусмотренными законодательством, с учетом характера нарушенного права и последствий его нарушения. Следовательно, природа нарушенного права является определяющим критерием в выборе способа защиты, подлежащего применению.

В юридической литературе ведется полемика относительно правовой природы следующих способов защиты: пресечение действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения, и восстановление положения, существовавшего до нарушения права. Размещение данных способов в одном абзаце ст. 12 ГК РФ дает основание некоторым авторам рассматривать их в качестве единого способа защиты авторского права [3]. По мнению других, указанные способы могут быть использованы управомоченным субъектом как совместно, так и по отдельности, в зависимости от его потребностей.

Кроме того, принцип восстановления положения, существовавшего до нарушения права, может использоваться в качестве критерия для применения других способов защиты. Так, согласно правовой позиции, изложенной в Постановлении четырнадцатого арбитражного апелляционного суда, размер компенсации за неправомерное использование объекта интеллектуальной собственности должен определяться исходя из необходимости восстановления имущественного положения правообладателя, т. е. в то имущественное положение, в котором находился бы правообладатель, если бы объект интеллектуальной собственности использовался правомерно [6]. Однако единый подход в судебной практике отсутствует: специфика объектов авторского права исключает

возможность установления точной величины убытков, тем самым позволяет взыскать в пользу лица, чье право нарушено, компенсацию в размере, превышающем причиненные убытки [11].

Специальным способом защиты авторского права является требование об изъятии контрафактного материального носителя, в котором выражено произведение. Однако в случае нарушения интеллектуальных прав в информационной среде Интернет изъятие и уничтожение материальных носителей не является эффективной мерой защиты. Это связано с тем, что материальный носитель, содержащий нелегальную копию произведения — как правило, жесткий диск компьютера или же облако — содержит, помимо нелегальной копии, множество информации законного характера.

Акцентирование внимания на имущественные и личные немущественные права в законодательстве не исключает необходимость защиты иных авторских прав, например, права доступа. Их защита осуществляется общими способами защиты гражданских прав, предусмотренными ст. 12 ГК РФ, ввиду отсутствия указаний о специальных способах.

Гражданское законодательство гласит, что меры ответственности применяются при наличии вины нарушителя. Исключением является применение мер ответственности за нарушение интеллектуальных прав независимо от вины нарушителя при осуществлении предпринимательской деятельности.

В целях исключения правовой неопределенности считаем целесообразным закрепить в гражданском законодательстве прямое указание на возможность применения способов защиты авторского права независимо от вины нарушителя, путем изменения п. 3 ст. 1250 ГК РФ: «Предусмотренные настоящим Кодексом меры ответственности за нарушение интеллектуальных прав подлежат применению независимо от наличия вины нарушителя».

Выступая в защиту интересов правообладателей, которые несут убытки от нарушения принадлежащих им интеллектуальных прав, на законодательном уровне был разработан и принят «антипиратский» закон для реализации которого был введен процессуальный институт предварительных обеспечительных мер защиты авторских прав (ст. 144.1 ГПК РФ). Согласно ГПК РФ, правообладатель вправе обратиться в Московский городской суд с заявлением о принятии предварительных обеспечительных мер до предъявления иска. К заявлению прилагаются документы, подтверждающие факт использования объектов исключительных прав в сети Интернет и права заявителя на данные объекты. По результатам рассмотрения заявления суд выносит определение, которое правообладатель направляет в Роскомнадзор, принимающий меры для блокирования доступа к нелегальному контенту. В течение срока, не превышающего 15 дней со дня вынесения определения, правообладатель обязан подать исковое заявление в Мосгорсуд. Если исковое заявление в установленный срок не будет подано, предварительные обеспечительные меры отменяются.

По состоянию на 2019 г. в Роскомнадзор поступило свыше 8,5 тыс. определений Мосгорсуда, более 22 тыс. заявлений от правообладателей, в результате чего нелегальный контент был удален с около 108 тыс. сайтов; 15 тыс. сайтов подлежали блокировке в связи с неудалением пиратского контента [8].

Так, корпорация Ворнер Браз. Интертеймент Инк. подала заявление в Московский городской суд о принятии предварительных обеспечительных мер, направленных на обеспечение защиты авторских и (или) смежных прав на аудиовизуальное произведение — «Супергерл», которое было размещено на сайте LostFilm. Суд, изучив материалы дела, удовлетворил требования истца к КлаудФлэйр Инк., Испириа Нетворкс Лтд., ЮАБ Черри Серверс, АйТиЭл ЛЛС, Интелком Груп Лтд, заблокировав LostFilm [10].

Решение законодателя об установлении исключительной подсудности Московского городского суда по рассмотрению данной категории дел вызвало критику со стороны научного сообщества.

Данная норма ограничивает реализацию прав жителей других субъектов РФ на доступ к правосудию ввиду их территориальной удаленности. Также исключительная подсудность увеличивает нагрузку Московского городского суда. Ввиду этих обстоятельств целесообразно подчинить данную категорию дел общим правилам подсудности путем внесения изменений в ст. 144.1 ГПК РФ: «Заявление о предварительном обеспечении защиты авторских и (или) смежных прав, кроме прав на фотографические произведения и произведения, полученные способами, аналогичными фотографии, в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет», разрешено подавать по месту нахождения нарушителя (ответчика)».

В научной литературе обсуждается вопрос: почему данную деятельность выполняет Московский городской суд, а не специально созданный в системе арбитражных судов для рассмотрения споров о нарушениях интеллектуальных прав Суд по интеллектуальным правам. Ведь большинство соответствующих дел носит экономический характер, а их основные участники — юридические лица.

Высказываемый некоторыми юристами довод о том, что, как следует из смысла ст. 34 АПК РФ, данный суд не компетентен в рассмотрении споров относительно объектов авторских прав, ввиду его специализированности на иных результатах интеллектуальной деятельности и средствах индивидуализации [2], нельзя признать достаточно убедительным. Более того, в его состав входят судьи, обладающие широким спектром знаний в области права интеллектуальной собственности, а также дополнительными навыками, которые необходимы для грамотного разрешения данной категории споров.

Правоотношения в виртуальном пространстве всегда имеют трехстороннюю природу: помимо правообладателя и конечного потребителя, в них участвуют посредники, например, информационный посредник, выполняющий функции по размещению объектов авторских прав в сети Интернет.

Введение в действие «антипиратского» закона привело к закреплению в ГК РФ (ст. 1253.1) ряда специфических условий привлечения к ответственности информационных посредников, с использованием услуг которых и осуществляются нарушения авторских прав в информационной среде.

С. Медведев отмечает, что до принятия указанного Закона судебная практика по вопросам ответственности информационных посредников была крайне неточной, в то время как вы-

шестоящие суды зачастую придерживались мнения, согласно которому ответственность за нарушение исключительных прав должно нести то лицо, которое непосредственным образом разместило данный контент в сети Интернет, оставляя без внимания операторов сети и хостинг-провайдеров [5].

В связи с принятием «антипиратского» закона приоритеты в судебной практике изменились: в роли ответчиков обычно выступают информационные посредники, зачастую, именно провайдеры хостинга, однако, возлагаются на них не меры ответственности, а меры защиты, что соответствует интересам правообладателей.

При этом конечные пользователи в данном процессе не участвуют, несмотря на то, что именно они определяют основное направление спроса на нелегальный контент. Ввиду этого важно ввести ответственность конечных пользователей, а также системно проводить политику по формированию культуры потребления платного контента по доступным ценам, как это предусмотрено в настоящее время в законодательствах Германии, Франции.

Российский закон действительно расширил круг лиц, привлекаемых к ответственности за нарушение авторских прав в сети Интернет, однако, ст. 1253.1 ГК РФ содержит оценочные понятия, такие как «необходимые и достаточные меры», которые «могут быть установлены законом». Таким образом, большая роль отводится судебному усмотрению. Полагаем необходимым конкретизировать критерии, позволяющие определить меры, как необходимые и достаточные, поскольку указывать в законе закрытый перечень нецелесообразно ввиду постоянного развития технологий.

А. А. Чернышева в целях наиболее эффективной защиты правообладателей предлагает предусмотреть в соответствии со ст. 1080 ГК РФ солидарную ответственность провайдера и пользователя. Тем самым оба лица будут нести ответственность за свои противоправные действия, если таковые имели место. Автор считает, что подобная ответственность возможна в случае установленной вины как пользователя, так и провайдера [7]. Таким образом, целесообразно внести изменения в положения ст. 1253.1 ГК РФ: информационный посредник и лицо, являющееся источником нелегального контента, несут солидарную ответственность за нарушение интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационной сети в соответствии со ст. 1080 ГК РФ.

Судебная практика показывает, что механизм блокировки веб-страниц не является совершенным. Предлагается осуществлять блокировку сайта до уведомления нарушителя: после того как Мосгорсуд вынес определение о блокировке, Роскомнадзор

требует от оператора связи заблокировать доступ к сайту с нелегальным контентом. После чего Роскомнадзор ищет провайдера хостинга, через него и владельца сайта и требует удалить пиратский контент. Если требование выполнено, блокировка сайта снимается. Правообладатель подает исковое заявление в Мосгорсуд лишь в случае, если владелец сайта самостоятельно не удалил незаконную информацию. Тем самым, число исков уменьшится, а правообладатели смогут сэкономить на судебных расходах.

Также имеется необходимость ввода внесудебного механизма блокировки так называемых анонимных сайтов, т. е. тех, которые не реагируют на обращения правообладателей, а также не указывают достаточной информации для связи с ними.

Правообладатель, не добившийся от владельца сайта удаления незаконно размещенного контента, обращается в Роскомнадзор. Данный орган в течение суток отправляет претензию владельцу сайта. Если незаконный контент по-прежнему не удален, в течение суток оператор связи блокирует доступ к сайту. Таким образом возможно снижение нагрузки на судебную систему РФ.

Иными словами, защита авторского права в сети Интернет в России основана, в первую очередь, на нормах гражданского права, хотя в ряде случаев необходимо использовать меры, связанные с применением административной и уголовной ответственности, эффективно дополняющие гражданско-правовые способы и средства защиты.

Л. А. Гребенькова считает, что политика государства по борьбе с правонарушениями и преступлениями в сфере прав интеллектуальной собственности в сети Интернет должна быть направлена прежде всего на создание экономически привлекательной альтернативы противоправным действиям [1].

Таким образом, можно сделать вывод, что внесенные за последние десять лет в законодательство РФ изменения и дополнения, хотя и устранили некоторые пробелы, но, тем не менее, авторское право по-прежнему нуждается в дальнейшем совершенствовании, в том числе во введении новых положений в области защиты интеллектуальных прав в сети Интернет. Предлагается осуществлять блокировку до уведомления нарушителя, а также ввести внесудебную блокировку так называемых анонимных сайтов. Также необходимо изменить порядок привлечения к ответственности путем введения солидарной ответственности информационного посредника и лица, являющегося источником нелегального контента, независимо от формы вины в случае нарушения интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационной сети. Представляется необходимым подчинить данную категорию дел общим правилам подсудности путем внесения изменений в ст. 144.1 ГПК РФ.

Литература:

1. Гребенькова Л. А. Блокировка сайтов как метод борьбы с нарушением авторских и смежных прав в Интернете // Известия Юго-Западного государственного университета. 2014. № 4. с. 56–71.
2. Еременко В. И. Совершенствование законодательства в сфере защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях // Законодательство и экономика. 2015. № 8. с. 13–19.
3. Защита интеллектуальной собственности в сети: достижения и «подводные камни» // Университетская книга: информ.-аналит. Журн. 2017. № 2. с. 61–75.
4. Лолаева А. С., Багаева Я. Т. Особенности гражданско-правового механизма защиты авторских прав в сети интернет // Наука и Просвещение. 2017. с. 79–85.

5. Медведев С. Российский антипиратский закон: особенности применения и тенденции развития // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2014. № 11. с. 40–48.
6. Рожкова М. А. Средства и способы правовой защиты сторон коммерческого спора. М.: Волтерс Клувер. 2006. с. 205–215.
7. Чернышова А. А. Ответственность провайдера за нарушение авторских прав в сети Интернет // Правовые вопросы связи. 2011. № 1. с. 35–41.
8. Роскомнадзор [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rkn.gov.ru>. (дата обращения: 20.10.2019).
9. Постановление Конституционного Суда РФ от 13.12.2016 № 28-П «По делу о проверке конституционности подпункта 1 статьи 1301, подпункта 1 статьи 1311 и подпункта 1 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросами Арбитражного суда Алтайского края» // Российская газета. 2016. 15 декабря.
10. Определение Московского городского суда от 04.06.2019 по делу № 3–758/2019 // Доступ из СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 20.10.2019).
11. Постановление четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 18.07.2019 по делу № А05–17421/2018 // Доступ из СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 15.01.2020).

Международное правовое положение молодежи: роль и особенности

Варлыгина Валерия Георгиевна, студент магистратуры

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

В статье автор рассматривает молодежь, как группу, занимающую особое социальное и правовое положение, у которой есть права и свободы, а также как ключевой фактор развития государства в контексте ее особого международного правового положения.

Ключевые слова: молодежь, молодежная политика, права, свободы, законодательство, ООН, ЮНЕСКО, права человека.

Молодые люди, поколение, продолжение, будущее — как только не называют молодежь. К этой категории населения общество может испытывать и испытывает самый разный диапазон чувств в зависимости от сложившейся ситуации, временного периода, а также общего настроения в целом. Нельзя отрицать тот факт, что положение молодежи, отношение к ней, ее состояние, а также права всегда были и есть актуальной сферой для исследований и дискуссий уже в течение многих лет. На мой взгляд, это связано с тем, что данная социально-демографическая группа выражает себя всегда активнее по сравнению с остальным демографическим составом. Она чаще всего наиболее непредсказуемая и тяжелее поддается контролю, при этом являясь одним из главных стратегических ресурсов любого государства.

Одной из первых проблем, с которой можно столкнуться при изучении данной группы, является само раскрытие понятия «Молодежь». Неоднократно слышав, например, ту же фразу «Ух, молодежь!» как в позитивном, так и в негативном ключе, мало кто задумывается о том, кто же действительно входит в эту категорию и имеет право так себя называть. Рассмотрим различные определения понятия «Молодежь» среди ряда стран.

В соответствии со «Всемирной программой действий, касающихся молодежи, до 2000 года и на последующий период», утвержденной Генеральной ассамблеей ООН в 1995 году, молодежью считаются граждане в возрасте от 15 до 24 лет. В Резолюции, принятой Советом Безопасности ООН, говорится, что отнести человека к молодежи можно только в возрастных рамках от 18 до 29 лет. Однако, эти ограничения не являются строгими и допускают возможность их сдвига на национальном и международном уровне [1].

Немецкое законодательство интересно тем, что допускает подразделение молодых людей на дополнительные группы, такие как,

«непосредственную молодежь» в возрасте от 14 до 18 лет и «молодые взрослые» от 18 до 27 лет. Таким образом, в общем молодежью считаются граждане в возрастном цензе от 14 до 27 лет [2].

Испанское королевство, в свою очередь, допускает увеличение возраста молодежи от 14 до 34 лет. Исследования это связывают с довольно продолжительной неготовностью молодых людей жить отдельно от родителей и вести самостоятельную экономическую жизнь [3].

Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии рассматривает молодежь как часть детей с 13 до 25 лет, при этом, также, допуская возможность увеличения возрастных рамок до 29 лет. Здесь можно провести параллель с Федеративной республикой Германией, поскольку в возрасте от 19 до 29 лет молодых людей также называют «молодыми взрослыми» (young adults) [4].

Что же касается изучаемой социальной группы в Сингапуре, то в этой стране к молодежи относят людей в возрасте от 15 до 29 лет [5].

Обратим внимание на законодательство стран — участниц СНГ, на примере Беларуси, Казахстана и Азербайджана. Таким образом, согласно законодательству Беларуси, под юными гражданами подразумевается возрастной диапазон от 14 до 31 года [6]. Что касается Азербайджана и Казахстана, то в этих странах рамки представлены от 14 до 29 лет соответственно [7] [8].

В российском законодательстве определение молодежи раньше можно было найти в Распоряжении Правительства Российской Федерации «Об утверждении основ молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года». Так, под молодежью понималось социально-демографическая группа лиц в возрасте от 14 до 30 лет. Здесь также сохранялась возможность включения людей в возрастном диапазоне до 35 и более лет в слу-

чаях, предусмотренных нормативными правовыми актами Российской Федерации и субъектов Российской Федерации [9].

В настоящее время наконец появился Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации», согласно которому возраст молодежи окончательно повышен до 35 лет. Это было сделано для увеличения доступности мер государственной поддержки. Кроме возрастных ограничений также было дано понятие «молодежь» [10].

Исходя из анализа вышеперечисленных положений законодательства зарубежных стран и России, можно отметить, что нижние границы «молодежного возраста» установлены на отметке 14–15 лет. Верхний предел заканчивается в среднем около 30 лет.

Молодые люди, во-первых, уже как потенциальное будущее как государства, так и общества в целом, должны иметь все предусмотренные обычному человеку права и свободы в полном объеме, в том числе политические, личные, социально-экономические. Возраст, на мой взгляд, не должен быть дискриминирующим фактором, то есть фактором, ограничивающим прямые права и свободы. Государство обязано их гарантировать и защищать в случае необходимости. Особое положение молодежи как раз и выражается в трудностях, которые им приходится испытывать и преодолевать.

Управление Верховного комиссара по правам человека обратило особое внимание на эти вопросы и опубликовало доклад о молодежи и правах человека, в котором описала сложности, с которыми молодые люди сталкиваются при реализации своих прав в различных сферах жизни [11].

Доклад был представлен на 39-й сессии Совета по правам человека в результате просьбы Совета по правам человека в резолюции 35/14 провести исследование в отношении реализации прав молодежи, практических действий в обеспечении этих прав рассматриваемой группе населения [12].

В ходе анализа было выявлено, что молодежь чувствует себя ограниченной в правах во многих сферах, которые, в свою очередь, порождают проблемы, включая и социальные, и правовые.

Доклад включает в себя следующие наиболее значимые пункты:

— очень маленький процент молодых людей участвует в политической жизни, что выражается в небольшом количестве представителей в политических учреждениях;

— мнимый доступ к жизненно важным сферам, например, к здравоохранению, включая право на охрану здоровья. У молодежи либо нет достаточного представления о своем здоровье либо средств к его лечению;

— несмотря на рекомендации по защите прав человека, ряд государств по-прежнему не обеспечивают полной реализации прав молодежи;

— молодые люди, имеющие особенности развития, особенности, связанные с состоянием здоровья испытывают большие трудности не просто в реализации прав, а в праве на их наличие.

Вместе с проблемами были также даны и рекомендации, которые могут способствовать улучшению ситуации и повышению эффективности осуществления прав. Среди мер были выделены такие, как создание особого механизма, которые могли бы обеспечивать постоянное участие молодежи в работе Совета по правам человека. Например, таким механизмом может быть форум, в частности ежегодный.

Также государства могут принять дополнительные меры на национальном уровне, привлекая и прибегая к помощи молодежных организаций или лидеров. Кроме того, государства могут рассмотреть возможность создания мониторинга и оценивания уже существующих программ и стратегий. Эти действия могут показать, есть ли необходимость включения молодежи в рассмотрение законодательных актов по различным вопросам, а также обеспечивается ли доступ к информации у молодежи по реализации и защите своих прав.

Таким образом, можно сделать вывод об особом положении молодежи, как отдельной правовой и социально-демографической группе. Молодые люди являются ключевым фактором в реализации государственной политики, в частности. Кроме того, сталкиваясь с дополнительными трудностями, снисходительным отношением, молодежь утрачивает всякое желание к реализации и лишь копит в себе агрессивные настроения, что негативно выражается в реализации их прав и свобод. В заключение хотелось бы добавить, что данные проблемы будут решены только тогда, когда права молодежи будут обеспечиваться в полном объеме, потому что это будет способствовать улучшению общества в целом, так и значительным положительным переменам в отдельных значимых сферах.

Литература:

1. Резолюция Генеральной ассамблеи ООН 50/81 от 14.12.1995 «Всемирная программа действий, касающаяся молодежи, до 2000 года и на последующий период». — URL: <http://www.un.org/ru/ga/50/docs/50res.shtml> (дата обращения: 22.05.2021)
2. Kinder- und Jugendhilferecht (KJHG) Jugend und Familiengesetze — Übersicht. — URL: <https://www.kindex.de/pro/index--mode-gesetze.aspx> (дата обращения: 22.05.2021)
3. La Moncloa. — URL: <https://www.lamoncloa.gob.es/lang/en/Paginas/index.aspx> (дата обращения: 22.05.2021)
4. Youth policy in the United Kingdom. — URL: <https://pjp-eu.coe.int/en/web/youth-partnership/united-kingdom> (дата обращения: 22.05.2021)
5. UNESCO. — URL: <http://data.uis.unesco.org/> (дата обращения: 22.05.2021)
6. Закон Республики Беларусь от 07.12.2009 N 65-3 (ред. от 21.10.2016) «Об основах государственной молодежной политики». — URL: https://belzakon.net/%D0%97%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%B4%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE/%D0%97%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%BD_%D0%A0%D0%91/2009/441 (дата обращения 22.05.2021)
7. О молодежной политике: Закон Азербайджанской Республики от 9 апреля 2002 года № 297–11Г. — URL: http://base.spin-form.ru/show_doc.fwx?rgn=2578 (дата обращения: 22.05.2021)

8. О государственной молодежной политике: Закон Республики Казахстан от 9 февраля 2015 года № 285-V ЗПК: сайт. — URL: <https://zakon.uchet.kz/rus/docs/Z1500000285#z79> (дата обращения: 22.05.2021)
9. Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года: Распоряжение Правительства РФ от 29.11.2014 N 2403-р // СПС Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171835/ (дата обращения: 22.05.2021)
10. Федеральный закон от 30.12.2020 N 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 04.01.2021, N 1 (часть I), ст. 28 (дата обращения: 22.05.2021)
11. Управление Верховного комиссара по правам человека. — URL: <https://www.ohchr.org/RU/Pages/Home.aspx> (дата обращения: 22.05.2021)
12. Report of the Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights. — URL: <https://undocs.org/A/HRC/39/28> (дата обращения: 22.05.2021)

Правовые аспекты инцидентов, затрагивающих кибербезопасность информационных систем на современном этапе международного информационного права

Власенко Валерия Эдуардовна, студент магистратуры

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

Данная статья посвящена рассмотрению основных видов противоправных инцидентов в сфере информационного пространства и разбору правовых аспектов, возникающих при таких ситуациях.

Ключевые слова: киберпространство, кибербезопасность, противоправные инциденты, Интернет-провайдер, хостинг, вирус-шифровальщик, фишинговая атака, DDoS-атаки, наборы эксплойтов.

Появление и активное развитие информационного пространства или, как уже принято называть, киберпространства приводит к тому, что всё больше экономических и политических мероприятий проводится в сети «Интернет». Так, например, с 1990-х годов торговля на валютной, фондовой и товарной биржах практически в полном объёме проходит с использованием информационных технологий [5]. Однако, к сожалению, данное активное развитие приводит не только к положительным результатам, но и к отрицательным. Так, за 2020 год в Российской Федерации общее число киберпреступлений выросло на 73,4% по сравнению с 2019 годом [14], а в Соединённых Штатах Америки согласно ежегодному отчёту Федерального бюро расследований общие потери от Интернет-преступлений составили 4,2 миллиарда долларов, что на 20% больше, чем в 2019 году [17]. Но прежде, чем говорить о самих аспектах направления, хотелось бы обратить внимание на терминологию и основную классификацию.

Инцидент, затрагивающий кибербезопасность информационных систем («инцидент информационной безопасности» или «киберпреступление») — происшествие при котором одна сторона получила доступ информации или базам данных другой стороны несанкционированным образом (без особого разрешения) [19, с. 25]. Данное событие может выражаться как в форме реального действия, так и в форме попытки совершения данного действия. Более того, всегда присутствует факт прерывания работы системы и нарушение законов и политики конфиденциальности.

На международном уровне определение «инцидента информационной безопасности» дано в стандарте ИСО/МЭК

ТО 27035–1:2016 «Информационные технологии. Рекомендации по информационной безопасности»: «Инцидент информационной безопасности — появление одного или нескольких нежелательных или неожиданных событий информационной безопасности (далее — ИБ), с которыми связана значительная вероятность компрометации бизнес-операций и создания угрозы ИБ» [18]. Данному стандарту полностью соответствует стандарт Российской Федерации ГОСТ Р ИСО/МЭК ТО 18044–2007 «Информационная технология. Методы и средства обеспечения безопасности. Менеджмент инцидентов информационной безопасности», принятый в 2008 году [7].

На практике такое понятие включает в себя различные неправомерные мероприятия, происходящие при работе с информацией в электронном виде или на материальном носителе.

К таким мероприятиям относятся:

- Нарушение порядка взаимодействия с Интернет-провайдером, хостингом, почтовыми сервисами, облачными сервисами и другими провайдерами телекоммуникационных услуг;
- Программные ошибки, вызванные вирусами-шифровальщиками;
- Несанкционированный доступ третьих лиц к информационным ресурсам;
- Обнаружение внешнего мониторинга ресурсов;
- Обнаружение вирусов или других вредоносных программ;
- Любая компрометация системы, например, публичное раскрытие паролей учетных записей. [4]

В Российской Федерации действует Приказ Роскомнадзора от 12.08.2013 N 912 «О порядке функционирования Инфор-

мационной системы взаимодействия» [9], который был принят для более детального применения Федерального закона от 27 июля 2006 года N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [13]. Согласно данному приказу любой пользователь должен вести деятельность в соответствии с правилами, установленными провайдером или хостингом. Однако при нарушении данного порядка предусматривается только ограничение прав пользователя на данном сервере (хостинге), а не в общей сети, что не исключает того факта, что пользователь просто поменяет хостинг или облачное хранилище.

Если говорить о системных ошибках, вызванных вирусами-шифровальщиками, то стоит отметить, что это такие вредоносные программы, которые зашифровывают все пользовательские данные, требуя выкуп за ключ «расшифрования». Вопрос программных ошибок должен был регулироваться Цифровой Женевской Конвенцией, разработка которой была предложена юристами компании Майкрософт (Microsoft Corp.) [8]. Целью Конвенции был отказ от любых форм кибератак с использованием данных вирусов как киберпреступниками, так и правительствами различных стран. Однако, несмотря на то, что документ был подписан 67 странами и 139 международными организациями, такие крупные «игроки», как США, Россия и Китай, отказались от подписи, что привело к провалу Цифровой Женевской Конвенции. Самыми известными видами вирусов-шифровальщиков являются:

- WannaCry («Эпидемия 2017 года» [15]);
- NotPetya («Хакерские атаки на Украину» 27.05.2017 [2])
- BadRabbit («Хакерские атаки на Россию и Украину» октябрь — ноябрь 2017 года [11]).

Что касается внешнего мониторинга информационных систем, то это до сих пор дискуссионный вопрос. С одной стороны пользователь в сети должен иметь личную свободу и охрану своих персональных данных, с другой — в Соединённых Штатах в 2018 был принят Clarifying Lawful Overseas Use of Data Act («Закон о разъяснении законного использования данных за рубежом») (известный как «Облачный Акт»), который предусматривает возможность установления юрисдикции над данными, расположенными на серверах в зарубежных странах [16]. Предысторией данного акта является дело Microsoft Corp. против Министерства юстиции США [20]. С анализом данного акта и дела можно ознакомиться в статье Власенко В. Э. «Киберпространство» на современном этапе международного информационного права» [3].

Несанкционированный доступ, распространение вирусных программ и раскрытие паролей — являются базовыми преступлениями в международном информационном праве. При активном развитии данной отрасли права международное сообщество и государства лично начали разработку законодательных актов, способных дать понятия видам киберпреступлений и предусмотреть соответствующее наказание. Так, на международном уровне единственными документами остаются «Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации» ETS N 185 [6] и Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «Борьба с преступным использованием информаци-

онных технологий» [10]. Эти документы дают чёткое определение видам инцидентов кибербезопасности систем, а сами механизмы регулирования уже предусмотрены национальным законодательством стран. Так, например, в Российской Федерации наказания за киберпреступления прописываются в главе 28 «Преступления в сфере компьютерной информации» Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ [12], а в США — ст. 1030 титула 18 Свода законов США [21].

Если говорить о категориях, то все международные киберпреступления можно разделить на: индивидуальные, имущественные и государственные [1].

1. Кибератаки имущественного характера. Преступник или хакер крадет банковские реквизиты человека, чтобы получить доступ к средствам, совершать покупки в сети «Интернет» или запускать «фишинговые» атаки¹, чтобы заставить людей выдать свою персональную информацию. Они также могут использовать вредоносное программное обеспечение для получения доступа к веб-странице.

2. Кибератаки персонального характера. Лицо распространяет в сети «Интернет» вредоносную или незаконную информацию.

3. Кибератаки против государства. Это наименее распространенное киберпреступление, но самое серьезное преступление. Правительственная киберпреступность включает взлом правительственных или военных веб-сайтов или распространение пропаганды. Чаще всего такие преступления являются актами терроризма или вражескими действиями других государств.

В настоящий момент самыми популярными и широкоиспользуемыми видами преступлений являются:

— **DDoS-атаки.** Они используются для того, чтобы сделать онлайн-сервис недоступным и вывести из строя сеть, перегружая сайт трафиком из различных источников.

— **Кража личных данных.** Это преступление происходит, когда лицо получает доступ к личной информации пользователя, с целью украсть средства или получить доступ к конфиденциальной информации. Они могут сделать это, узнав пароли пользователей, путем взлома, получая личную информацию из социальных сетей или отправляя фишинговые электронные письма.

— **Киберпреследование.** Этот вид киберпреступности включает в себя онлайн-преследование, когда пользователь получает множество сообщений и электронных писем. Обычно кибер-преследователи используют социальные сети, веб-сайты и поисковые системы, чтобы запугать пользователя.

— **Социальная инженерия.** Социальная инженерия предполагает, что преступники напрямую связываются с вами, обычно по телефону или электронной почте. Они выдают себя за агента по обслуживанию клиентов (часто — банковская сфера), чтобы вы предоставили необходимую информацию.

— **Потенциально нежелательные программы или трояны.** Они менее опасны, чем другие киберпреступления, но являются разновидностью вредоносного программного обе-

¹ Фишинговая атака — выдача фальшивых сайтов, имитирующих интернет-страницы популярных компаний: социальных сетей, интернет-магазинов и так далее.

спечения. Данные вирусы удаляют необходимое программное обеспечение из системы, все персональные данные и блокируют компьютер.

— **Интернет-мошенничество.** Имеют форму рекламы или спама, которые содержат обещания вознаграждений. Интернет-мошенничество включает заманчивые предложения, которые «слишком хороши, чтобы быть правдой», и при нажатии на них вредоносные программы могут компрометировать информацию.

— **Наборы эксплойтов.** Это готовые инструменты, которые преступники могут купить в Интернете и использовать против любого, у кого есть компьютер. Наборы эксплойтов регулярно

обновляются, как и обычное программное обеспечение, и доступны на форумах по взлому теневого интернета.

В заключении хотелось бы отметить, что киберпреступления — естественный фактор при быстром росте информационных технологий и появлении новых техник использования информационного пространства. И единственное, что могут и должны делать пользователи сети и правительства различных государств — это в случае первых, бережно следить за своими данными и не посещать подозрительные сайты, использовать незаконные программы, а в случае вторых — разрабатывать новые механизмы защиты пользователей в сети.

Литература:

1. Бородкина Т. Н., Павлюк А. В. Киберпреступления: понятие, содержание и меры противодействия. Социально-политические науки. № 1–2018. С. 135–137
2. Вирус нового поколения: как кибератака NotPetya изменила мир URL: www.gazeta.ru/tech/2020/06/26/13132537/petya_is_three.shtml (дата обращения: 21.05.2021)
3. Власенко, В. Э. «Киберпространство» на современном этапе международного информационного права // Молодой ученый. — 2020. — № 51 (341). — С. 177–179. — URL: <https://moluch.ru/archive/341/76871/> (дата обращения: 23.05.2021)
4. Захаров с. Ю. Роль персонала в поддержании информационной безопасности организации. Сборник научных трудов VI Международной научной конференции «Информационные технологии в науке, управлении, социальной сфере и медицине». Национальный исследовательский Томский политехнический университет (Томск). 2019. ст. 556–559.
5. Интернет-трейдинг: история и распространение. URL: trader-otzyv.ru/internet-trejdng-istoriya-i-rasprostranenie/ (дата обращения: 21.05.2021)
6. «Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации» (ETS N 185) (Заключена в г. Будапеште 23.11.2001) URL: base.garant.ru/4089723/ (дата обращения: 23.05.2021)
7. Национальный стандарт от 01.07.2008 ГОСТ Р ИСО/МЭК ТО 18044–2007 «Информационная технология. Методы и средства обеспечения безопасности. Менеджмент инцидентов информационной безопасности». М.: Стандартинформ, 2020. URL: docs.cntd.ru/document/1200068822 (дата обращения: 21.05.2021)
8. Необходимость Женевской конвенции в области цифровых технологий URL: news.microsoft.com/ru-ru/neobhodimost-zhen-evskoj-konventsii-v-oblasti-tsifrovyyh-tehnologij/ (дата обращения: 21.05.2021)
9. Приказ Роскомнадзора от 12.08.2013 N 912 «О порядке функционирования Информационной системы взаимодействия» // «Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти», N 50, 16.12.2013
10. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН [по докладу Третьего комитета (A/55/593)] 55/63. «Борьба с преступным использованием информационных технологий» URL: www.unodc.org/pdf/crime/a_res_55/res5563r.pdf дата обращения: 23.05.2021
11. Россия и Украина подверглись атакам шифровальщика Badrabbitt URL: haker.ru/2017/10/24/badrabbitt/ (дата обращения: 21.05.2021)
12. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954
13. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 08.06.2020) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2006. № 31. Ст. 3448
14. Число киберпреступлений в 2020 году выросло на 73,4%. URL: news.rambler.ru/crime/46158757-chislo-kiberprestupleniy-v-2020-godu-vyroslo-na-73-4/ (дата обращения: 21.05.2021)
15. Эпидемия шифровальщика WannaCry: что произошло и как защититься URL: www.kaspersky.ru/blog/wannacry-ransomware/16147/ (дата обращения: 21.05.2021)
16. Clarifying Lawful Overseas Use of Data Act of 02.06.2018 H.R.4943–115th Congress.
17. Federal Bureau of Investigation: Internet crime report 2020. URL: www.ic3.gov/Media/PDF/AnnualReport/2020_IC3Report.pdf (дата обращения: 21.05.2021);
18. ISO/IEC 27035–1:2016 Information technology — Security techniques — Information security incident management (ИСО/МЭК ТО 27035–1:2016 «Информационные технологии. Рекомендации по информационной безопасности») URL: www.iso.org/standard/35396.html (дата обращения: 21.05.2021)
19. Lester Evans Cybersecurity: What You Need to Know About Computer and Cyber Security, Social Engineering, The Internet of Things. P.: Bravex Publications, London. 2019. p. 230.
20. United States v. Microsoft Corporation. 253 F.3d 34 (D. C. Cir. 2001)
21. U. S. Code: Table Of Contents. OCLC 2368380

Развитие судебной власти в России

Гайчуков Игорь Николаевич, студент
Вятский государственный университет (г. Киров)

В этой статье пойдет речь о судебной системе Российской Федерации, статусе судьи и его полномочиях, проблемах статуса судебной власти ее становления и развития.

Ключевые слова: Российская Федерация, судебная власть, судебная система, государственный механизм, конституционный суд, статус судьи.

Процесс становления России как правового демократического государства, связан со значительными преобразованиями в сферах государственной и общественной жизни, конечно же, он затронул такую область деятельности как судебную.

Изменение суда в современной России начинается с 24 октября 1991 года, когда была принята Концепция судебной реформы. Этот правовой акт определил судебную власть в государственном механизме как самостоятельную влиятельную силу. Благодаря реформе, судьи из исполнительных чиновников становились самостоятельными, независимыми представителями судебной власти. И вместе с этим получили правовые гарантии такие как, несменяемость, беспристрастность и неприкосновенность. В постановлении № 27-П Конституционного суда Российской Федерации от 19 ноября 2012 г. говорится, что статус судьи не является личной привилегией, а является средством обеспечивающим каждому его права и свобод правосудием. Судье предъявляются от общества и государства высокие требования в связи с его профессиональной деятельностью, поэтому они обязаны обеспечить дополнительные гарантии для судьи, ответственно выполняющего свою деятельность по осуществлению правосудия. Статус судьи так же предоставляет ему в будущем особого статуса судьи в отставке, что также является хорошей гарантией надлежащего осуществления правосудия, а также будет основанием для предъявления к судье высоких требований и сохранять доверие к их компетентности, беспристрастности, независимости.

В 1993 г. судебная власть стала независимой, самостоятельной и равной другим властям на конституционном уровне. С принятием Конституции в 1993 году на законодательном уровне закрепился принцип разделения властей, это определило основы организации и осуществления судебной власти, вместе с этим определились правовые положения личности во взаимоотношениях с государством.

С новой Конституцией появилась правовая база для изменения всего законодательства о судопроизводстве и судостроительстве. 1 июля 1995 года принимают новый Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации. В это же время принимают новые Федеральные Конституционные Законы «О конституционном суде Российской Федерации» и «Об арбитражных судах в Российской Федерации». Федеральный Конституционный Закон «О судебной системе Российской Федерации» становится важным законодательным актом этого периода, так как он дал толчок развитию законодательства о судостроительстве.

Данный факт послужил толчком для реформирования суда, а приоритетным направлением стало расширение его юрисдикции. В связи с этим за последующее время увеличился объем судебных полномочий, изменились параметры судебного функционирования, а также воздействия на общественные отношения. Если в 90-х годах разрешалось примерно 1 миллион гражданско-правовых споров, то в 2019 году эта цифра составила 19,6 миллионов дел, что на 13% больше по сравнению с 2018 годом [1]. В наше время суды имеют не только функцию правосудия, но и другие, такие как: правозащитную, правоохранительную, функцию судебного контроля и т. д.

В Российской Федерации Судебная система имеет ряд признаков, которые закреплены законом, они регулируют организацию и деятельность судов. Данные признаки связывают все суды находящиеся в судебной системе РФ. Они показывают национальную особенность судебной системы нашего государства, и предоставляют возможность сравнить судостроительство России с другими странами.

Важным признаком, который закреплен законом, в ст. 3 «О судебной системе» будет единство. Единство несмотря на то, что в ее систему входят множество различных судов, единство обеспечивается тем, что:

- Конституция Российской Федерации и Федеральный конституционный закон «О судебной системе РФ» устанавливают судебную систему;
- Федеральными законами устанавливаются правила осуществления судопроизводства для мировых и федеральных судей;
- Все суды на территории Российской Федерации применяют Конституцию РФ, федеральные конституционные и федеральные законы, а также в случаях необходимости применяют конституции (уставы), законы субъектов РФ;
- На всей территории Российской Федерации признаются обязательными для исполнения, вступившие в законную силу судебные постановления;
- Статус судей всех судов закрепляется законодательством Российской Федерации;
- Из Федерального бюджета производится финансирование мировых и федеральных судей.

Судебная власть как часть правового государства вызывает необходимость её тщательного научного исследования. На сегодняшний момент были освещены многие проблемы: выявление природы судебной власти, судопроизводственные и судостроительные аспекты, по ним защищены ряд диссертаций.

Между тем считаю, что вопрос о статусе судебной власти не был раскрыт в полной мере.

Продолжающаяся оптимизация судебной власти ставит такую задачу, углубление и всестороннее познание деятельности, даст возможность выйти на более качественный уровень понимания судебной власти и её места в государственном механизме и значении в обществе, кроме того исследование данных вопросов имеет практическое значение и поможет устранить проблемы в организации и деятельности органов,

Литература:

1. Обзор деятельности судов общей юрисдикции и мировых судей за 2019 год. URL: [www.http://arbitr.ru/](http://arbitr.ru/)

Способы обеспечения исполнения обязательств, вытекающих из акционерного соглашения

Говорун Алена Сергеевна, студент
Сибирский юридический университет (г. Омск)

Обеспечительные механизмы направлены на побуждение интересов сторон соблюдать акционерное соглашение. В настоящее время возможность предусматривать в акционерном соглашении способы обеспечения исполнения обязательств закреплена в пункте 7 статьи 32.1 Федерального Закона от 26.12.1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (далее — Закон об АО) [2]. Однако данный пункт, соизмеримо с характером и важностью общественных отношений, не обеспечивает надлежащего механизма правового регулирования, поскольку содержит в себе общее правило без указания конкретных способов обеспечения исполнения обязательств. По утверждению О. А. Макаровой отсутствие конкретных способов: «...может привести к ущемлению прав и интересов акционеров и явиться формой злоупотребления правом» [3, с. 112]. Считаю, что отсутствие закрепленных способов в Законе об АО не свидетельствует от том, что стороны акционерного соглашения будут злоупотреблять ими, поскольку стороны имеют свободную волю и могут по своему усмотрению использовать их.

Следует отметить, что с момента введения в действие пункта 7 статьи 32.1 Закона об АО не было ни одного официального разъяснения указанной нормы со стороны законодателя и арбитражного суда. В настоящее время в научной литературе отсутствует единый подход относительно эффективных средств обеспечения исполнения обязательств в рамках акционерных соглашений.

В силу пункта 1 статьи 329 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) [1] исполнение обязательств может обеспечиваться неустойкой, залогом, удержанием вещи должника, поручительством, независимой гарантией, задатком, обеспечительным платежом и другими способами, предусмотренными законом или договором.

Такие способы обеспечения как задаток, удержание вещи должника и обеспечительный платеж, по нашему мнению, не могут использоваться для обеспечения исполнения обя-

зательств организационного (неимущественного) характера акционерного соглашения. Объясняется это тем, что акционерное соглашение направлено на осуществление управленческих прав, характер которых не имеет денежного эквивалента в большинстве случаев. Поэтому данными способами можно обеспечить исключительно денежные (имущественные) обязательства.

Из этого следует необходимость восполнения пробелов в научных знаниях о статусе и полномочиях судебной власти. Данные вопросы требуют тщательного анализа, оснований, классификации, специфике определенных направлений деятельности. Это поможет разработать дальнейший курс модернизации судебной системы, совершенствование законодательства и правоприменительной практики.

Неустойка, как традиционное средство обеспечения исполнения обязательства и мера ответственности в рамках акционерного соглашения малоэффективна ввиду снижения ее размера судом. Поэтому необходимо использовать другие способы обеспечения.

Залог представляет собой способ обеспечения обязательства, в силу которого кредитор в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения должником обязательства приобретает право получить удовлетворение из стоимости заложенного имущества (пункт 1 статьи 334 ГК РФ).

Поскольку крайне сложно на практике монетизировать последствия нарушения обязательств организационного (неимущественного) характера, вытекающих из акционерного соглашения, обеспечить залогом возможно только неустойку.

Считаю, что взаимный залог акций участников акционерного соглашения будет напрямую связан, во-первых, с реальным выполнением условий соглашения, во-вторых, с нежеланием потерять свои акции в уставном капитале акционерного общества. Поэтому данный способ будет мотивировать участников акционерного соглашения добросовестно соблюдать условия такого соглашения.

Следовательно, залог акций как обеспечительная мера очень эффективна, так как акции являются легко реализуемым активом (в публичных акционерных обществах), кроме того, цена акции показывает относительную и пропорциональную стоимость компании. Поэтому по данным критериям акции, пере-

данные в залог, могут быть положительно оценены со стороны денежного эквивалента, чтобы гарантировать эффективное исполнение любых обязательств и минимизировать нарушения акционерного соглашения, потому что его нарушение будет невыгодным.

Положения о поручительстве закреплены в статье 369 ГК РФ. Суть поручительства заключается в том, что третье лицо (поручитель) принимает на себя обязательство перед кредитором нести ответственность за должника, если он не выполнит свои обязательства перед кредитором. Договор поручительства, в отличие от залога и неустойки, может быть заключен в обеспечение как денежных (имущественных), так и неденежных (неимущественных) обязательств, а также в обеспечение обязательства, которое возникнет в будущем.

Необходимо отметить, что ввиду специфичности отношений, возникающих из акционерного соглашения, поручитель не сможет выполнить многие обязательства по такому соглашению, к примеру, голосовать определенным образом, согласовывать вариант голосования с другими акционерами и осуществлять иные действия, связанные с деятельностью и управлением общества, реорганизацией и ликвидацией общества. Вследствие этого, договор поручения в рамках обеспечения исполнения обязательств по акционерному соглашению имеет ограниченный характер и может применяться только к узкому кругу обязательств.

Возможно применение такого способа обеспечения исполнения обязательства как независимая гарантия, при которой в

случае нарушения другой стороной акционерного соглашения (принципала), взятого на себя обязательства, гарант выплатил бы бенефициару определенную денежную сумму.

В литературе есть мнение, что банковская гарантия представляет собой эффективный способ обеспечения обязательств, вытекающих из акционерного соглашения. Однако возникает ряд вопросов, связанных с эффективностью этого способа. Данный способ имеет как преимущество, которое заключается в ответвленном намерении сторон акционерного соглашения по обеспечению обязательств, так и недостатки. Недостатки проявляются в увеличении экономических затрат сторон акционерного соглашения ввиду возмездного характера банковской гарантии; кроме того, возникают трудности в ее применении, также, как и при доказывании убытков. Потому что она не зависит от основного обязательства, и банк (гарант) в первую очередь будет заинтересован в денежной оценке последствий, возникших при нарушении обязательств из соглашения, а так как акционерное соглашение имеет организационный (неимущественный) характер возникнет барьер, по оценке таких последствий.

По нашему мнению, эффективными обеспечительными мерами являются залог акций (в качестве обеспечения неустойки) и поручительство. Для полноценного использования таких способов обеспечения, как неустойка и залог акций (в качестве обеспечения неустойки), необходимо предусмотреть в законодательстве невозможность уменьшения неустойки в порядке статьи 333 ГК РФ.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Об акционерных обществах: федер. закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Макарова О. А. Договорное регулирование корпоративных отношений // Ленинградский юридический журнал. 2010. № 1. С. 112.

Манипулирование на российском рынке ценных бумаг: противодействие и юридическая ответственность

Гребенник Артур Игоревич, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В данной статье рассмотрены основные проблемы возникновения манипулирования на российском рынке ценных бумаг, противодействие и юридическая ответственность за совершение подобных действий.

Ключевые слова: манипулирование, фондовый рынок, валютный рынок, рынок ценных бумаг, юридическая ответственность, противодействие.

Фондовый рынок представляет собой торговлю без непосредственного контакта с контрагентом, посредством осуществления сделок в биржевом стакане по принципу двойного аукциона, где продавцы и покупатели выставляют свои заявки по интересующим их ценам. Данное «окно» пре-

доставляет самые разнообразные возможности для ухищрений.

Рынок ценных бумаг в России начал свое формирование в первой половине 1991 г. после принятия Постановления Совета Министров РСФСР № 601 от 25 декабря 1990 г. «Об утвержде-

дении Положения об акционерных обществах». Рынок, подобно любому другому сложному механизму функционирует на определенных правилах и условиях, а также законах, представляя собой живой организм, так же ему свойственен некий иммунитет, существует реакция на потребление, снижение которого вызывает ответное падение цен на товар, так и наоборот. Это вытекает из закона, который гласит: спрос рождает предложение. Согласно этому основополагающему принципу любая рыночная стоимость товара является равновесным значением, которое устанавливается в зависимости от объема покупок и продаж соответственно. Воплощение этого правила в жизнь создаёт картину идеального и здорового рынка, вместе с тем существует и такой фактор, который детерминирует рыночную стоимость ценных бумаг, опираясь и на рыночный имидж эмитента. Как следствие, манипулирование рынком ценных бумаг искажает общую ситуацию и влияет негативно на рыночную конъюнктуру из-за совершения иррациональных движений в котировках ценных бумаг.

Именно информация, которая имеет разрушительную силу, в том числе и на рынок ценных бумаг в частности, способна изменить и нарушить этот существующий порядок торгов на рынке ценных бумаг. Большинство участников торгов ориентируются на информационный фон вокруг интересующих их эмитентов, будь то компании или государства, что в свою очередь влияет на принятие окончательного решения о покупке или же продаже тех или иных ценных бумаг, что в свою очередь не может не оказывать определенного давления на котировки, что, как следствие, влияет на изменение рыночной ситуации. В зависимости от объема располагаемых средств растет и масштаб возможного нечистоплотного манипулирования ценами, а также использования рычагов воздействия на информационный фон, с целью извлечения большей прибыли путем изменения ситуации на рынке. Подобные действия ведут к дестабилизации, что в свою очередь как минимум подрывает авторитет рынка ценных бумаг в частности, а также оказывает общее негативное влияние на весь рынок в целом.

С принятием Федерального закона № 244 от 27.07.2010 «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», в российском правовом поле появилось понятие «манипулирование рынком» и были внесены изменения в ст. 185.3 УК РФ Манипулирование рынком. Согласно статье 185.3 УК РФ предусмотрена санкция за манипулирование рынком, то есть умышленное распространение через средства массовой информации, в том числе электронные, информационно-телекоммуникационные сети (включая сеть «Интернет»), заведомо ложных сведений или совершение операций с финансовыми инструментами, иностранной валютой и (или) товарами либо иные умышленные действия, запрещенные законодательством Российской Федерации о противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком, если в результате таких незаконных действий цена, спрос, предложение или объем торгов финансовыми инструментами, иностранной валютой и (или) товарами отклонились от уровня или поддерживались на уровне, существенно

отличающемся от того уровня, который сформировался без учета указанных выше незаконных действий, и такие действия причинили крупный ущерб гражданам, организациям или государству либо сопряжены с извлечением излишнего дохода или избежанием убытков в крупном размере, избежанием убытков в настоящей статье признаются убытки, которых лицо избежало в результате неправомерного использования инсайдерской информации и (или) манипулирования рынком. (1)

Дополнение Уголовного кодекса статьей о манипулировании ценами на фондовом рынке значительно усилило правовую базу, так как до её появления была предусмотрена всего лишь административная ответственность. Предусмотренные статьей 15.30 КоАП РФ штрафы достаточно сложно назвать препятствием для манипуляторов в виду символической суммы, которая несоразмерна с возможным ущербом. (2) При обращении к правоприменительной практике данной статьи УК за 2020 год видно, что было только два случая привлечения лица к ответственности, наказание было избрано в виде условного срока. (3)

Гражданско-правовая ответственность исходит из вышеупомянутого Федерального закона от 27.07.2010 № 224-ФЗ (ред. от 01.04.2020) «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Лица, которым в результате манипулирования причинены убытки, вправе требовать их возмещение от лиц, в результате действий которых были причинены такие убытки, данная диспозиция закреплена в ч. 7 ст. 7.

На организаторов торгов, саморегулируемые организации и на участников фондового рынка распространяется обязанность по выявлению и предотвращению манипулированием рынком, а также об уведомлении Центрального Банка об обнаружении нестандартных сделок на рынке ценных бумаг. (4) Таким образом, контроль соблюдения требований законодательства Российской Федерации в сфере противодействию неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком осуществляется Банком России. По результатам расследования всех обстоятельств регулятор устанавливает факты манипулирования и при необходимости передаёт материалы проверки в уполномоченные органы. С целью предотвращения аналогичных случаев информация об установленных фактах манипулирования регулярно публикуется на сайте Центрального Банка, при этом отдельно указывается, что могло повлечь то или иное нарушение.

Взросший интерес населения к фондовому рынку вызван низкими процентными ставками, облегченным выходом физических лиц на торги. Геймификация брокерских приложений, их упрощение, хоть и приводит на рынок множество новых инвесторов, но вместе с ними всё больше превращает рынок в азартную игру. Подобное положение дел увеличивает иррациональность на рынке и создает дополнительные риски, которые раскачивают и без того сложную ситуацию на рынке. Защита частных инвесторов на фондовом рынке рассматривается регулярно на совещаниях Президента с членами Правительства. подобное внимание вызвано рекордным притоком физических лиц на российский фондовый рынок. (5) Отсутствие опыта у

некоторых участников торгов на рынке ценных бумаг усугубляется еще и завышенным уровнем эмоциональности, азарта, что негативно сказывается на общей волатильности рынка, пользуясь которой заинтересованный крупный игрок задействует манипуляции, осуществляя свои намерения по обогащению за счет иных участников торгов.

Создание необходимого и ложного для этих целей информационного фона, набор достаточной позиции в активах объекта своих манипуляций, все это нарушает правила торгов и попадает под действие Уголовного Кодекса Российской Федерации. Следует отметить, что подобным манипуляциям подвержены акции так называемого второго и третьего эшелона. Это обусловлено тем, что крупный игрок, задействовав доступ к необходимым для этого ресурсам: такими как денежные средства, информационная повестка, может влиять своими действиями на котировки акций, пользуясь недостаточной ликвидностью в них. Например, по отдельным типам бумаг проходит внутри торгового дня колоссальный объем средств, так по торгам обыкновенными акциями ПАО «Сбербанк России» (SBER) объем сделок составил в один день 47 232 455 783 рублей, включая рынок РЕПО, в тоже время по торгам обыкновенными акциями ОАО «Межрегиональная распределительная сетевая компания Урала», (MRKU) прошел объем 236 848 рублей за аналогичный временной период. Соответственно можно сделать закономерный вывод, что для того чтобы сдвинуть данный массив, потребуются гораздо более крупные ресурсы, чем, например, чтобы повлиять на котировки менее ликвидных акций, как и любых финансовых инструментов. Зачастую при подобных операциях крупным игроком набирается существенная позиция акций определенного эмитента, затем, манипулятором предпринимаются меры по искусственному воздействию на рыночную обстановку для повышения цены. В виду того, что значительный объем ликвидности был изъят из так называемого биржевого стакана, другим участникам торгов приходится покупать акции по уже растущей цене. Манипулятор умело расставляет плиты (значительный объем одной заявкой на продажу) чтобы контролировать волатильность в активе в свою пользу. Имея преобладающий объем, манипулятор разгружает свою позицию об тех участников, которые заходят на торги данным активом как с целью заработать на резком росте, так и для выполнения своих обязательств.

Манипулирование рынком опасно ещё и тем, что при необоснованном движении цены вверх, на искусственно созданных для этого обстоятельствах, может иметь место так называемый эффект домино. Это проявляется в том, что те участники рынка, которые находились в коротких позициях по данному активу, то есть ставили на падение рынка, вынуждены закрывать свои позиции в убыток и выкупать по рыночной цене данный актив, что, в свою очередь, в мало ликвидном активе (где исчерпана ликвидность) неминуемо толкает цену вверх, вынуждая ещё большее количество участников торговли данным активом находящихся в коротких позициях закрывать их. Данный эффект домино оказывает значительное давление на баланс предложения и спроса, существенно нарушая его, что приводит к нарушению функционирования торгов данным активом.

Заинтересованность манипулятора проявляется в том, что по искусственно завышенной цене у него появляется возможность продать активы в рынок через биржевой стакан, который в виду вышеперечисленных причин испытывает нехватку продавцов, так как над последними значительном объеме преобладают, зачастую вынужденные, покупатели. Нарушение одного из правил торговли может привести к серьезным последствиям, особенно принимая во внимание взаимосвязь фондового рынка с происходящими и влияющими на общество процессами. Именно поэтому биржа может взять на себя право приостановить торговлю при возникновении необъяснимой и заметной волатильности цены актива при определенных условиях. Подобное действие вынуждает участников торгов остаться в позиции по активу на некоторое время, зачастую после подобных задержек котировки актива устремляются вниз, из-за паники созданной манипулятором. Это объясняется стремлением учеников торгов выйти из данного актива.

Манипуляции при торговле на фондовом рынке подразумевают под собой манипуляции с целью покупки или же продажи позиции и манипуляции с целью извлечения прибыли.

При осуществлении подобных манипуляций в торги вступает участник с крупной для влияния на объем предложения и спроса по данной бумаге/бумагам суммой. Задачей может быть как покупка существенного объема актива или, наоборот, выход из позиций по активу.

Появление такого искусственного давления и целенаправленного объема на рынке в одну из сторон может существенно сдвинуть котировку актива в сторону желаемой манипулятором операции. В случае если объем заявок стоит на покупку, то происходит краткосрочное движение котировок вверх, в случае если направление котировок противоположное, то, соответственно, возникает краткосрочное сильное падение котировок по данному активу. Данные движения выбиваются из привычного хода торгов на рынке, и у ряда участников торгов складывается мнение о характере и замысле осуществляемых значительных сделок, особенно, если отсутствует объясняющий данные движения новостной фон, то участники рынка присоединятся к такому движению в желании извлечь прибыль на краткосрочном движении, что в свою очередь еще больше разгонят цену. Подобный результат и является желаемым для участника торгов, который выступает в роли манипулятора.

Еще одной из возможностей по осуществления манипулирования рынком может быть разница в торговых сессиях в России и в других странах. Например, такие товары как нефть и золото торгуются на рынке FORTS, который, в свою очередь, имеет отличительный от России торговый календарь. Соответственно, при появлении такой ситуации, где FORTS торгуется, а рынок США закрыт (где проходят отличные в большую сторону объемы), открывается своеобразное «окно» для манипуляций на срочном рынке Московской биржи.

Еще одним способом манипулирования является метод Layering — это стратегия высокочастотной торговли, где участник делает и отменяет заявки, не имея намерения их исполнить, с целью повлиять на цену акций. Так, преследуя цель купить акции по более низкой цене, трейдер сначала размещает заказы на продажу по цене ниже рыночной. Подобными действиями

вынуждая остальных участников биржевого рынка совершить выгодную сделку для манипулятора.

Сама по себе высокочастотная торговля в зависимости от используемой в своей основе метода, оказывает на состояние рынка противоположные друг другу воздействия: изымать ликвидность на рынке, либо же добавлять ликвидность в рынок. Подобные стратегии могут являться причиной резких и нелогичных движений рыночных котировок.

Как показывает практика, иногда манипулирование не является самоцелью или способом получить прибыль, а становится итогом иных неправомерных действий, например, таких как «перелив» активов между счетами различных лиц (в случае сговора) с целью уменьшения налогооблагаемой базы или формирования прибыли за счёт убытка иного лица.

Таким образом, можно сделать вывод, что используемые на сегодняшний день методы противодействия манипулированию на фондовом рынке в России можно назвать результативными, что подтверждает растущая практика привлечения по данному направлению к юридической ответственности лиц, но вместе с тем, система мер и средств, направленных на воспрепятствование манипулированию на фондовом рынке, только начинает выстраиваться и на данный момент, нельзя не отметить, является не завершенной и требующей доработок в законодательной сфере.

Стоит учитывать и тот момент, что наказание за совершение противозаконных действий данной тематики не являются в должной мере соразмерными урону, которой наносится фондовому рынку и экономике страны.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.02.2021)// Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, № 25, ст. 2954
2. Федеральный закон от 27.07.2010 № 224-ФЗ (ред. от 01.04.2020) «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный источник] / http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103037/f7ff18209caf8927a5ebf06a12838837b333c5f3/ (дата обращения 07.04.2021)
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 24.03.2021) // Собрание законодательства РФ.— 2002.— № 1 (ч. 1). — ст. 642.
4. <https://genproc.gov.ru/special/smi/news/news-1890176/>, Приговор № 1–12/2019 1–175/2018 от 13 августа 2019 г. по делу № 1–12/2019
5. Путин призвал защищать инвестиции россиян на фондовых рынках. — Текст: электронный // Экономика сегодня: [сайт]. — URL: <https://rueconomics.ru/496896-putin-prizval-zashchishchat-investicii-rossiyan-na-fondovyh-rynkah> (дата обращения: 14.05.2021).
6. Указание Банка России от 1 августа 2019 г. № 5222-У «О требованиях к правилам внутреннего контроля по предотвращению, выявлению и пресечению неправомерного использования инсайдерской информации и (или) манипулирования рынком юридических лиц, указанных в пунктах 1, 3–8, 11 и 12 статьи 4 Федерального закона от 27 июля 2010 года N 224-ФЗ «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»
7. Хвалыбова А. А. Освобождение от уголовной ответственности за манипулирование рынком // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2015. № 2. С. 108–110.
8. Центральный банк Российской Федерации: Официальный сайт // [https://cbr.ru/Электронный ресурс](https://cbr.ru/Электронный_ресурс/)] (дата обращения: 27.04.2021)
9. Проблемы привлечения лиц к уголовной ответственности за манипулирование рынком (Долотов Р. О.). — Текст: электронный // JuridCons: [сайт]. — URL: <http://juridcons.com/article/16594> (дата обращения: 14.05.2021).

Доверенность как односторонняя сделка

Давидович Ольга Александровна, студент
Сибирский юридический университет (г. Омск)

В данной статье рассматриваются общие положения института доверенности в гражданском праве и разновидности доверенности.

Ключевые слова: доверенность, недействительность, нотариус, односторонняя сделка.

Сделки, по общему правилу, могут быть односторонними, двусторонними или многосторонними (договорами)

Односторонней сделкой является такая сделка, при заключении которой достаточно выражение воли только одной стороны.

К односторонним сделкам применяются общие положения об обязательствах и о договорах. Данные обязательства не противоречат закону и правовому характеру односторонней сделки. Доверенность, в соответствии со статьей 185 ГК, письменное упол-

номочие, которое выдается одним лицом другому или другим лицам для представительства перед третьими лицами. [2]

Одним из видов односторонних сделок, которые нотариально удостоверяются, является доверенность. Большинство ученых придерживаются точки зрения о том, что выдача доверенности представляет собой одностороннюю сделку, поскольку для этого не требуется согласия представителя. [1]

Согласно статье 59 «Основ законодательства Российской Федерации о нотариате», нотариус удостоверяет доверенности от имени одного либо нескольких лиц, на имя одного либо нескольких лиц. [4]

Доверенность является заключенной и действительной, если соблюдена нотариальная форма. Доверенность должна заключаться сторонами в письменной форме с удостоверением нотариуса. Также, при составлении документа в нем, важно, чтобы были указаны все необходимые сведения. Без этого она не будет считаться действительной.

Таким образом, если нотариальная форма сделки не соблюдена доверенность не будет являться действительной.

Доверенность на совершение сделок, которые требуют нотариального удостоверения, на подачу заявлений о государственной регистрации прав или сделок, а также на распоряжение зарегистрированными в государственных реестрах правами должна быть нотариально заверенной.

К доверенностям существуют в том числе специальные требования по поводу их формы. Важно, чтобы на них была печать организации, в случаях, когда указывается в законе или в другом правовом акте. Также такое может быть предварительно согласовано между сторонами в соглашении.

В настоящее время, доверенность можно оформить двумя способами, такими как: в бумажном или в электронном виде. [5]

Такие виды имеют одинаковые требования, доверенность должна включать в себя все необходимые реквизиты. В данном документе указываются полномочия представителя, все юридически значимые действия, на которые представитель уполномочен.

Бумажный способ. В такой доверенности указываются необходимые сведения для того, чтобы она могла быть признана действительной, такой способ оформляется на специальном, фирменном бланке с проявляющимся в ультрафиолетовом излучении изображением герба Российской Федерации. [3]

Литература:

1. Арсенян, Е. Б. Понятие доверенности, ее виды, случаи ее нотариального удостоверения и новеллы гражданского законодательства, связанные с удостоверением доверенности» / Е. Б. Арсенян // Экономика, социология и право.— 2016.— № 9.— С. 46–50.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2020)
3. Невзгодина Е. Л. Множественность лиц в доверенности: новеллы гражданского законодательства Российской Федерации — «Вестник Омского университета» — № 1, 2017, стр.190–194
4. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате, (утв. ВС РФ 11.02.1993 N 4462–1) // Ведомости СНД и ВС РФ, 11.03.1993, № 10, ст. 357.
5. Савина, В. Н. Доверенность. Форма и виды доверенности / В. Н. Савина // Вестник науки.— 2020. — Т. 1.— № 2(23). — С. 127–133.
6. Шахбанова, Ю. А. Представительство и доверенность в гражданском праве / Ю. А. Шахбанова // Аллея науки.— 2018. — Т. 5.— № 6(22). — С. 218–225.

Электронный способ. Данный способ используется, когда доверитель и доверенное лицо находятся на расстоянии друг от друга. Например, такой способ будет очень удобен, если стороны находятся в разных городах или странах. Доверенное лицо, при получении такой электронной доверенности, может обратиться к нотариусу, который выдает лицу доверенность в бумажном виде.

По объему и характеру предоставляемых полномочий доверенности могут классифицироваться на три вида: разовые, специальные и генеральные [6]

Разовая доверенность выдается для совершения заранее определенной сделки.

Специальная доверенность выдается на совершение однородного ряда сделок в течение определенного времени.

Генеральная доверенность, такая доверенность, которая предоставляет поверенному широкий круг полномочий на совершение любых сделок, от имени доверителя.

Но если в доверенности не указана дата ее совершения, то согласно статье 186 Гражданского кодекса, такая доверенность будет являться ничтожной.

Ничтожной признается такая доверенность, при которой такая сделка грубо нарушает интересы граждан и противоречит ценностям и нравственности. Такая доверенность будет являться недействительной сразу после момента ее выдачи.

Из статьи 43 «Основ законодательства Российской Федерации о нотариате», усматривается, что нотариус осуществляет проверку дееспособности граждан. Из этого следует, что ничтожной доверенность может быть если ее сторона является недееспособной. Нотариус при обращении к нему сторон сам проверяет их дееспособность, также проверяет и правоспособность юридических лиц, он объясняет сторонам значение совершаемых действий, разъясняет их права и обязанности при заключении документа.

Но у нотариуса нет законных оснований, чтобы требовать у обратившегося лица, данные из других учреждений, которые будут свидетельствовать об отсутствии дееспособности. Таким образом, целесообразно, расширить возможности нотариуса при проверке дееспособности граждан, обратившихся за удостоверением доверенности, для того чтобы такая сделка была признана действительной.

Проблемы правового регулирования публичного сервитута в российском праве

Давлетбакиев Игорь Русланович, студент
Сибирский юридический университет (г. Омск)

В статье автор выделяет основные проблемы публичного сервитута в российском законодательстве и предлагает пути их решения.

Ключевые слова: публичный сервитут, земельный участок, земельный кодекс, местное самоуправление.

В настоящее время в научных исследованиях можно выделить две точки зрения относительно правовой природы современных публичных сервитутов. Первая заключается в том, что правом ограниченного пользования может обладать как определенный, так и неопределенный круг лиц, другими словами признается два вида сервитута — частный и публичный. Эту точку зрения разделяют Л. В. Щенникова, В. Казанцев, Н. Коршунов, Ю. А. Гартин и другие авторы [1, с. 20].

Вторая точка зрения сведена к тому, что сервитут может быть установлен только в интересах определенного лица и носить положительный характер, то есть ставится под сомнение само существование публичных сервитутов [2, с. 71]. Публичный сервитут для сторонников этой точки зрения представляется ограничением права собственности. Такой вывод делается в силу порядка его установления и целей — установление для обеспечения публичных нужд. Таким образом, мы видим, что данный вопрос до настоящего времени не решен ни в ту, ни в другую сторону и вряд ли он может быть решен окончательно в ближайшее время.

В качестве проблемы, возникающей при установлении публичного сервитута, можно выделить и то, что процедура проведения публичных слушаний, состав участников, а тем более характер решений, принимаемых на них, вообще не урегулирован. В Земельном кодексе нет уточнений по поводу того, что представляют из себя общественные слушания, нет четкого определения в каком порядке они назначаются и проводятся, при каких условиях они признаются состоявшимися, а результаты действительными, не определяется и круг лиц, участвующих в них.

Этап проведения общественных слушаний является неотъемлемой частью процедуры установления публичного сервитута, так как именно на них в ходе обсуждений устанавливается баланс между публичным и частным интересом при использовании земельного участка [3]. Практика показывает, что и в отсутствие проведения общественных слушаний решения могут «приниматься уполномоченным органом в общественных интересах» [4, с. 55–58]. Но это не дает повод говорить о том, что данный этап является необязательным, так как подобные ситуации наблюдались лишь в начале 2000-х годов, когда законодатель говорил нам учитывать их результаты, а не устанавливать публичный сервитут на основании таких обсуждений [5]. На сегодняшний день таких актов обнаружить не удалось [6, с. 42–52]. Касательно состава участников публичных слушаний, то обычно это собственники земельного участка, который хотят обременить, инициаторы установления такого обременения, иные заинтересованные лица.

По итогам общественных слушаний должен составляться протокол, содержащий сведения, подтверждающие факт необходимости установления сервитута для удовлетворения нужд местного населения. В случае если в протоколе не находится таких сведений, а в решении соответствующего органа отсутствует цель установления обременения, то такой акт может быть признан недействительным [7].

Из приведенных примеров судебной практики можно сделать вывод о том, что органы местного самоуправления должны аккуратно разрешать вопрос об установлении публичного сервитута. Недопустимо с их стороны его установление в интересах частных лиц, какой бы деятельностью они не занимались бы. Необходимо не отступать от процедуры, так как любое нарушение будет служить поводом для обжалования или вообще для отмены решения.

Также проблемой является и то, что те решения, принимаемые на общественных слушаниях, не являются обязательными для органов власти. Земельный кодекс говорит лишь о том, что они учитываются, о их рекомендательном характере. Соответственно возникает вопрос: имеет ли смысл проведение такого мероприятия как общественные слушания? Как показывает практика — никаких слушаний не проводится, а решение принимается уполномоченным органом в «общественных интересах».

В п. 5 ст. 39.42 ЗК РФ закреплено правило о том, что извещение правообладателей земельных участков о возможном установлении публичного сервитута, направление копии решения о его установлении осуществляется за счет средств заявителя. Данная процедура никак не урегулирована законом. В частности, извещение представляет собой опубликование в газете, направление документов по почте. Подобные действия входят в круг полномочий государственных органов и органов местного самоуправления, но согласно закону будут финансироваться заявителем. Законодатель не решил вопрос о том, как деньги будут передаваться уполномоченному органу: переводиться на лицевой счет, передаваться лично или через других лиц. Здесь появляется вероятность совершения коррупционных действий в случае, если в дальнейшем не будет конкретизирован перечень возможных действий и способов оплаты.

В Земельном кодексе содержится единственное основание прекращения публичного сервитута — отсутствие общественных нужд, для которых он был установлен (п. 2 ст. 48 ЗК РФ). В таком случае принимается акт об отмене сервитута. При этом понятие «общественные нужды» не раскрывается, но «по смыслу правила п. 2 ст. 23 ЗК РФ общественные нужды в данном случае все то, что необходимо для обеспечения интересов государства, местного самоуправления или местного на-

селения». Соответственно, в том случае, когда необходимость для обеспечения интересов государства, местного самоуправления или местного населения путем установления публичного сервитута отпадает, то это и является основанием для принятия акта о его отмене» [8].

На наш взгляд, на сегодняшний день определить место и природу публичного сервитута действительно очень сложно. Представляется, что в том виде, в котором на сегодняшний день публичный сервитут представлен в законодательстве РФ, его использование весьма спорно.

Процедура установления публичного сервитута далеко не совершенна и требует доработок в части нормативного регули-

рования отдельных стадий и порядка разрешения конкретных вопросов на этих самых стадиях. Такого же мнения придерживаются и некоторые ученые-правоведы, которые говорят о необходимости создания отдельно главы в земельном кодексе, содержащей регулятивные нормы. Но, по нашему мнению, не требуется загромождения кодекса процессуальными нормами, достаточно было бы урегулирования данных вопросов, например, соответствующим приказом.

В нем следовало бы уточнить орган, в который следует обращаться с заявлением об установлении публичного сервитута, состав участников общественных слушаний, порядок расчета размера соответствующей платы за использованием участком.

Литература:

1. Щенникова Л. В. Вещные права в гражданском праве России. М. 1996. С. 50–52; Казанцев В., Коршунов Н. Возрождение сервитутного права в России. // Российская юстиция. 1997. № 5. С. 22; Гартин Ю. А. Гражданско-правовое регулирование земельных сервитутов в Российской Федерации: вопросы теории и практики: автореферат дис... кандидата юридических наук: 12.00.03. Москва. 2009 г. С. 20.
2. Шершеневич Г. Ф. Наука гражданского права в России. М.: «Статут», 2003 [Электронный ресурс] // Классика российского права: проект компании «КонсультантПлюс»; Копылов А. В. Вещные права на землю. М. 2000. С. 62; Косолапов О. А. Право ограниченного пользования чужим земельным участком (сервитут) // Современное право. 2007. № 9 (1). С. 74.
3. Постановление ФАС Московского округа от 08.10.2010 N КА-А41/11939-10 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Згонников П. П. О некоторых особенностях регулирования отношений о публичных сервитутах // Российская юстиция. 2017. N 7. С. 55–58.
5. Постановление ФАС Уральского округа от 25.11.2004 N Ф09-3898/04-ГК по делу N А60-22495/04 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Рыбалов А. О. Некоторые вопросы установления публичных сервитутов (на примерах из судебной практики) // Закон. 2016. N 6. С. 42–52.
7. Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 03.04.2012 по делу N А10-4412/2011 // СПС «КонсультантПлюс».
8. Постатейный научно-практический комментарий к Земельному кодексу Российской Федерации. Под ред. А. А. Ялбулганова // СПС КонсультантПлюс.

Взаимодействие Счетной палаты Российской Федерации с органами государственной власти

Дирун Татьяна Михайловна, студент магистратуры

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

В статье рассматривается положение Счетной палаты Российской Федерации в системе государственного управления в Российской Федерации

Ключевые слова: Счетная палата, Российская Федерация, взаимодействие, внешний государственный аудит, стратегический партнер, государственная власть

Согласно одному из тезисов современного управления, умение управленцев работать с человеком является главным фактором повышения эффективности работы любой организации, как коммерческой, так и государственной или общественной.

Счетная палата в рамках своих компетенций взаимодействует с парламентом, исполнительной властью, правоохранительными органами, общественными организациями и гражданами, а также с международными организациями. В этом

взаимодействии, в соответствии со своей стратегией развития на 2018–2024 годы, ведомство стремится выступать в качестве стратегического партнера, который помогает формировать перспективную картину социально-экономического состояния страны и комплексное понимание рисков недостижения целей развития [5]. В этой связи со всеми органами государственной власти, находящимися в поле взаимного сотрудничества со Счетной палатой РФ, заключены соглашения, или существуют специальные положения, регулирующие их взаимодействие.

Взаимодействие с палатами Федерального Собрания. Счетная палата как высший орган внешнего государственного аудита взаимодействует с комитетами и комиссиями Государственной Думы и Совета Федерации, с фракциями Государственной Думы. Взаимодействие с палатами Федерального Собрания Российской Федерации осуществляется по следующим традиционным направлениям:

- 1) подготовка информации по запросам членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы;
- 2) подготовка заключений Счетной палаты на внесенные в Государственную Думу проекты федеральных законов;
- 3) представление результатов контрольных и экспертно-аналитических мероприятий, а также заключений на проекты государственных и федеральных целевых программ;
- 4) представление на пленарных заседаниях и заседаниях комитетов Государственной Думы и Совета Федерации позиции Счетной палаты по законопроектам и федеральным законам с выступлениями Председателя Счетной палаты, заместителя Председателя Счетной палаты и аудиторов.

Важным направлением взаимодействия с палатами Федерального Собрания является участие руководства и аудиторов Счетной палаты в «правительственных часах», на которых члены Правительства Российской Федерации представляют парламентариям информацию по наиболее актуальным вопросам, а представители контрольного органа информируют о результатах проведенных проверок и дают рекомендации по совершенствованию законодательства и устранению выявленных недостатков.

Взаимодействие с межведомственными структурами, созданными при Контрольном управлении Президента Российской Федерации. Особое внимание уделено взаимодействию с межведомственными структурами, созданными при Контрольном управлении Президента Российской Федерации. В апреле 2014 года был подписан Протокол о взаимодействии с Управлением Президента Российской Федерации по работе с обращениями граждан. В сентябре 2014 года подписано Соглашение о сотрудничестве с Управлением Президента Российской Федерации по вопросам противодействия коррупции [7]. В рамках данного взаимодействия Счетная палата на постоянной основе участвует в работе трехсторонней комиссии по вопросам межбюджетных отношений, межведомственной рабочей группы при Контрольном управлении Президента Российской Федерации, рабочей группы по безопасности, межведомственной комиссии Совета Безопасности Российской Федерации по безопасности в экономической и социальной сфере. Подобный формат межведомственных отношений позволил:

- поднять на качественно новый уровень координацию деятельности Счетной палаты и федеральных органов исполнительной власти при планировании, организации и проведении контрольных и экспертно-аналитических мероприятий, информационном обеспечении контрольных полномочий и их результатов;
- создать необходимые условия для обеспечения единых методических подходов к осуществлению контрольных мероприятий;

- привлекать специалистов в целях проведения экспертиз и консультаций.

- более эффективно использовать результаты контрольных и экспертно-аналитических мероприятий при решении поставленных государством задач социально-экономического развития Российской Федерации.

Взаимодействие с Правительством Российской Федерации. С целью дальнейшего изучения вопроса о роли федеральных органов власти в области финансового контроля, стоит также обратить внимание на взаимодействие Счетной палаты с Правительством РФ. В соответствии с законом [2], высший исполнительный орган осуществляет реализацию на всей территории страны единой денежно-кассовой политики, а также предоставляет парламенту доклад о реализации бюджета. С учетом этого Основной закон [1] предусмотрел иной путь, а именно возможность учреждения конституционного органа — Счетную палату РФ. Важное замечание заключается в том, что контроль, осуществляемый данным органом, «носит исключительно непосредственный характер». Также стоит отметить, что Счетная палата проводит систематический ежегодный аудит деятельности Правительства РФ, анализирует государственные программы в рамках заключения на отчет Правительства об исполнении федерального бюджета и ежегодно отмечает системные проблемы формирования и реализации госпрограмм.

Правительство Российской Федерации очень конструктивно настроено на диалог по всем вопросам, которые поднимает Счетная палата по итогам проверок. Таким образом, успешно реализуется предложенный в Стратегии развития принцип, согласно которому Счетная палата как высший орган аудита является не только контролером, но и стратегическим партнером для проверяемых объектов [5].

Взаимодействие с правоохранительными органами и органами государственной безопасности. Нельзя не отметить взаимодействие Счетной палаты с правоохранительными органами и органами государственной безопасности, основной направленностью которого являлось пресечение и предупреждение правонарушений в финансово-бюджетной сфере, а также обеспечение исполнения требований законодательства в процессе использования федеральной собственности.

Практика непосредственного взаимодействия инспекторов Счетной палаты и следователей при проведении контрольного мероприятия, а также на стадии рассмотрения его результатов органом предварительного следствия изучается с целью возможного развития ее форм и стандартизации. Например, с Генеральной прокуратурой РФ была сформирована ведомственная нормативная база по организации взаимодействия. Кроме того, дополнительно было принято решение образования общей коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации и Счетной палаты «О состоянии взаимодействия органов прокуратуры и Счетной палаты Российской Федерации» и издан соответствующий совместный приказ.

Получается, что во взаимодействии Счетной палаты и правоохранительных органов заложен большой потенциал. Во-первых, оно позволяет соединить основные звенья борьбы с правонарушениями в финансовой сфере — от профилактики

и выявления фактов незаконного использования бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов до пресечения их и наказания виновных; во-вторых, организовывать и проводить совместные проверки объектов, представляющих взаимный интерес, что несет в себе синергетический эффект, который положительно влияет на результативность инспектирования, обеспечивает оперативный межведомственный обмен представляющей взаимный интерес информацией, обмен положительным опытом по предупреждению, выявлению и пресечению правонарушений в финансовой сфере.

Взаимодействие с контрольно-счетными органами. Также нельзя не отметить тот факт, что Счетная палата Российской Федерации всегда имела законодательно закрепленное право взаимодействовать с контрольно-счетными органами субъектов Российской Федерации и муниципальных образований. Это абсолютно понятно, логично и необходимо, учитывая огромное количество и диверсифицированный характер государственных средств, перемещающихся между звеньями бюджетной системы [6].

Одной из функций Счетной палаты прямо определено взаимодействие с контрольно-счетными органами субъектов Российской Федерации и муниципальных образований в рамках выполнения своих задач, в том числе по вопросам внешнего государственного аудита (контроля), заключение с ними соглашений о сотрудничестве [3]. Положительным фактором является то, что Счетная палата имеет право оказывать контрольно-счетным органам субъектов Российской Федерации и муниципальных образований организационную, правовую, информационную, методическую и иную помощь, содействовать им в профессиональной подготовке, переподготовке и повышении квалификации работников.

2020 год определил новое видение взаимодействия Счетной палаты и контрольно-счетных органов (КСО). Председателем

Счетной палаты была утверждена Концепция взаимодействия Счетной палаты и контрольно-счетных органов. Цель инициативы — дать дополнительный импульс развитию партнерства, укрепить функциональные связи и совместно выработать новые пути совершенствования внешнего государственного аудита в Российской Федерации.

В рамках формирования единой цифровой среды после масштабной модернизации был перезапущен Портал КСО. Проведена работа по расширению его функциональности, что позволило повысить качество и оперативность обмена информацией и документами, сформировать базу данных, проводить их аналитическую обработку и визуализацию. Создана возможность для использования Портала КСО как платформы для организации обучения сотрудников контрольно-счетных органов.

По итогам всех состоявшихся мероприятий были определены приоритеты Счетной палаты в сотрудничестве с контрольно-счетными органами:

- совершенствование законодательства;
- повышение качества совместных документов Счетной палаты и контрольно-счетных органов по результатам контрольных и экспертно-аналитических мероприятий;
- развитие профессиональных компетенций сотрудников контрольно-счетных органов;
- формирование единой цифровой среды Счетной палаты и контрольно-счетных органов.

Анализируя вышеизложенное, можно прийти к выводу, что взаимодействие высшего органа внешнего государственного аудита с органами государственной власти осуществляется в ходе мероприятий Счетной палаты и после их завершения, где Счетная палата как стратегический партнер стремится отметить как лучшие, так и недостаточно эффективные практики государственного управления.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2020, № 31, ст. 4398.
2. Федеральный конституционный закон от 06.11.2020 № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020, № 45, Ст. 7061
3. Федеральный закон «О Счетной палате Российской Федерации» от 05.04.2013 № 41-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2013, № 14, Ст. 1649
4. Федеральный закон от 07.02.2011 № 6-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований» // «Собрание законодательства РФ», 14.02.2011, № 7, ст. 903.
5. Стратегия развития Счетной палаты на 2018–2024 годы // «Российская газета» — Федеральный выпуск № 170
6. Шохин, с. Ю. Счетные палаты — нужна ли властная вертикаль // Ж-л «Юридический мир», 2018, № 2. — С. 19–22
7. Официальный сайт Счетной палаты Российской Федерации. — Режим доступа: <http://www.ach.gov.ru> (дата обращения 13.05.2021)

Наследование авторских прав в международной доктрине

Добрынина Дарья Сергеевна, студент
Сибирский юридический университет (г. Омск)

Настоящая статья посвящена общему анализу наследования авторских прав в доктрине международного права. Автором были выявлены причины юридических коллизий, возникающих в данном аспекте.

Ключевые слова: авторские права; международная доктрина; наследование авторских прав.

В настоящее время в современном гражданском праве существует четкое разделение интеллектуальных прав, в том числе авторских, на исключительное право и в случаях, предусмотренных ГК РФ, личные неимущественные права и иные права (право следования, право доступа и другие (ст. 1226 ГК РФ)).

И. с. Перетерский высказывал мнение о том, что предоставляемые субъектам авторских прав правомочия имеют силу лишь в пределах того государства, где указанные права возникли [7, с. 133].

Это означает, что в отличие от вещных прав авторские права действуют только в юрисдикции того государства, на территории которого они возникли. В иных государствах такие права признаются и, следовательно, получают правовую охрану только при наличии соответствующих международных договоров.

При отсутствии такого договора произведение, созданное в одной стране, может быть использовано в другой любыми способами без разрешения автора (иного правообладателя), который не имеет правовых оснований возражать против подобных действий.

Конечно, на межгосударственном уровне принимаются меры для выработки универсальных правил, гарантирующих защиту прав иностранных авторов посредством предоставления охраны, содержащихся в том числе в Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений 1886 года (Россия присоединилась 3 ноября 1994 года).

Однако помимо правил о взаимном признании прав авторов — граждан государств — участников названной Конвенции, как видится, необходима выработка действенного механизма, обеспечивающего правомерность международного преемства в авторских правах на национальном уровне, поскольку именно внутреннее законодательство определяет основания возникновения и объем авторских прав, а также способы разрешенного использования произведения.

Одним из таких механизмов следует признать международное наследование как основание для правомерного использования произведения за рубежом. Более того, именно внутренним законодательством устанавливаются основания и порядок наследования, состав наследственного имущества, а также круг наследников и условия принятия наследства [2, с. 78].

Заметим, что отечественное законодательство не содержит легального определения международного наследования, и содержание этого понятия раскрывается лишь на уровне доктрины.

Так, под международным (некоторые авторы оперируют понятиями «трансграничное», «интернациональное») наследова-

нием предлагается понимать наследственные отношения, осложненные иностранным элементом [6, с. 99], суть которого заключается в правопреемстве, пересекающем границы одного государства.

Отметим, что иностранный элемент может проявляться в следующих вариантах: во-первых, автор (иной правообладатель) — наследодатель и его наследники являются гражданами различных государств; во-вторых, произведение, исключительное право на которое входит в состав наследства, создано за пределами России; и наконец, в-третьих, юридический факт, послуживший основанием открытия наследства, имеет место на территории другого государства.

В любом случае при наличии хотя бы одного из перечисленных признаков в правоотношении речь идет о международном наследовании, и, следовательно, в действие вступают нормы международного частного права.

Специфика данных норм заключается в их отсылочном характере, то есть они не регулируют отношения по существу, а главным назначением этих норм является указание на правопорядок, материальное право которого и будет регулировать отношения.

Рассмотрим право, применимое к трансграничному наследованию. Здесь следует обратить внимание на следующие моменты.

Так, согласно доктрине право, подлежащее применению к части или ко всей совокупности наследственных отношений с иностранным элементом, определяется в соответствии с наследственным статутом, которым регулируются как общие вопросы наследования имущества, так и специальные вопросы наследования отдельных видов имущества, в том числе исключительных авторских прав [4, с. 452].

При этом, когда статут наследования определяет регулирование всей совокупности наследственных отношений, принято говорить о единстве наследственного статута. Когда же из единого статута делаются существенные изъятия, речь идет о двойственности статутов наследования [5, с. 231].

В связи с этим в мире сложилось два основных принципа определения применимого к наследованию права, основанных на разделении наследственной массы на две относительно самостоятельные части — движимую и недвижимую — и подчинении первой закону domicilia наследодателя на момент его смерти, а второй — закону места нахождения недвижимости [1, с. 12].

В российском законодательстве право, применимое к международным наследственным отношениям, регламентируется статьей 1224 ГК РФ, согласно которой к отношениям по насле-

дованию по общему правилу применяется право страны, где наследодатель имел последнее место жительства.

Однако из этого правила сделано исключение в отношении недвижимого имущества, при наследовании которого должно применяться право страны, где такое имущество находится.

Подобная «двойственность» наследственного статута имеет место в законодательствах и ряда других государств.

Разделение имущества на движимое и недвижимое в странах общего права также не вполне соответствует романо-германскому. Привычная для нас терминология «движимое» и «недвижимое имущество» применяется судами только к отношениям с иностранным элементом, регулируемым международным частным правом [3, с. 14].

В общем праве исторически сложилось деление имущества на реальное и персональное. При этом к реальному имуществу относятся земля и имеющие с ней существенную связь объекты: здания, сооружения, растения, урожай на корню, постоянные принадлежности земли и т. п. Все остальные виды имущества относятся к персональному.

Персональное имущество, в свою очередь, подразделяется на два класса: реальная движимость, к которой относится

право аренды недвижимости, и персональная движимость, подразделяемая, в свою очередь, на вещи во владении, то есть материальную движимость, и вещи в требовании, то есть нематериальную движимость. Вещи во владении — это движимые материальные вещи, а вещи в требовании — «неосязаемая собственность»: денежные требования, права интеллектуальной собственности.

Резюмируя анализ исследуемого вопроса, считаем возможным сделать следующие выводы, что в настоящее время переход прав на произведения по наследству признается одним из оснований правомерного приобретения права использовать произведение самостоятельно или разрешать его использование третьим лицам.

И если к сделкам, опосредующим передачу исключительного авторского права, рекомендуется применять право страны предполагаемого использования произведения, то в отношении международного наследования выбор применимого права осуществляется на основании наследственного статута в соответствии с привязкой к последнему месту жительства наследодателя, вне зависимости от территориальной ограниченности действия такого права.

Литература:

1. Абраменков М. с. Критерии определения статута наследования (исторический аспект) // Наследственное право. 2016. № 3. С. 12–15.
2. Абраменков М. с. Наследование как разновидность универсального правопреемства: теоретические и практические проблемы в аспекте международного частного права // Журнал российского права. 2013. № 11. С. 78.
3. Абраменков М. с. О необходимости совершенствования правового регулирования наследственных отношений международного характера. С. 14.
4. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации: в 3 т. Т. 3 / Под ред. Т. Е. Абовой, М. М. Богуславского, А. Г. Светланава. М., 2007. С. 452.
5. Комментарий к части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации / Под ред. А. Л. Маковского и Е. А. Суханова. М., 2002. С. 231.
6. Настольная книга нотариуса: в 4 т. Т. 4: Международное частное право, уголовное право и процесс в нотариальной деятельности / Под ред. И. Г. Медведева. М., 2015. С. 99.
7. Перетерский И. С., Крылов с. Б. Международное частное право: учебник для юридических вузов. М., 1959. С. 133.

О законности и этичности размещения фотоснимков неопознанных трупов на официальных сайтах правоохранительных органов с целью установления личности погибших

Дугарова Бутит Зоригтуевна, студент
Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации

В данной статье анализируются вопросы, касающиеся законности и этичности размещения на официальных сайтах правоохранительных органов фотоснимков неопознанных трупов с целью установления его личности.

Ключевые слова: фотоснимки трупов, обезображенные лица трупов, официальный сайт правоохранительных органов.

Согласно пункту 15 части 1 статьи 12 Федерального закона «О полиции», на полицию возложена обязанность — принятие мер по идентификации неопознанных трупов [1]. Лич-

ность потерпевшего может быть установлена следующими способами:

- 1) дактилоскопирование и проверка по учетам МВД;

2) осмотр одежды трупа с целью обнаружения признаков, свидетельствующих о ее владельце;

3) предъявление трупа и его одежды для опознания лицам, предположительно знавшим потерпевшего при жизни;

4) проверка картотеки лиц, пропавших без вести и сопоставление примет трупа с приметами этих лиц; осмотр предметов, обнаруженных при трупе или поблизости от него, и т. д.

Одной из крайних мер, направленных на установление личности, является публикация фотоснимка лица трупа на официальных сайтах правоохранительных органов. Так, например, на официальном сайте УМВД России по Забайкальскому краю в разделе «Внимание, розыск» размещены цветные фотоснимки обезображенных лиц неопознанных трупов, сделанные следователями-криминалистами в момент их обнаружения.

Соответственно, возник закономерный вопрос: соответствует ли подобная практика этическим соображениям, а также букве закона? Ведь, как утверждает Т. А. Хашем, достоинство личности не исчезает даже после смерти человека, а права и обязанности по защите его достоинства личности, определенным образом трансформируясь, переходят к родственникам умершего и/или к государству [2].

Действительно, согласно пункту 1 статьи 152.1 Гражданского кодекса РФ обнародование и дальнейшее использование изображения после смерти гражданина возможно только с согласия детей и пережившего супруга, а при их отсутствии — с согласия родителей. Такое согласие не требуется в случаях, когда:

1) использование изображения осуществляется в государственных, общественных или иных публичных интересах;

2) изображение гражданина получено при съемке, которая проводится в местах, открытых для свободного посещения, или на публичных мероприятиях (собраниях, съездах, конференциях, концертах, представлениях, спортивных соревнованиях и подобных мероприятиях), за исключением случаев, когда такое изображение является основным объектом использования;

3) гражданин позировал за плату [3].

Логично что, когда осуществляются следственные действия или оперативно-розыскные мероприятия в целях установления личности неопознанного трупа, нет сведений о родственных лицах опознаваемого трупа, соответственно, получение соответствующего разрешения не представляется возможным.

В таком случае, можем ли говорить о наличии тех самых исключительных случаях, когда размещение фото возможно без соответствующего согласия? Очевидно, второй и третий пункт отпадают в качестве оснований, позволяющим правоохранительным органам размещать на официальных сайтах фотоснимки неопознанных трупов. А что касается, первого пункта, то данное основание представляется подходящим в рассматриваемом случае, поскольку правоохранительные органы действуют в интересах государства, на котором возложена обязанность по обеспечению правопорядка, а также защите прав и

свобод и человека и гражданина. Такую же позицию выразил Пленум Верховного суда Российской Федерации, указав, что не требуется согласия на обнародование и использование изображения гражданина, если оно необходимо в целях защиты правопорядка и государственной безопасности (например, в связи с розыском граждан, в том числе пропавших без вести либо являющихся участниками или очевидцами правонарушения) [4].

Тогда в чем выражается основная цель установления личности трупа? С одной стороны, установление личности неопознанного трупа, в первую очередь, направлены на защиту немущественных прав, такие как, право на имя, которое связано с именами не только живых лиц, но и умерших (погибших), а также право на погребение в соответствии с обычаями и традициями. Однако, с другой стороны, такой способ установления личности, как размещение фотоснимков обезображенных лиц трупов, нарушают их права на достоинство личности, которое должно быть защищено и после смерти лица, что подтверждается решением Верховного суда РФ от 17 июня 2002 г. [5]. Так, в Верховный Суд РФ был подан иск о признании недействительными положений приказов Минздрава СССР от 23 сентября 1977 г. и от 7 июля 1987 г. об изъятии гипофиза у умерших любого возраста и пола в патологоанатомических и судебно-медицинских моргах. Требование заявителя было удовлетворено. В обосновании решения указывалось, что личные немущественные отношения не прекращаются в связи со смертью гражданина, а достоинство личности включает в себя уважительное отношение не только к личности умершего человека, но и к его останкам.

Вместе с тем не стоит забывать о чувствах родственников в случае их установления, ведь размещенные фотоснимки обезображенных лиц могут вызвать разную реакцию у родных: начиная от понимания до возмущения и даже оскорбления. Не говоря уже о том, какая психологическая травма может быть нанесена несовершеннолетним детям при случайном опознании на фотоснимке своего родителя в обезображенном виде.

С этой точки зрения, наиболее гуманным и этичным представляется способ описания неопознанного трупа по методу словесного портретного и составления фоторобота, причем такой способ часто применяется на практике, значит, никаких процедурных сложностей не возникает при их составлении, за исключением траты значительного количества временного ресурса.

Соответственно, для решений обозначенной нами проблемы необходимо законодательное урегулирование этого вопроса путем внесения запрета на размещение фотоснимков неопознанных трупов с целью установления его личности на официальных сайтах правоохранительных органов. Одним из вариантов видится — отражение вышеуказанного запрета в ведомственных приказах, а также установления ответственности за применение подобного рода способа идентификации неопознанного трупа.

Литература:

1. О полиции [Электронный ресурс]: фед. закон от 7 февр. 2011 г. N 3-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Хашем Т. А. Защита человеческого достоинства в Российской Федерации: конституционно-правовой анализ: автореферат дис. ... кандидата юридических наук. — М., 2010. С. 22.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 30 нояб. 1994 г. № 51 — ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. N 25. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Решение Верховного Суда РФ от 17 июня 2002 г. N ГКПИ02–566 [Электронный ресурс]. URL: ГКПИ02–566 — Архив судебных решений (kodeks.ru) (дата обращения: 15.05.2021).

Трансформация принципа свободы открытого моря в международном праве

Ерёменко Ростислав Сергеевич, студент магистратуры
Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (г. Архангельск)

В статье рассмотрена эволюция принципа свободы открытого моря, который прошел длительный путь развития, начиная с римского права и до современных международных конвенций.

Ключевые слова: доктрина свободы морей, Гуго Гроций, открытое море, Женевская конвенция об открытом море 1958 г., Международная конвенция по морскому праву 1982 г.

Бескрайность и необъятность просторов морей и океанов, на первый взгляд, исключают какие-либо сомнения по поводу того, что эти территории могут кому-то принадлежать, поскольку они должны быть свободны от чьих бы то ни было притязаний.

Этот вывод подтверждается и доктриной свободы открытого моря, блестяще обоснованной в XVI веке голландским юристом Гуго Гроцием в своем труде «Mare Liberum». В частности, Г. Гроций утверждал, что, поскольку море настолько безгранично, оно не может стать владением кого угодно, и оно приспособлено для использования всеми [1; 22]. В подтверждение своих аргументов Г. Гроций цитировал римского юриста Плацентина: «море-вещь настолько общая для всех, что оно не может быть собственностью кого-либо, кроме одного Бога» [2; 219–220].

Между тем, такие, казалось бы, незыблемые положения о свободе морских пространств постоянно подвергались дискредитации со стороны отдельных морских держав, и международному праву пришлось пройти длительную историю, прежде чем провозглашенный принцип сводного моря обрел юридическую конструкцию.

Вопрос о времени возникновения юридического обоснования принципа открытости морей в правовой литературе является дискуссионным. Так, согласно устоявшейся точки зрения, «формирование принципа свободы открытого моря относится к XV–XVIII вв». [3; 80]. Бижанек, известный польский профессор международного права и переводчик Г. Гроция, в своей книге «Открытое море с точки зрения международного права», относит возникновение данного принципа к середине XII в. [4; 182]. Еще одна группа авторов полагает, что искать его истоки нужно в римском праве [5; 154]. Действительно, в текстах римских юристов можно найти рассуждения о том, что море и его берега являются общей собственностью всех

людей — «*communis omnium naturali jure*» — в силу естественного закона [6; 717].

Нужно отметить, что многие великие монархи мира также отстаивали свободу открытого моря. Так, Елизавета I всегда придерживалась позиции, что если прибрежная зона морской державы может находиться под ее юрисдикцией, то «...рыболовство и судоходство [в открытом море] ...не должны быть запрещены принцем, владеющим побережьем» [5; 150]. Русскому царю Федору Иоанновичу принадлежит высказывание: «Божию дорогу, океан-море как можно перенять, унять или затворить?». Этот принцип «Море-океан — это путь Божий» впоследствии высказывал и Борис Годунов [7; 154].

Эпоха великий открытий в Европе породила возникновение идеи господства над морем со стороны морских держав, которые подпитывались растущими чувствами национализма и суверенитета. В противоположность концепции открытого моря, монархи стали отстаивать концепцию закрытого моря — *Mare Clausum*, обосновывая свои права на судоходство, рыболовство и торговлю в соответствии с политическими амбициями своих стран. Так, Дания заявила о своей юрисдикции над Прибалтикой, Норвегия осуществляла контроль над морскими путями в Исландию и Гренландию, Швеция претендовала на Ботнический залив, а англичане претендовали на Ла-Манш и часть Северного моря.

В дальнейшем, основными претендентами в споре на морские территории стали Испания и Португалия, считающие, что они обладают исключительными правами на судоходство и торговыми привилегиями на огромном пространстве земных океанов.

В этот период, в начале XVI века, возникает труд голландского юриста Гуго Гроция *Mare Liberum* о доктрине свободы морей, который первоначально был опубликован анонимно.

Важность вклада Г. Гроция в морское право трудно переоценить, ведь его *Mare Liberum* был первым юридически обосно-

ванным набором аргументов по доктрине свободы морей [8; 14]. Г. Гроций основывал всю позицию на «безупречной аксиоме закона наций», а именно на том, что «каждая нация свободна путешествовать в любую другую нацию и торговать с ней». В соответствии с обычаем своего времени, Г. Гроций связывал свою теорию с религией, естественным правом и трудами древних философов и юристов.

Г. Гроций сравнивал море с воздухом и говорил о том, что «то, что не может быть занято, не может принадлежать». Он называл океаны «тем водным пространством, которое древность описывала как огромное, бесконечное, ограниченное только небесами». Он заявил: «то, что не может быть занято в ограниченном смысле того, чтобы быть физически захваченным и заключенным, застолбленным и исключительно занятым, или то, что никогда не было таковым оккупированным, не может быть чьей-либо собственностью, потому что вся собственность возникла из оккупации. Такое свойство присуще всем людям» [9].

Однако, несмотря на серьезное обоснование Г. Гроцием доктрины свободы морей, только к концу XVIII — началу XIX в. она утверждается в качестве обычной нормы международного права.

Кодификация морского права впервые была осуществлена лишь в 1958 г. в Женеве I Конференцией ООН по морскому праву (GCHS), которая одобрила четыре конвенции, одной из которых и стала специальная Конвенция об открытом море [10].

В своем докладе по морскому праву 1956 года, который лег в основу обсуждений государств на Первой Конференции Организации Объединенных Наций по морскому праву (ЮНКЛОС I), Комиссия международного права отметила, что «общепризнанный в международном праве принцип, согласно которому открытое море свободно для всех государств» и «что ни одно государство не может подчинять какую-либо часть открытого моря своему суверенитету... незанятый статус открытого моря был подкреплен сохранением почти идентичной формулировки в статье 2 Конвенции об Открытом море».

В 1967 г. вновь на повестку дня мирового сообщества был поставлен вопрос об «эффективном международном режиме в отношении морского дна и дна океана за пределами четко определенной национальной юрисдикции» [11]. Это привело к созыву в 1973 году Третьей конференции Организации Объединенных Наций по морскому праву, которая после девяти лет переговоров приняла Конвенцию 1982 г. (UNCLOS, ЮНКЛОС).

В силу важности и значимости вопросов, которые нашли отражение в Конвенции по морскому праву 1982 г., ее не без оснований называют «Конституцией» Мирового океана [12]. Конвенция (ЮНКЛОС) [13] установила всеобъемлющую правовую

основу для регулирования всего океанского пространства, его использования и ресурсов.

В ст. 89 ЮНКЛОС вновь провозглашен классический принцип свободы морей, сформулированный в XVII веке Гуго Гроцием: «Никакое государство не вправе претендовать на подчинение какой-либо части открытого моря своему суверенитету».

Открытое море свободно для всех государств, как прибрежных, так и сухопутных. Свобода открытого моря осуществляется на условиях, установленных настоящей Конвенцией и другими нормами международного права. ЮНКЛОС уточняет, что свобода открытого моря включает, в частности:

- свободу судоходства;
- свободу пролета;
- свободу прокладки подводных кабелей и трубопроводов;
- свободу строительства искусственных островов и других сооружений, разрешенных в соответствии с международным правом;
- свободу рыболовства;
- свободу научных исследований.

Эти свободы осуществляются всеми государствами с должным учетом интересов других государств при осуществлении ими свободы открытого моря, а также с должным учетом прав, предусмотренных Конвенцией, в отношении деятельности [на морском дне, дне океана и его недрах].

Из шести вышеперечисленных свобод (ст. 87 ЮНКЛОС), только свобода судоходства, рыболовства, прокладки подводных кабелей и трубопроводов, и полетов над территорией были включены ранее в ст. 2 Женевской конвенции 1958 г. Дополнение свободами, связанными с научными исследованиями и возведением искусственных островов и установок, ранее не фигурировавшими в международных документах, «объясняется бурным развитием науки и техники, обеспечившим новые возможности для использования открытого моря» [3].

Таким образом, принцип свободы открытого моря эволюционировал от высказываний древних юристов к обычаю морского права до юридически закрепленного принципа международного права, по сути, не меняя своего содержания — открытое море свободно и не может быть разделено между государствами. Между тем, концепция открытого моря, все же, была изменена — от провозглашения его как ничейного пространства (*res nullius*) до отношения к нему как общему наследию человечества (*res communis*), которое находится не только в общем пользовании, но и нуждается в коллективной защите.

Литература:

1. Андрианов С. Н. Международно-правовой режим открытого моря. — М., 1951.
2. Гроций Г. О праве войны и мира. — М.: Ладомир, 1994.
3. Гуреев А. С. Принцип свободы открытого моря в современных условиях // Известия высших учебных заведений. 1987. № 1.
4. Дурденевский В. Н. Рецензия на книгу Р. Бижанека «Открытое море с точки зрения международного права». Варшава, 1960 // Известия вузов. Правоведение. 1961. № 3.
5. Оппенгейм Л. Международное право. Т. I. Полутом 2. М., 1949.
6. P.T. Fenn 'Justinian and the Freedom of the Sea' 19 (1925) // American Journal of International Law 717.
7. Кожевников Ф. И. Русское государство и международное право. — М., 1947.

8. Buergenthal Th., Maier H. G. Public International Law in a nutshell. 2nd ed. St. Paul, Minn, 1990. P. 14.
9. Mare Liberum work by Grotius. URL: <https://www.britannica.com/topic/Mare-Liberum> (Дата обращения: 07.05.2021).
10. Конвенция об открытом море (Заклучена в г. Женева 29.04.1958) // СПС КонсультантПлюс.
11. Международный трибунал по морскому праву. URL: <https://www.itlos.org/en/main/the-tribunal/unclos/> (Дата обращения: 15.05.2021).
12. Оксфордский справочник по морскому праву. URL: <https://www.oxfordhandbooks.com/view/10.1093/law/9780198715481.001.0001/oxfordhb-9780198715481> (Дата обращения: 15.05.2021).
13. Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (UNCLOS) (заклучена в г. Монтего-Бее 10.12.1982) (с изм. от 23.07.1994) // СПС КонсультантПлюс.

К вопросу о понятии недвижимого имущества

Зайцева Дарья Александровна, студент магистратуры
Якутский колледж инновационных технологий

Современное гражданское законодательство рассматривает недвижимое имущество как один из важнейших объектов гражданских прав, требующих особой правовой регламентации. Именно поэтому понятие недвижимого имущества постоянно находится в центре внимания современной юридической науки.

Правовое понятие недвижимости как объекта гражданских прав в полной мере вернулось в современное законодательство лишь в 1990-е годы, что связано с перераспределением государственной собственности. Возрождение института частной собственности потребовало реформирование действующего законодательства и создания соответствующей правовой регламентации в целях практической реализации данного цивилистического института.

С момента закрепления недвижимости как объекта права, которое может находиться в частной собственности лиц, началось интенсивное развитие рынка недвижимости, которое породило дальнейшую нивелировку гражданского законодательства в части правовой регламентации отдельных видов недвижимости. Однако, подобное интенсивное развитие законодательство было сопряжено с рядом правовых недочетов, обусловленных во-первых многообразием объектов недвижимости, во-вторых, с существенными особенностями их правового режима и, в третьих, с неустоявшейся правоприменительной практикой и отсутствием единообразия судебных установок. Некоторые из этих проблем не нашли своего разрешения до сих пор и по их поводу в науке гражданского права ведутся научные дискуссии. Одной из таких проблем является научное понимание дефиниции «недвижимое имущество» и его разграничение с имуществом движимым. Как отмечают ученые, основная проблема заключается в оценочных критериях разграничения данных видов имущества.

Так, еще Д. И. Мейер отмечал, что «разделение имуществ на недвижимые и движимые, принимаемое законодательством, соответствует природе вещей: все имущества, которые по природе их оказываются недвижимыми или движимыми, признаются такими и законодательством. Нет, однако же, необходимости, чтобы юридическое деление имуществ на недвижимые и

движимые совпадало с физической неподвижностью или подвижностью вещей» [1]. Соответственно, можно резюмировать, что проблемы определения данных правовых категорий обусловлены и отсутствием концептуальной завершенности в понимании недвижимости.

Ст. 130 ГК РФ [2] градирует разграничение между движимыми и недвижимыми вещами с помощью указания на прочную связь с землей. Таким образом, к недвижимости относятся земля, участки недр и все, что прочно связано с землей. Из данного положения следует два вывода: во-первых, перечень объектов недвижимости нормотворец оставляет открытым, а во-вторых, прочная связь с землей — по сути единственный признак, определяющий отнесение вещи к недвижимому имуществу. Соответственно, по данному признаку к объектам недвижимости относится то, что невозможно переместить без причинения ущерба объекту (здания, сооружения и т. п.).

Нормотворец делает исключение из общего правила, отнеся к недвижимости воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания, которые подлежат государственной регистрации. Законодательно закреплено и то, что недвижимостью законом может быть признано и иное имущество.

Таким образом, в гражданском законодательстве сформулирован открытый перечень недвижимого имущества, опосредованный ее связью с землей, а также перечень, содержащих определенные исключения из данного правила (который, на наш взгляд, также сформулирован как открытый, так как в законе содержится соответствующая отсылка).

Исходя из данных нормотворческих установлений в цивилистической теории были разработаны следующие модели недвижимого имущества:

— вещи, являющиеся недвижимым имуществом из-за своих природных свойств (т. е. имеющие связь с землей);

— вещи, чья принадлежность к недвижимости определяется исключительно в силу их юридических свойств. Такие вещи не имеют основополагающего признака недвижимости (связи с землей) и при их отнесении к недвижимости был использован метод юридической фикции.

В настоящее время многие цивилисты, занимающиеся проблематикой недвижимого имущества, считают понятие недвижимости несовершенным и нуждающимся в правовой нивелировке. Связано это с оценочностью понятия «прочная связь с землей». К примеру, объект незавершенного строительства становится объектом недвижимости исключительно после процедуры государственной регистрации. Как указывает Е. А. Суханов [3], до момента регистрации, в юридическом контексте стройка не будет существовать как недвижимость. Соответственно, связь с землей как фактический признак в данной ситуации присутствует, но не оказывает никакого юридического влияния вплоть до момента государственной регистрации. Следовательно, при моделировании указанной ситуации, основополагающим признаком недвижимости будет ее государственная регистрация. Подобное правило содержится и в нормах об отнесении к недвижимости морских и воздушных судов.

Не все цивилисты поддерживают концепцию рассмотрения объектов недвижимости только через призму ее устойчивой связи с землей представляется. Так, Е. А. Суханов [3], А. Н. Асаул [4], О. М. Козырь [5] придерживаются теории юридического характера дефиниции недвижимости, согласно которой значительная роль в признании объекта недвижимостью отведена процедуре государственной регистрации. Если связь с землей обуславливает фактическую недвижимость вещи, то ее регистрация в качестве таковой — представляет собой юридическую составляющую недвижимости. Подтверждением данной позиции служат и нормы ч. 1 ст. 131 ГК РФ об обязательности государственной регистрации прав на недвижимость. Что интересно, в данном вопросе судебная практика достаточно противоречива: так, согласно Постановлению Пленума Верховного Суда от 23.06.2015 г. № 25, «государственная регистрация на вещь не является обязательным условием для признания ее объектом недвижимости» [6]. Думается, следует согласиться с мнением с. А. Мысовских о том, что подобная позиция обусловлена тем, что существуют объекты недвижимости, созданные до вступления в силу норм о государственной регистрации подобного имущества [7, с. 5].

Мы концептуально считаем, что обе теории недвижимости — и фактическая и юридическая — должны учитываться

при отнесении объекта к недвижимости. Соответственно, недвижимость должна иметь неразрывную связь с землей либо быть зарегистрирована в качестве таковой.

При этом, хотелось бы подчеркнуть, что неразрывность связи с землей понимается нормотворцем как невозможность перемещения объекта без несоразмерного ущерба его назначению. Данное положение законодательства также является спорным. Между тем, как верно отмечает Н. А. Сыродоев [8], современное техническое развитие позволяет перемещать практически любые строения без ущерба их назначению. Данный ученый в этой связи предлагает исключить указанный признак из дефиниции недвижимого имущества.

Между тем, само понятие перемещения является, по сути, законодательной лакуной, так как в действующем законодательстве отсутствует его определение как таковое, а следовательно — подобная ситуация порождает различное правовое содержание его понимания.

Данное понятие исследовалось и в рамках разработки Концепции развития гражданского законодательства, которые отмечали, что современное развитие технических средств позволяет перемещать фактически любые объекты, за исключением имманентно связанных с землей (недра и т. п.).

Мы полагаем, что во время нахождения на определенной земельной территории, подобное строение является объектом недвижимости, а после его перемещения будет являться таковым при восстановлении связи с землей (к примеру, после соответствующей установки на определенный фундамент). В этой связи предложение об исключении связи с землей представляется нам не совсем верным, так как подобная связь базово определяет недвижимость как объект. В ином случае, различного рода конструкции (киоски, гаражи и пр.) также можно будет относить к объектам недвижимости, что создаст путаницу на правовом поле и негативно скажется на общем правовом регулировании данного вопроса.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что понятие недвижимости в российском законодательстве является дискуссионным понятием, подвергается значительной юридической критике и требует своего дальнейшего научного юридического исследования.

Литература:

1. Мейер Д. И. Русское гражданское право. М., 2012. 742 с.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 09.03.2021) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. Суханов Е. А. О понятии недвижимости и его влиянии на иные гражданско-правовые категории // Вестник гражданского права. 2008. № 4.
4. Асаул А. Экономика недвижимости. СПб.: Питер, 2013. 416 с.
5. Козырь О. М. Недвижимость в новом Гражданском кодексе России // Гражданский кодекс России. Проблемы. Теория. Практика: Сборник памяти с. А. Хохлова. — М.: Изд-во Междунар. центра финансово-эконом. развития, 1998. — С. 271–298
6. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.
7. Мысовских с. А. Проблемы определения понятия недвижимости как юридической категории вещей // Научный журнал Globus. 2020. № 4. С. 4–8.
8. Сыродоев Н. А. Регистрация прав на землю и другое недвижимое имущество. М.: Наука, 1998. 97 с.

Коллизии в правовом регулировании жилищных прав инвалидов (на примере Тюменской области)

Зозуля Тарас Сергеевич, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

Статья посвящена исследованию проблем, с которыми могут столкнуться инвалиды при реализации своих жилищных прав на территории Тюменской области. В связи с чем, был проведен сравнительный анализ нормативного правового массива и положений судебной практики в ходе которого были выявлены коллизии между федеральным законодательством и законодательством Тюменской области, регламентирующих условия и порядок выделения инвалидам жилья. По сравнению с федеральными нормами установлено ограничение, произведенное законодателем Тюменской области, сужающее группы инвалидности, на основании которых граждане могут встать на учет для получения жилого помещения. Также установлено несоответствие норм законодательства Тюменской области данному, не так давно, толкованию Конституционного Суда РФ норм Жилищного кодекса РФ касательно необходимого, в определенных случаях, со стороны уполномоченных органов, учета дополнительной жилищной площади или предоставления отдельного жилья опекуну недееспособного инвалида, когда гражданину-инвалиду требуется регулярный посторонний уход. Представленный анализ может выступить средством устранения противоречий Тюменского законодательства по отношению к федеральному, что фактически повлечет улучшение правового статуса инвалидов в сфере реализации их жилищных прав.

Ключевые слова: социальная защита инвалидов; жилищные права инвалидов; коллизии в сфере обеспечения инвалидов, семей имеющих детей-инвалидов, жилье.

Особенности и проблемы в правоотношениях в области предоставления инвалидам жилых помещений неоднократно рассматривались в научной юридической среде. В 2019 г. П. В. Старостина [11] подробно описывала и предлагала решения пробелов в бюджетном законодательстве, которое четко не устанавливало, кто несет расходное обязательство по внеочередному предоставлению жилья инвалидам. Также в 2019 г. подробно о проблемах реализации и соблюдения прав инвалидов на жилье рассматривалось в работе Е. А. Бородиной [12], — в особенности это касалось препятствий имеющих у инвалидов, которые встали на учет как лица, нуждающиеся в улучшении жилищных условий до 01.01.2005 г., в связи с чем выносились предложения по пересмотру системы субвенций и учитываемых критериев при предоставлении жилья инвалидам. Из более частной направленности можно обозначить исследование, проведенное М. Л. Лукьяновой в 2017 г. [13], где были выявленные коллизии в законодательстве Владимирской области в части установления регионом необходимости дополнительного признания инвалидов малоимущими для постановки на учет в качестве нуждающихся в жилых помещениях, что противоречило нормам Конституции РФ и федеральному законодательству. Однако, данные исследования не выявляли коллизий между федеральным законодательством и законодательством Тюменской области, а также не учитывали толкование Конституционного Суда РФ норм Жилищного кодекса (далее — ЖК РФ), которое было дано в постановлении № 3-П от 01.02.2021 г. [5]

Основополагающим в области защиты прав инвалидов является специальный Федеральный закон от 24.11.1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в РФ» (далее — Закон 181-ФЗ). В законе даются определения основным понятиям, например, инвалид, социальная защита, реабилитация и абилитация, а также закрепляются права инвалидов и их гарантии. Гарантии инвалидов напрямую связаны с улучшением той или иной категории их жизнедеятельности и одной из

таких является гарантия обеспечения жилым помещением, которое будет отвечать необходимым соответствующим требованиям доступности, оборудованности и удобства. Данная гарантия закреплена законодателем в статье 17 Закона 181-ФЗ, согласно которой жилым помещением обеспечиваются: «Инвалиды, семьи, имеющие детей-инвалидов, нуждающиеся в улучшении жилищных условий». Для реализации данного права инвалидам или семьям с детьми-инвалидами необходимо встать на учет, в качестве лиц, которые имеют необходимость в предоставлении им жилого помещения, а сам порядок предоставления жилья данной категории граждан и их постановка на соответствующий учет, как следует из той же статьи 17 Закона 181-ФЗ, устанавливается: «законодательством РФ и законодательством субъектов РФ». [2, ст. 17]

В сфере обозначенных правоотношений по обеспечению инвалидов жилыми помещениями возникали и возникают споры в юридической среде и в последствие в правоприменительной практике [9, п. 12; 10; 6] по причине имеющих проблем и коллизий в законодательстве, в частности коллизий между федеральным законодательством и региональным. В качестве таковых можно отметить споры в правоприменительной практике, образовавшиеся после вступления в действие ЖК РФ с 01.01.2005 г. Разногласия и обсуждения возникали относительно того, на ком лежат финансовые обязательства, направленные на обеспечение инвалидов жильем, а также необходимости признания инвалидов малоимущими для предоставления жилья из муниципального жилищного фонда.

Как следовало из правил, установленных новым законом по урегулированию жилищных прав граждан, жилье предоставляется из государственного и муниципального жилищных фондов, а граждане были поделены на тех, кто встал на учет для улучшения жилищных условий до 01.01.2005 г., и после этой даты. [11, с. 50]

Вместе с тем ЖК РФ определял, что к вопросам местного значения, предоставления жилья из муниципального жилищ-

ного фонда, относится только обеспечение жилищных прав малоимущих граждан. Данные положения на сегодняшний день не совсем стыкуются с установленными нормами Закона 181-ФЗ, изложенных в статье 17, что привело к неверному формированию нормативных правовых актов субъектов РФ, устанавливающих в качестве обязательного условия, в том числе и для инвалидов, признание гражданина малоимущим. Поэтому Верховный Суд РФ в своем решении от 13.03.2014 г. № АКПИ 13-1200 разъяснил, что статья 17 Закона 181-ФЗ не содержит в себе какой-либо императивной нормы, которая бы указывала на необходимость инвалида устанавливать свой материально-финансовый статус, тем самым, инвалиду нет необходимости являться малоимущим для получения жилья из муниципального жилищного фонда. [6]

Также, в силу отсутствия в бюджетном законодательстве порядка финансирования полномочий, направленных на обеспечение инвалидов жильем, вставших на учет после 01.01.2005 г., возникали споры, которые разрешались в судах, между РФ и муниципальными образованиями по поводу финансирования обеспечения инвалидов жильем. В качестве примера можно привести определение по делу № 309-ЭС15-9501 (администрация г. Екатеринбурга против РФ). Верховным Судом РФ были даны разъяснения, что обеспечение жильем инвалидов, вставших на учет после 01.01.2005 г., подлежит финансированию за счет субъектов РФ. При рассмотрении подобных споров суды ссылаются на нормы, закрепленные в Федеральном законе от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» — статьи 14 и 50, ЖК РФ — статьи 13, 14 и 19 и Законе 181-ФЗ — абзац 2 преамбулы и статья 17. В соответствии с данными положениями образуется деление расходного обязательства, — улучшение жилищных условий лиц, вставших на учет до 01.01.2005 г., обеспечивается за счет средств федерального бюджета, а жилищное положение лиц, вставших на учет после данной даты, обеспечивается за счет финансирования субъектов РФ. Очень подробно относительно тематики правовых коллизий в бюджетной сфере на примере обеспечения жилищных прав инвалидов рассматривается в статье практикующего юриста, ныне советника Верховного Суда РФ П. В. Старостиной. [11]

Таким образом, коллизии и пробелы были разрешены при помощи разъяснений высших судов и согласно действующему законодательству и его толкованию судами, вставшие на учет после 01.01.2005 г. граждане-инвалиды обеспечиваются жильем за счет сил субъектов РФ и для реализации их права на улучшение жилищных условий отсутствует необходимость устанавливать их материальное положение, — признать инвалидов малоимущими.

Тем не менее, не смотря на неоднократные разъяснения судов, касательного обеспечения инвалидов жильем, нередко встречаются и по состоянию на сегодняшний день признаки противоречия регионального законодательства федеральным нормам.

На примере закона Тюменской области № 137 от 07.10.1999 г., который направлен на регулирование порядка учета граждан, признанных нуждающимися, в предоставлении им жилого помещения (далее — Закон ТО № 137), можно увидеть признаки

сужения и ограничения круга лиц, которые имеют право на предоставление им жилого помещения в силу федерального законодательства. [4, ст.ст.6–7]

Так, статья 6 Закона ТО № 137 устанавливает, что граждане могут быть признаны нуждающимися в улучшении жилищных условий лишь при наличии совокупности обстоятельств, то есть при наличии своего рода состава. Так, по общему правилу, в Тюменской области состав образуют следующие обстоятельства:

1) Гражданин должен прожить на территории Тюменской области не менее установленного предельного срока (предельный срок проживания до возникновения права на признание нуждающимся в предоставлении жилья составляет 5 лет).

2) Гражданин должен быть признан малоимущим либо относиться к какой-либо категории граждан указанным в статье 7 Закона ТО № 137.

3) Гражданин подпадает под одну из категорий лиц, установленных статьей 51 ЖК РФ, которые имеют необходимость в предоставлении им жилого помещения [4, ст. 6].

Наибольший интерес вызывает второе обстоятельство, которое устанавливает необходимость признания гражданина малоимущим или установление принадлежности гражданина к категории граждан, определенной законодателем Тюменской области. Статья 7 Закона ТО № 137 регламентирует, что только инвалиды I и II группы, вставшие на учет как нуждающиеся в улучшении жилищных условий после 01.01.2005 г., могут быть признаны нуждающимися в жилых помещениях. Между тем, статьей 17 Закона 181-ФЗ установлено, что на обеспечение жильем имеют право инвалиды и семьи, имеющие детей-инвалидов. Статья 17 Закона 181-ФЗ не определяет группы инвалидности, при которых инвалиды имеют право на улучшение жилищных условий, а при каких группах инвалидности у инвалидов — это право отсутствует (к исключению относятся лишь положения, затрагивающие компенсацию взносов на капитальный ремонт).

Несмотря на то, что пунктом 4 статьи 13 ЖК РФ предусмотрено право субъектов РФ определять иные категории граждан в целях предоставления им жилых помещений, это должно делаться без противоречий федеральному законодательству, а также не должны исключаться из категорий, обладающих правом на обеспечение жильем граждане, имеющие право на улучшение жилищных условий в силу федеральных норм. [1, ст. 76].

Статьи 6 и 7 Закона ТО № 137 не содержат в качестве субъектов инвалидов III группы, также в них ничего не говорится о семьях, имеющих детей-инвалидов.

Практическую значимость обсуждения данных положений можно обусловить примером из судебной практики. Верховный Суд РФ вынес определение № 21-КГ17-19 от 10.10.2017 г. в котором указал, что гражданка Иванова (фамилия изменена) имеет право на предоставление ей жилья во внеочередном порядке. При вынесении определения Верховный Суд РФ исходил из того, что Иванова обладала необходимой совокупностью оснований (составом), а именно гражданка Иванова проживала необходимый срок на территории соответствующего субъекта

РФ, была признана инвалидом III группы с детства, без указания сроков прохождения переосвидетельствования, а также страдала заболеванием, входящим в перечень тяжелых форм хронических заболеваний, в силу чего обладала внеочередным правом на предоставление жилья (подп. 4 ч. 1 ст. 51 ЖК РФ). [8, п. 11]

На основании изложенного можно прийти к выводу, что если исходить из буквального толкования статей 6 и 7 Закона ТО № 137, то гражданка Иванова, которая проживала бы на территории Тюменской области более 5 лет, имела тяжелое хроническое заболевание, при котором невозможно проживание граждан в одном жилье, имеющая инвалидность III группы, не смогла бы получить жилье из-за суженного законодателем Тюменской области круга субъектов, имеющих право на получения жилья. Однако, в силу статьи 17 Закона 181-ФЗ и статей 51 и 57 ЖК РФ гражданка Иванова имеет право на предоставление ей жилья, причем — внеочередное.

Таким образом, статьи 6 и 7 Закона ТО № 137 требуют обсуждения со стороны законодателя Тюменской области с учетом мнения представителей общественной палаты Тюменской области, а также представителей Тюменской региональной организации всероссийского общества инвалидов (ВОИ) ввиду закрепления законом субъекта РФ неполного круга лиц, обладающих правом на получения жилья и наличие признаков несоответствия федеральному законодательству, что приводит к образованию препятствий в реализации жилищных прав инвалидов. Кроме того, данное усмотрение субъекта РФ не стыкуется с единой государственной политикой РФ в области социальной защиты инвалидов.

В качестве решения по устранению проблемных вопросов касательно круга субъектов-инвалидов, которые могут быть признаны нуждающимися в жилых помещениях, можно предложить на федеральном уровне установить запрет, который не будет допускать ограничение со стороны субъектов РФ групп инвалидности, при которых инвалиды могут быть поставлены на учет для обеспечения жильем. Либо можно внести предложение по изложению пункта «г» статьи 7 Закона ТО № 137 в следующей редакции:

«г) инвалиды, семьи, имеющие детей, у которых установлена группа инвалидности, ребенок-инвалид, не вставшие на учет в качестве нуждающихся в жилых помещениях до 01.01.2005 года;»

Также ввиду постановления Конституционного Суда РФ от 01.02.2021 г. № 3-П необходимо обратить внимание и на положения, закрепленные в части 6 статьи 15 Закона ТО № 137. Данная норма регламентирует, что семья, в составе которой имеется гражданин, страдающий соответствующим тяжелым хроническим заболеванием, при предоставлении ему жилья, в силу оснований, изложенных в подпункте 4 части 1 статьи 51 ЖК РФ, сохраняет право состоять на учете только в том случае, если у нее имеются иные основания для постановки на учет в качестве нуждающихся в жилых помещениях. Таким образом, можно констатировать, что правом на получение жилья, по смыслу норм Закона ТО № 137, обладает только установленная категория граждан, страдающая тяжелыми хроническими заболеваниями, и при предоставлении им жилья не учитыва-

ются обстоятельства касательно необходимости оказания постоянной посторонней помощи таким гражданам от членов их семьи (опекунов), проживающих вместе с ними.

В обозначенном постановлении Конституционного Суда РФ дается толкование нормам жилищного законодательства. Инвалиды, страдающие тяжелым хроническим заболеванием, при котором невозможно проживать в одном помещении, обладают внеочередным правом на предоставление им жилья на основании подпункта 3 части 2 статьи 57 ЖК РФ. В данном случае, если инвалид также признан недееспособным, вследствие чего он нуждается в постоянном постороннем уходе, и над ним установлена опека, то при выделении ему жилья данные обстоятельства должны также учитываться в обязательном порядке. Итоговый вывод Конституционного Суда РФ при толковании подпункта 3 части 2 статьи 57 ЖК РФ заключался в том, что при выделении жилья инвалиду, страдающему хроническим заболеванием и который нуждается в постоянном постороннем уходе в силу своего состояния здоровья, необходимо учитывать площадь, которая будет являться достаточной для оказания такому лицу необходимого ухода и должного содействия в удовлетворении его потребностей, когда требуется постоянное нахождение с ним в предоставляемом ему жилье опекуна или проживание с ним супруга или близкого родственника по смыслу семейного законодательства. В том случае, если предоставление жилья, соответствующего таким условиям, является невозможным, то реализация права на получения жилья во внеочередном порядке может осуществляться посредством предоставления жилья как самому гражданину-инвалиду, страдающему тяжелым хроническим заболеванием, так и принятому на учет, в качестве нуждающегося, опекуну — близкому родственнику по смыслу семейного законодательства и осуществляющему за подопечным постоянный уход. [5; 14]

Таким образом, действующая редакция части 6 статьи 15 Закона ТО № 137 изложена без учета недавних разъяснений Конституционного Суда РФ. Данная норма напротив в противовес разъяснениям суда исключает учет заслуживающих внимания обстоятельств, таких как недееспособность лиц, страдающих соответствующими хроническими заболеваниями, их нужду в оказании постоянного постороннего ухода, а также возможность учета необходимой дополнительной площади или предоставления отдельного жилья, находящегося поблизости, опеку-ну-члену семьи гражданина-инвалида, проживающего вместе с ним.

Для решения обозначенных несоответствий можно предложить исключить часть 6 статьи 15 Закона ТО № 137 и ввести отдельную статью со следующей концепцией:

– При предоставлении гражданину-инвалиду жилья по основаниям, установленным пунктом 4 статьи 51, пунктом 3 части 2 статьи 57 ЖК РФ и статьей 17 Закона 181-ФЗ, должны учитываться недееспособность гражданина-инвалида и его необходимость в постоянном уходе со стороны опекуна — близкого родственника, который проживает совместно с гражданином-инвалидом и был ранее поставлен на учет вместе с ним, в силу чего может быть выделена необходимая для постоянного ухода дополнительная площадь при предоставлении жилого помещения.

– При невозможности предоставить жилье с дополнительной необходимой для осуществления постоянной посторонней помощи за гражданином-инвалидом, то его опекуну — члену семьи, по смыслу семейного законодательства, который был ранее поставлен на учет в качестве нуждающегося в жилом помещении вместе с гражданином-инвалидом и постоянно с ним проживает, также может быть выделено отдельное жилое помещение, находящееся рядом с жилым помещением, выделенным недееспособному гражданину-инвалиду, нуждающемуся в постороннем и постоянном уходе (суммарная площадь помещений не должна превышать).

Дальнейшее обсуждение со стороны законодателя Тюменской области представленных предложений по устранению выявленных в настоящей статье коллизий, в особенности с учетом мнения и возможных предложений представителей общественной палаты Тюменской области и представителей Тюменской региональной организации ВОИ, может положительно повлиять на улучшение правового статуса инвалидов в сфере реализации их жилищных прав на территории Тюменской области, а также решить такую социальную проблему, как — переселение на значительное расстояние от членов семьи гражданина-инвалида, страдающего тяжелым хроническим заболеванием.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 г.: по сост. на 01.07.2020 г.// [Электронный ресурс] — доступ из справочно-правовой системы «Консультант плюс» (дата обращения: 13.05.2020).
2. Федеральный закон от 24.11.1995 N 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации»: по сост. на 08.12.2020// [Электронный ресурс] — доступ из справочно-правовой системы «Консультант плюс» (дата обращения: 13.05.2020).
3. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 N 188-ФЗ: по сост. на 30.04.2021// [Электронный ресурс] — доступ из справочно-правовой системы «Консультант плюс» (дата обращения: 13.05.2020).
4. Закон Тюменской области от 07.10.1999 N 137 (ред. от 30.11.2020) «О порядке учета граждан, нуждающихся в жилых помещениях, предоставляемых им по договорам социального найма, и предоставления жилых помещений в Тюменской области»: по сост. на 30.11.2020// [Электронный ресурс] — доступ из справочно-правовой системы «Консультант плюс» (дата обращения: 13.05.2020).
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 01.02.2021 N 3-П: «По делу о проверке конституционности пункта 3 части 2 статьи 57 Жилищного кодекса Российской Федерации и части третьей статьи 17 Федерального закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки Г.»// [Электронный ресурс] — доступ из справочно-правовой системы «Консультант плюс» (дата обращения: 13.05.2020).
6. Решение Верховного Суда РФ от 13.03.2014 N АКПИ13–1200: «О признании недействующим абзаца второго пункта 2 Правил предоставления льгот инвалидам и семьям, имеющим детей-инвалидов, по обеспечению их жилыми помещениями, оплате жилья и коммунальных услуг, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 27.07.1996 N 901 в части указания об установлении органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации уровня обеспеченности жильем на каждого члена семьи» [Электронный ресурс] — доступ из справочно-правовой системы «Консультант плюс» (дата обращения: 13.05.2020).
7. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2019) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 24.04.2019) [Электронный ресурс] — доступ из справочно-правовой системы «Консультант плюс» (дата обращения: 13.05.2020).
8. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2018) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 04.07.2018) [Электронный ресурс] — доступ из справочно-правовой системы «Консультант плюс» (дата обращения: 13.05.2020).
9. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2016) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 13.04.2016) // [Электронный ресурс] — доступ из справочно-правовой системы «Консультант плюс» (дата обращения: 13.05.2020).
10. Тюменский областной суд — Обобщение судебной практики 2016 года по спорам, в связи с предоставлением вне очереди жилого помещения по договору социального найма гражданам с тяжелыми формами хронических заболеваний, при которых совместное проживание в одной квартире невозможно// Тюменский областной суд — опубликовано 31.01.2018 12:53 (МСК), изменено 31.01.2018 12:55 (МСК) // [Электронный ресурс] — oblsud.tum.sudrf.ru. [сайт]. URL: http://oblsud.tum.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=3&did=6410.
11. Старостина П. В. Правовые коллизии и их последствия для бюджетной деятельности государства: на примере обеспечения жилищных прав инвалидов// П. В. Старостина — Вектор юридической науки — Вестник университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) № 7(59)/2019–2019 г.// [Электронный ресурс] — cyberleninka.ru [сайт]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-kollizii-i-ih-posledstviya-dlya-byudzhethnoy-deyatelnosti-gosudarstva-na-primere-obespecheniya-zhilischnyh-prav-invalidov>.
12. Бородина Е. А. Проблемы реализации и соблюдения прав инвалидов на жилье// Е. А. Бородина // Проблемы и перспективы современной науки материалы международной (заочной) научно-практической конференции., изд.: научно-издательский центр «мир науки», — 2019 г. // [Электронный ресурс] — elibrary.ru [сайт]. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37330584>.

13. Лукьянова М. Л. Противоречие правового регулирования обеспечения инвалидов жильем (на примере Владимирской области)// Отечественная юриспруденция Научный журнал на тему: Право,— 2017 г.// [Электронный ресурс] — cyberleninka.ru [сайт]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protivorechie-pravovogo-regulirovaniya-obespecheniya-invalidov-zhilem-na-primere-vladimirskoy-oblasti/viewer>.
14. КС разъяснил порядок обеспечения жильем недееспособных граждан// Адвокатская газета. Орган Федеральной палаты адвокатов// [Электронный ресурс] — www.advgazeta.ru [сайт]. — URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/ks-razyasnil-poryadok-obespecheniya-zhilem-nedeesposobnykh-grazhdan>.

Институт экстрадиции: проблемы правоприменения

Ибраев Ильяс Булатович, студент магистратуры

Научный руководитель: Шаяхметов Шакир Шамильевич, кандидат юридических наук, доцент
Академия правосудия при Верховном Суде Республики Казахстан (г. Нур-Султан, Казахстан)

В этом году исполняется 30 лет, как произошло разделение Союза Советских Социалистических Республик на независимые государства, и у каждой из самостоятельных стран возникли глобальные проблемы, как в социально-экономических сферах, так и сферах государственно-правового регулирования отношений внутри страны. В тот же период времени Республика Казахстан, также столкнулась с такими же проблемными вопросами. Вопросы борьбы в сфере организованной преступности, на протяжении тридцатилетнего периода не разрешаются в должной мере. Как в начале 1990 годов произошел резкий всплеск преступности, особенно это было связано с созданием устойчивых криминальных группировок с межрегиональными, транснациональными и международными связями, так эта мировая проблема остается и по сей день. Лица, входящие в состав преступных организаций и сообществ, оказывали влияние на все важные отрасли экономики, помимо этого проникали в финансовые и банковские структуры, создавали огромные теневые капиталы. Такие преступные сообщества внедрялись в государственные органы, тем самым лоббировали свои интересы в исполнительных и управленческих сферах, и этим обеспечивали принятие положительных для себя решений, принимали участие в создании конфликтов в политических и национальных интересах. Этот фактор повлиял на необходимость расширения международных связей в борьбе с международной организованной преступностью. В данный момент, в предупреждении, профилактике и борьбе с преступностью актуальный вопрос приобретает институт — экстрадиция (выдача преступников). Данный институт находится в международной сфере сотрудничества (как правило, основными документами взаимодействия между странами — являются международные договоры и международные конвенции), и также вытекает из национальных прав самих государств (закрепленных в законах внутри стран — Конституции, Уголовный Кодекс, Уголовно-Процессуальный Кодекс, и других нормативных правовых актах). Здесь же необходимо отметить, что в действующем законодательстве Казахстана, также как и в законодательстве стран СНГ, в самой Минской Конвенции, а также договорах заключенными Казахстаном с другими государствами и опре-

деляющих процедуру самой экстрадиции, нет самого определения понятия.

Необходимо отметить понятие «экстрадиция» (выдача преступников) — это основанная на договоре, взаимности, международной вежливости или национальном праве передача обвиняемого в совершении преступления либо осужденное за его совершение лица государством, на территории которого это лицо находится, другому государству в целях его уголовного преследования по законам запрашивающего выдачи государства или по нормам международного уголовного права либо для приведения в исполнение приговора, вынесенного судом запрашивающего государства [1]. В описанном понятии не указывается, что институт экстрадиции состоит лишь в требовании о выдаче, здесь отражены два признака: выдача для суда и выдача в целях исполнения вынесенного приговора.

Подытожив описанное следует отметить, что сущность самого понятия института «экстрадиции» выражается в следующем — подозреваемое лицо, совершившее уголовное правонарушение, по законам страны в котором совершило преступление, должно понести соответствующее наказание, либо в государстве, в котором было задержано, или в стране, пострадавшей в наибольшей степени от совершенного преступления. Необходимо заметить, что в Республике Казахстан такого специального закона нет, в отличие от других государств как США, Великобритания, Германия и другие, в законодательных актах Казахстана имеются только отдельные нормы, регулирующие данный вопрос. Наше государство поддерживает практику заключения международных двухсторонних договоров о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам основанным на Минской Конвенции. Правовыми основаниями экстрадиции являются многосторонние международные соглашения по борьбе с отдельными видами международных преступлений и преступлений международного характера (например, Конвенция о неприменении срока давности к военным преступникам и преступлениям против человечества, подписанного в 1968 году; Гагская конвенция по борьбе с незаконным захватом воздушных судов, заключенного в 1970 году; Конвенции ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ

от 1988 года и многие другие), региональные и двухсторонние соглашения о правовой помощи (например, Конвенция ЕС о взаимной правовой помощи по уголовным делам от 1959 года, Минская Конвенция, заключенная 1993 году, Кишиневская Конвенция, заключенная в 2003 году) [2]. В соответствии с действующим законодательством Республики Казахстан, а именно статьи 11 Конституции Республики Казахстан и части первой статьи 8 Уголовного Кодекса Республики Казахстан — граждане Республики Казахстан, совершившие преступление на территории другого государства, не подлежат выдаче этому государству. Гражданин Казахстана не может быть выдан другому государству, если иное не предусмотрено международными договорами [3, 4]. Здесь также необходимо отметить общее правило заключенное между государствами — страна, подтвердившее требование о выдаче уголовного преступника, извещается по каннам связи, чаще всего дипломатическим, от которого исходила инициатива, и затем определяют между собой место и время выдачи уголовного преступника. Помимо самого уголовного преступника, с ним передаются предметы и вещи, которые могли быть добыты преступным путем, и документы и предметы, которые могут явиться доказательствами по материалам досудебного расследования. Данный порядок признается принятым практически во всех заключенных между государствами правовых документах, касающихся вопросов экстрадиции. В настоящее время в современном государстве Республике Казахстан преобладает значимое место международных организаций, в основе своей деятельности, преобладающее значение которых является отслеживание, координация и борьба с транснациональной и международной преступностью. В этой связи 4 ноября 1992 года Республика Казахстан вошла в качестве еще одного участника международной организации — Интерпол. В тот же период Министерству Внутренних Дел Республики Казахстан дано поручение о создании Национального центрального бюро (НЦБ) международной организации уголовной полиции — Интерпола. Этот шаг представлял собой широкомасштабное взаимодействие и сотрудничество Казахстана с другими мировыми государствами, касательно сферы борьбы с международной преступностью и правовой помощи в части экстрадиции. Опять же повторяясь, в современном государстве Казахстан нет разработанного и принятого специального законопроекта по институту экстрадиции, на основе которого возможно было устранение спорных вопросов, как в теории, так и практике выдачи уголовных преступников. Но, наше государство идет по пути подписания международных двухсторонних и трехсторонних соглашений с иностранными государствами, о правовой помощи в сфере гражданских, семейных и уголовных дел, что и способствует регулированию вопросов экстрадиции. И в продолжении данной проблемы, стоит отметить, эффективным правовым рычагом, применяемым в практике Республики Казахстан и иностранных государств в вопросах уголовно-процессуального законодательства является институт экстрадиции. Посредством его применения и использования в международно-правовой сфере, обеспечивается один из основных принципов уголовного процесса — неотвратимость уголовной ответственности и уголовного наказания, в отно-

шении лиц, совершивших общественно-опасные деяния, предусмотренные уголовным законом различных государств.

В нынешнее время институт экстрадиции применяется в следующих видах: это выдача подозреваемого и выдача осужденного лица. Вопросы регулирующие выдачу подозреваемого лица, осуществляются в целях дальнейшего уголовного преследования, которое представляет собой вид процессуальной деятельности, осуществляемый стороной обвинения, в целях изобличения и привлечения лица совершившего преступление к предусмотренной законом ответственности. Выдача же осужденного лица, предполагает собой исполнение назначенного судом наказания, представляющее собой определенный нормами уголовно-процессуального права порядок применения мер государственного принуждения, выражающееся в комплексе применения ограничений прав и свобод осужденного лица. При этом инициативой о выдаче подозреваемого используется любой страной, законно и правомерно настаивающее на осуждении и наказании, а касательно вопросов выдачи осужденного, здесь правомерно ставить вопрос только той страной, которая применила в отношении конкретного лица государственное принуждение — в виде вынесения приговора подтверждающее его виновность. В первом виде экстрадиции, ставится задача осуждения и наказания преступника, что в условиях правовых основ юрисдикции могут претендовать одновременно несколько государств, что же касается второго варианта — здесь используется принцип исполнение назначенного наказания, и правом пользуется то государство, которое уже вынесло приговор о виновности.

Исходя из видов экстрадиции при решении вопроса о направлении запроса о выдаче уголовных преступников, целесообразно соблюдать отдельные требования и основания. В части касающихся оснований для направления требования о выдаче подозреваемого — необходимо подтверждение регистрации материалов досудебного расследования или стадия возбуждения уголовного дела касательно определенного лица или факта, либо вступление в законную силу приговора суда в отношении конкретного лица, но здесь же важно заметить, что данные обстоятельства подлежат удовлетворению на определенных требованиях, в случае отсутствия которых любым государством правомерно иметь место отказ в выдаче подозреваемого или осужденного.

К проблемам, в ходе осуществления экстрадиции, возможно отнести следующее коллизии возникающие в практической деятельности, при наличии которых возможны отказы в выдаче:

1. Инкриминируемое деяние должно считаться преступным в соответствии с законодательством той страны, где скрывается уголовный преступник, так и того государства, которое является инициатором требования о его выдаче (в теории так называемое — правило двойной преступности);

2. Выдача уголовного преступника должна основываться на принципе «минимального срока наказания», что подразумевает собой обязанность выдавать преступников за те общественно-опасные деяния, где предусмотрено наказание в виде — лишения свободы, не ниже определенного срока (для Республики Казахстан в соответствии со статьей 579 ч. 1 УПК РК — не менее одного года лишения свободы или не менее шести месяцев неотбытый срок) [5];

3. Подозреваемое или осужденное лицо, выданное другому государству должно быть привлечено к ответственности только за те общественно-опасные деяния, которые были оговорены в требовании о выдаче (правило специализации);

4. Возникновение коллизий в вопросах требований о выдаче преступников — принцип не выдачи собственных граждан; принцип невыдачи лиц, преследуемых по дискриминационным признакам; недопустимость выдачи во исполнение принципа — двойного привлечения к уголовной ответственности за одно и тоже общественно-опасное деяние; отказ в выдаче, в связи с амнистией; отказ в выдаче, в связи с истечением сроков давности; отказ в выдаче лиц, обладающих дипломатическим иммунитетом; отказ в выдаче по вопросам негуманности наказания; отказ в выдаче, в связи с возрастом или состоянием здоровья.

Также одной из проблем настоящего времени, с которым столкнулось мировое сообщество, а также Республика Казах-

стан в вопросах экстрадиции уголовных преступников, в целях обеспечения неотвратимости уголовной ответственности и наказания, в борьбе с международной преступностью — это пандемия «Covid-19». В связи с молниеносной распространяемостью по всему миру, в настоящее время на земном шаре нет ни одного материка, который не был подвержен и заражен данным заболеванием. В целях безопасности своих граждан, из-за временного прекращения транспортного сообщения между странами, иностранные граждане, совершившие преступления оказались в ситуации «бессрочного лишения свободы». В этой связи, для разрешения данных вопросов предлагается законодательно закрепить в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Казахстан положение, по которому выдача уголовных преступников иностранным государствам должна быть запрещена или отсрочена, и определить их правовое положение.

Литература:

1. Бриллиантов А. В. Международное уголовное право, учебник для вузов. Москва: Юрайт, 2020—327 с.
2. Минская Конвенция «О правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам», 1993 года, ратифицирована постановлением Верховного Суда Республики Казахстан от 31 марта 1993 года № 2055-ХІІ, вступила в силу 19 мая 1994 года — http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5942/// 05.05.2021 г.; Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Кишинев, 7 октября 2002 года), ратифицирована Законом Республики Казахстан от 10 марта 2004 года № 531-ІІ Между государствами-участниками Кишиневской Конвенции — <https://docs.cntd.ru/document/901898597> // 05.05.2021 г.
3. Уголовный кодекс Республики Казахстан, 2014. <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226//> 05.05.2021 г.
4. Конституция Республики Казахстан, 1995. http://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_ — 05.05.2021 г.
5. Уголовно-Процессуальный кодекс, 2014. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231//> 05.05.2021 г.

Правонарушения, предусмотренные статьей 18.1 КоАП РФ. Проблемы квалификации

Камашова Виктория Евгеньевна, студент магистратуры;

Дудкин Данил Анатольевич, студент

Калининградский филиал Московского финансово-юридического университета МФЮА

Режим государственной границы РФ создан для охраны государственной границы и служит одним из способов обеспечения национальной безопасности РФ. Нарушение данного режима в рамках административного законодательства предусмотрено статьей 18.1 КоАП РФ. Сам режим Государственной Границы закреплен в разделе 3 Закона РФ от 01.04.1993 г. № 4730-1 «О государственной границе Российской Федерации» [1].

Статья 7 данного закона закрепляет правила, которые включены в режим государственной границы, а именно правила: содержания государственной границы; пересечения Государственной границы лицами и транспортными средствами; перемещения через государственную границу грузов, товаров и животных; пропуска через государственную границу лиц, транспортных средств, грузов, товаров и животных; ведения на государственной границе либо вблизи нее на территории Российской Федерации хозяйственной, промысловой и иной дея-

тельности; разрешения с иностранными государствами инцидентов, связанных с нарушением указанных правил.

При анализе ст. 18.1 КоАП РФ можно сделать вывод, что часть 1, предусматривает административную ответственность лишь за нарушения правил пересечения государственной границы РФ либо же нарушение порядка следования от государственной границы РФ до пунктов пропуска через государственную границу РФ; часть 2 определяет специальный субъект этого правонарушения — иностранный гражданин или лицо без гражданства; а ч. 3 запрещает ведение на государственной границе РФ либо вблизи нее хозяйственной, промысловой или иной деятельности без уведомления пограничных органов либо с уведомлением, но с нарушением установленного порядка.

То есть ч. 1 и ч. 2 ст. 18.1 КоАП РФ «Нарушение режима Государственной границы РФ», предполагают привлечение к ответственности не за нарушение любых правил режима государственной границы, а только за нарушение правил пересечения

государственной границы РФ. Такая формулировка порождает вопросы при квалификации: Какую статью вменить за нарушение режима государственной границы РФ, в том случае если нарушение не связано с пересечением государственной границы РФ?

В судебной практике дел, в которых объективной стороной состава административного правонарушения, предусмотренного частью 1 статьи 18.1 КоАП РФ, выступает нарушение содержания государственной границы РФ нет. Однако во всех остальных делах данной категории суд, находивший объективную сторону в нарушении пересечения государственной границы или же в нарушении порядка следования от государственной границы Российской Федерации до пунктов пропуска через границу и в обратном направлении. Такое положение ст. 18.1 КоАП РФ порождает коллизию в случае нарушения именно содержания Государственной границы. В данном случае правонарушителя нельзя будет привлечь к ответственности именно по ст. 18.1 КоАП РФ, т. к. запрет на его деяние не прописан в КоАП РФ, а лишь упомянут в законе.

Также в правоприменительной практике данной статьи вопросы могут возникнуть при разграничении ч. 3 ст. 18.1 КоАП РФ и ч. 2 ст. 18.2 КоАП РФ. Данные сложности могут возникнуть из-за схожих признаков, а именно:

- у данных статей общий родовый объект (общественные отношения, в области защиты государственной границы РФ)
- схожая объективная сторона (ведение хозяйственной, промысловой и иной деятельности)
- идентичный способ совершения правонарушения («ведение деятельности с нарушением установленного порядка» [2, с. 3].

Для того чтобы правильно разграничить данные статьи необходимо различать понятие «на государственной границе РФ либо вблизи нее» и «в пограничной зоне».

Говоря о понятии государственной границы, следует обратиться к ст. 1 Закона РФ от 01 апреля 1993 г. № 4730-1 «О государственной границе Российской Федерации», согласно которому государственная граница РФ — линия и проходящая по этой линии вертикальная поверхность, определяющие пределы государственной территории РФ. Из данного определения на практике возникает вопрос: «Какова ширина этой линии государственной границы?». На данный момент конкретная ширина Государственной границы РФ не установлена.

Исходя приложения к Приказу ФСБ от 7 августа 2017 г. N 454, пограничная зона — территория, устанавливаемая на путях сообщения и обозначаемая предупреждающими знаками согласно образцу (приложение N 1 к Правилам пограничного режима) [3].

Однако, несмотря на данное четкое различие между этими статьями, можно усмотреть еще одну коллизию, связанную с формулировкой «на государственной границе либо вблизи нее».

Вышеназванный закон РФ от 01 апреля 1993 г. № 4730-1 «О государственной границе Российской Федерации» закреп-

ляет положения о том, что режим государственной границы РФ включает правила ведения на государственной границе либо вблизи нее на территории Российской Федерации хозяйственной, промысловой и иной деятельности. А в ч. 3 ст. 18.1 КоАП РФ ответственность предусмотрена за «ведение хозяйственной, промысловой и иной деятельности на Государственной границе либо вблизи нее». Такую формулировку статьи в правоприменительной практике можно трактовать по-разному, т. к. не определено «вблизи нее» это только на территории РФ или же прилегающая территория (акватория) тоже может быть сюда отнесена.

В связи с вышеизложенным, считаю:

1. Необходимо расширить ч. 1 ст. 18.1 КоАП РФ и закрепить в ней ответственность за все деяния, предусмотренные режимом государственной границы. А именно за нарушение правил:

- содержания государственной границы;
- пересечения государственной границы лицами и транспортными средствами; перемещения через государственную границу грузов, товаров и животных; пропуска через государственную границу лиц, транспортных средств, грузов, товаров и животных;
- ведения на государственной границе либо вблизи нее на территории Российской Федерации хозяйственной, промысловой и иной деятельности;
- разрешения с иностранными государствами инцидентов, связанных с нарушением указанных правил.

2. Определить точную ширину линии государственной границы РФ. (Примечание: за основу, можно взять Постановление Правительства Российской Федерации от 6 марта 1998 г. № 289 «Об утверждении норм отвода органам и войскам Федеральной пограничной службы Российской Федерации в бессрочное (постоянное) пользование земельной полосы, проходящей непосредственно вдоль государственной границы Российской Федерации на суше, а при необходимости — по берегу российской части вод пограничных рек, озер или иных водоемов», которое не было опубликовано [4]. В соответствии с приложением к данному постановлению, установлена норма отведения пограничным органам земельной полосы, проходящей непосредственно вдоль государственной границы РФ на суше для её обозначения — от 5 до 10 метров.

3. Кроме того, необходимо внести изменения в ст. 7 Закона РФ «О государственной границе РФ», чтобы избежать возможности двоякого толкования и определить, что режим государственной границы включает правила «ведение на Государственной Границе РФ либо вблизи хозяйственной, промысловой и иной деятельности». Данная формулировка будет соответствовать той, что закреплена в КоАП РФ и соответственно на практике, правонарушителю нельзя будет уйти от ответственности, даже при ведении деятельности вблизи государственной границы РФ.

Литература:

1. О государственной границе Российской Федерации: закон РФ от 01.04.1993 N 4730-1 (в ред. От 08.12.2020) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

2. Симаков, А. А. Проблемы квалификации административных правонарушений, предусмотренных ст. 18.1 и ст. 18.2 КоАП РФ / А. А. Симаков. — Текст: непосредственный // Национальная безопасность.. — 2017. — № 2. — С. 58–65.
3. Об утверждении Правил пограничного режима: приказ ФСБ России от 07.08.2017 N 454 (ред. от 19.06.2018) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
4. Постановление Правительства Российской Федерации от 6 марта 1998 г. № 289 «Об утверждении норм отвода органам и войскам Федеральной пограничной службы Российской Федерации в бессрочное (постоянное) пользование земельной полосы, проходящей непосредственно вдоль государственной границы Российской Федерации на суше, а при необходимости — по берегу российской части вод пограничных рек, озер или иных водоемов» (документ опубликован не был).

Особенности производства эксгумации в уголовном процессе

Кандакова Юлия Александровна, студент

Научный руководитель: Блинова Ольга Геннадьевна, старший преподаватель

Саратовская государственная юридическая академия

В статье проанализирована процедура производства эксгумации в уголовном процессе. Рассмотрены различные точки зрения ученых на данное следственное действие. Выявлены проблемы, возникающие в процессе производства эксгумации. На примере следственной практики отмечено значение производства эксгумации при расследовании уголовных дел.

Ключевые слова: эксгумация, следственные действия, уголовный процесс, следователь.

В переводе с латинского языка «эксгумация» означает извлечение трупа из места его захоронения. [1, с. 60].

Несмотря на то, что УПК РФ эксгумацию относит к следственным действиям, проводимым следователем в процессе рассмотрения уголовного дела, некоторые ученые не поддерживают позицию законодателя. На сегодняшний день у процессуалистов сложилось неоднозначное отношение к данному действию. Существует две группы мнений. Одни ученые выделяют эксгумацию как самостоятельное следственное действие в силу ее познавательного характера [2, с.147]. Другие же авторы не относят ее к таковым, а рассматривают ее как подготовку для производства иных следственных действий таких как осмотр, экспертиза, предъявление для опознания. [2, с.147].

На наш взгляд, данную процедуру следует рассматривать все-таки как самостоятельное следственное действие по следующим основаниям. Сам законодатель идет по пути отнесения производства эксгумации как отдельного следственного действия, так как производство эксгумации и осмотра трупа содержится наряду с иными следственными действиями в отдельной главе, а также в ч. 1 ст. 164 указывается ряд статей, в том числе ч. 3 ст. 178, в которых перечисленные следственные действия производятся на основании постановления следователя. Не стоит забывать и о том, что производство эксгумации является очень сложной процедурой и включает в себя иные определенные действия (осмотр места захоронения, гроба, опознанием самого трупа, если это возможно, получение образцов для сравнительного исследования). Наиболее полно данную точку зрения отразил в своем определении Е. Криигер, который под эксгумацией понимает «самостоятельное следственное действие, направленное на извлечение погребенного трупа из места официального захоронения, производимое в рамках уголовного судопроизводства по постановлению следователя (определению суда) для осмотра (в т. ч. повторного), опознания

или экспертного отождествления захороненного трупа, получения образцов для сравнительного исследования, экспертного исследования (первичного, дополнительного, повторного) с целью выяснения обстоятельств по делу, а также для патологоанатомического исследования, направленного на обнаружение и изъятие вещественных доказательств с последующим захоронением трупа» [2, с.147].

Какой же нормативно-правовой базой регламентируется вопрос эксгумации?

В первую очередь, мы относим к источникам Уголовно — процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — УПК РФ), затем Федеральный закон от 12.01.1996 № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле», а также приказ Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 12 мая 2010 г. № 346н «Об утверждении порядка организации и производства судебно-медицинских экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Российской Федерации».

Для начала обратимся к УПК РФ. Ст. 178 УПК РФ говорит не только о производстве эксгумации, но и об осмотре трупа, эксгумации касается только ч. 3–5 ст. 178.

При вынесении вопроса о проведении эксгумации следователю следует очень ответственно подходить к вопросу о действительной ее необходимости. Для этого следует выделить основные поводы для проведения эксгумации:

- необходимость получения ответов на поставленные следователем вопросы по новым обстоятельствам уголовного дела;
- непроведение осмотра трупа или ненадлежащее его проведение;
- отсутствие первичного судебно-медицинского исследования (захоронение трупа без патологоанатомического вскрытия, тайное погребение трупа);
- возможность наличия ошибок или упущений при проведении первичного судебно-медицинского исследования трупа;

— необходимость предъявления эксгумированного трупа (его останков) для опознания [3, с. 88].

В. П. Божьев в качестве целей эксгумации называет предъявление для опознания; осмотр (первичный, повторный); производство экспертизы (первичной, повторной, дополнительной) [3, с. 88]. А. Р. Сысенко выделяет такие цели эксгумации, как получение новых доказательств; проверка и уточнение уже имеющихся; обеспечение познания иных обстоятельств дела другими средствами и примерами в ходе последующего предъявления трупа для опознания и его экспертного исследования [4, с. 15].

Если следователем будет установлен один из представленных ранее поводов, то у него появляется основание для извлечения трупа из места захоронения и вынесения соответствующего постановления. Обязательным условием является уведомление близких родственников или родственников покойного. Данное постановление необходимо предъявить в администрацию соответствующего места захоронения (в нем указывается, чей труп подлежит извлечению, место захоронения трупа, цели и мотивы эксгумации). В случае возражения близких родственников или родственников на производство эксгумации, следователю необходимо получить разрешение на ее производство через суд.

Одна из проблем данного следственного действия является получение согласия близких родственников или родственников покойного. Да, законом предусмотрено, что при отсутствии такого согласия, следователю следует обратиться в суд за получением разрешения на проведение следственного действия. В данном случае следователь должен учитывать, что данное следственное действие затрагивает чувства родственников покойного, причиняет им моральные страдания. В некоторых мировых религиях существуют специальные дни, в которые не следует посещать могилы близких. Также следует по возможности не проводить эксгумацию в дни, которые предполагают большое количество людей на территории кладбища. К таким дням как пример можно отнести «родительский день». В данном случае перед следователем стоит проблема не только процессуального, но и нравственного характера производства эксгумации, оказывающей сильное психологическое воздействие на родственников и близких покойного.

В данной ситуации сам следователь должен быть заинтересован в получении такого согласия для более быстрого проведения эксгумации. Не нужно будет в таком случае тратить время на обращение в суд и получение от них разрешения. Тем более на практике зачастую в случае отсутствия согласия родственники обращаются в суд для признания действий следователя по производству эксгумации бесосновательными.

Второй проблемный аспект производства эксгумации связан с вопросом времени проведения эксгумации: до либо после возбуждения уголовного дела. Как отмечают А. Н. Ильяшенко и Д. Н. Лозовский, отсутствие возможности у следователя провести эксгумацию до возбуждения уголовного дела лишает его возможности вынести обоснованное решение о его возбуждении либо об отказе в его возбуждении [2, с. 148]. Мы не можем согласиться с данным мнением, так как в случае допущения такой возможности у следователя или иных участников

уголовного производства возможно развитие злоупотребления данным следственным действием. К тому же, при постановке вопроса о производстве эксгумации следователю необходимо довольно подробно изучить имеющиеся материалы уголовного дела, чтобы выявить основания для её производства.

Как еще один аргумент в поддержку данной позиции можно привести тот факт, что все — таки производство эксгумации является довольно затратным в финансовом плане следственным действием, что накладывает дополнительные организационные обязанности на следователя. УПК РФ в ст. 178 устанавливает, что расходы, связанные с эксгумацией и последующим захоронением трупа, возмещаются родственникам покойного в порядке, установленном ст. 131 УПК РФ. К таким расходам можно отнести, например, дезинфекцию могилы после извлечения трупа, транспортные услуги по перевозке трупа или гроба, а также последующая обработка такого транспортного средства, специальные костюмы и инструменты для рабочих, а также все затраты по повторному захоронению [5, 22].

Еще одним проблемным вопросом является вопрос об определении места захоронения.

В ст. 178 УПК РФ определено, что эксгумация проводится из мест захоронений, но что понимать под местами захоронения законодатель не пояснил. Согласно ст. 4 Федерального закона от 12 января 1996 г. № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле» под местами погребения понимаются «отведенные в соответствии с этическими, санитарными и экологическими требованиями участки земли с сооружаемыми на них кладбищами для захоронения тел (останков) умерших, стенами скорби для захоронения урн с прахом умерших (пеплом после сожжения тел (останков) умерших, далее — прах), крематориями для предания тел (останков) умерших огню, а также иными зданиями и сооружениями, предназначенными для осуществления погребения умерших. Места погребения могут относиться к объектам, имеющим культурно-историческое значение» [6].

Некоторые авторы утверждают, что эксгумация может проводиться не только на территории официальных мест захоронений, но и на других участках местности. Под такими другими участками понимаются «криминальные могилы», когда, например, трупы закапывают в пустынных и глухих местах. [7, с. 17–18]. В данном вопросе следует согласиться с мнением А. А. Койсина, который считает, что «извлечение трупа возможно из места захоронения, вне зависимости от того, произведено ли захоронение трупа в соответствии с официально установленными правилами или без соблюдения этих правил, в том числе и с целью сокрытия следов преступления» [8, с. 65].

Теперь необходимо обратиться к практике производства эксгумации при расследовании уголовного дела.

Из последних новостей известно, что Арам Мачкалян добился наказания для врачей, которые скрыли настоящую причину смерти его жены Елены Мачкалян. Шел он к этому в течение четырех лет. Привлечь данных лиц к ответственности удалось благодаря назначению повторной экспертизы, проведение которой было бы возможно только после проведения эксгумации тела погибшей. Согласно первоначальному заключению Елена Мачкаляна скончалась от аутоиммунного гепатита. Именно повторная экспертиза, которая была проведена в

мае 2018 года, установила, что образцы печени, приложенные к предыдущему исследованию, не принадлежат Елене. Они взяты у неизвестного мужчины, больного гепатитом. Настоящей причиной смерти Елены стала пневмония и бактериальная инфекция. В апреле этого года приговором Дзержинского районного суда Волгограда Вадим Колченко был признан виновным в получении взятки, мошенничестве, а также в служебном подлоге. По решению суда ему назначено наказание в виде лишения свободы сроком на 9 лет с отбыванием в исправительной колонии строгого режима. Он обязан выплатить штраф в размере 2 500 000 рублей, а также на ближайшие 7 лет он лишён права занимать должности на государственной службе и в органах местного самоуправления.

Наталья Герасименко и Екатерина Черкасова по решению суда тоже признаны виновными в служебном подлоге. Их осудили условно: Герасименко на 2 года, Черкасову на 1 год 6 месяцев. Кроме того, они теперь не имеют права занимать должности на государственной службе и в органах местного самоуправления в течение двух лет [9].

В качестве второго примера приведем следующий случай из практики следственных органов по Ленинградской области.

В ноябре 2020 года стало известно, что в результате проделанной работы аналитической группы, которая занимается расследованием преступлений, совершенных за прошлые годы, удалось раскрыть уголовное дело, возбужденное в апреле

2010 года по ч. 1 ст. 105 УК РФ по факту обнаружения 21 апреля 2010 тела 20-летней девушки с признаками насильственной смерти.

В процессе рассмотрения следователями было установлено, что первоначальная экспертиза была недопустима. По её результатам все повреждения были нанесены потерпевшей прижизненно, а причиной смерти является утопление в воде. В связи с этим была назначено проведение эксгумации и повторной экспертизы, которая в итоге показала, что настоящей причиной смерти потерпевшей являлось удушение.

Благодаря новым полученным данным, а также грамотно спланированным и профессионально организованным действиям следователей и криминалистов в качестве подозреваемого был задержан ранее судимый 40 — летний мужчина, который частично признал свою вину. На сегодняшний момент уголовное дело со всеми собранными доказательствами направлено в суд для рассмотрения по существу [10].

Таким образом, нам представляется, что вопрос производства эксгумации законодателем урегулирован не до конца, что подтверждается наличием проблем, о которых говорилось в статье. Но как показывает практика, в определенных случаях её производство является необходимой мерой, которая в итоге может серьезно повлиять на исход уголовного дела даже спустя много лет после смерти потерпевшего. Поэтому данный вопрос требует более детальной законодательной регламентации.

Литература:

1. Ахмадеева О. В. Эксгумация: история развития, проведение и особенности // Юридические науки. 2018. № 26 (38). С. 60–62.
2. Гамидов А. М., Султанрахмедов А. Т. Проблема эксгумации как особого следственного действия // Государственная служба и кадры. 2019. № 1. С. 147–148.
3. Ильяшенко А. Н., Лозовский Д. Н. Актуальные вопросы производства эксгумации в уголовном судопроизводстве // Общество и право. 2017. № 1 (59). С. 87–91.
4. Сысенко А. Р. Особенности проведения эксгумации при расследовании преступлений // Законодательство и практика. 2015. № 1. С. 14–16.
5. Еремеев С. Г. Эксгумация: междисциплинарный подход // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2018. Том 3 (5). С. 20–24.
6. О погребении и похоронном деле: федер. закон от 12 янв. 1996 г. № 8-ФЗ (в ред. от 3 июля 2016 г.) // Собр. законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 146.
7. Натура Д. А. Эксгумация на предварительном следствии и особенности тактики следственных действий, связанных с эксгумированным трупом: дис. канд. юрид. наук. Краснодар, 2002.
8. Койсин А. А. Эксгумация трупа — осмотр или выемка? // Сибир. юрид. вестн. 2010. № 1. С. 64–66.
9. Аргументы и факты: «9 лет за подмену органов. В Волгограде осудили патологоанатомов» [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://sledcom.ru/press/smi/item/1553788>
10. В Ленинградской области перед судом предстанет мужчина, обвиняемый в убийстве, совершенном в 2010 году [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://sledcom.ru/news/item/1515888>

Роль президента, правительства, ФАС России и иных органов в антимонопольном регулировании ВЭД

Канзычакова Анастасия Руслановна, студент магистратуры
Хакасский государственный университет имени Н. Ф. Катанова (г. Абакан)

В сфере регулирования внешнеторговой деятельности реализуется свои полномочия группа органов исполнительной власти, в компетенцию которых входит регулирование и контроль отдельных вопросов конкуренции. Политика обеспечения конкуренции, правовое регулирование конкуренции и монополии, осуществляемые в рамках и посредством регулирования внешнеторговой деятельности, связаны с проведением таможенно-тарифной политики, введением мер, направленных на защиту от негативного воздействия иностранной конкуренции в отношении отечественных производителей, отечественной экономики, экономических интересов Российской Федерации, в том числе ее экономической безопасности. Среди указанных органов, осуществляющих регулирование и контроль в сфере внешнеэкономических отношений, которые являются также частью конкурентного регулирования, следует назвать прежде всего Президента России, Правительство России, Министерство экономического развития России, ФАС России.

Правительство Российской Федерации осуществляет нормативно-правовое регулирование конкуренции и монополии в пределах своих полномочий, на основе, в соответствии и во исполнение федерального законодательства, соответствующих указов президента России. В ведение Правительства России входит целый ряд федеральных органов исполнительной власти, ответственных за различные направления реализации конкурентной политики, в том числе Минэкономразвития России, ФАС России, Роспатент. При этом в отношении ФАС России Правительство РФ осуществляет непосредственное руководство и контроль.

В целом Правительство России как высший орган исполнительной власти несет ответственность за осуществление руководства деятельностью органов исполнительной власти в целях реализации государственной политики страны в различных сферах своей компетенции, в том числе в сфере экономики, торговли, промышленности, хозяйственной деятельности, включая конкурентные аспекты такой деятельности, является ответственным руководящим органом исполнительной власти по вопросам конкурентной политики России.

Для этих целей Правительство России не только принимает нормативные правовые акты в области конкурентного регулирования и непосредственно руководит подчиненными ему федеральными органами исполнительной власти, в частности ФАС России, но и осуществляет координацию деятельности всех подведомственных ему органов исполнительной власти по вопросам конкурентной политики, заключает от имени России международные межправительственные торговые и иные экономические соглашения, которые могут быть посвящены целиком или в части вопросам международно-правового регулирования конкуренции и монополии.

В целях координации государственной политики между органами исполнительной власти, осуществления межведомственного взаимодействия по различным вопросам государственной политики, входящим в компетенцию Правительства России, Правительством созданы и при Правительстве же действуют различные межведомственные координационные и совещательные органы, в том числе комиссии, комитеты, консультативные советы.

В рамках целого ряда соответствующих координационных и совещательных органов, созданных Правительством России, осуществляется, в частности, координация межведомственного взаимодействия, разработка и реализация согласованной государственной политики по различным направлениям конкурентного направления. К таким координационным и совещательным органам Правительства России относятся:

- Совет по конкурентоспособности и предпринимательству при Правительстве Российской Федерации;
- Правительственная комиссия по противодействию нарушениям в сфере интеллектуальной собственности, ее правовой охране и использованию;
- Комиссия Правительства Российской Федерации по законопроектной деятельности;
- Комиссия Правительства Российской Федерации по вопросам Всемирной торговой организации и взаимодействия Российской Федерации с Организацией экономического сотрудничества и развития;
- Комиссия Правительства Российской Федерации по защитным мерам во внешней торговле и таможенно-тарифной политике;
- Правительственная комиссия по развитию малого и среднего предпринимательства и др.

В соответствии с Конституцией Российской Федерации и федеральными законами Президент Российской Федерации определяет основные направления внутренней и внешней политики государства, поэтому важное значение в развитии правового регулирования государственного антимонопольного контроля играют послания Президента Федеральному Собранию Российской Федерации, в которых регулярно поднимаются как вопросы совершенствования контроль-надзорной системы, так и вопросы конкурентоспособности российской экономики, предприятий, товаров, работ и услуг.

Также Президент России согласно ст. 13 Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» в соответствии с Конституцией РФ и федеральными законами уполномочен определять основные направления торговой политики Российской Федерации, порядок ввоза в Российскую Федерацию и вывоза из Российской Федерации драгоценных металлов и драгоценных камней, устанавливать запреты и

ограничения внешней торговли товарами, услугами и интеллектуальной собственностью в целях участия Российской Федерации в международных санкциях, осуществлять иные полномочия.

Важнейшая роль в регулировании внешнеэкономической деятельности нашей страны отводится **Федеральной антимонопольной службе** (ФАС России), которая как федеральный контрольно-надзорный орган исполнительной власти соединяет в себе все направления реализации конкурентной политики в пределах предоставленных полномочий, непосредственно осуществляя конкурентное регулирование и контроль как внутри страны, так и за ее пределами, а также в целях реализации пункта 5.10 Положения о Федеральной антимонопольной службе взаимодействует с органами государственной власти иностранных государств и международными организациями [1].

К целям международной деятельности ФАС России относятся:

- создание равных условий доступа российских компаний на внешние рынки путем совершенствования антимонопольного законодательства РФ, заимствования в международной практике современных форм и методов регулирования, выработки путей взаимодействия в антиконкурентными ведомствами других стран при совместном рассмотрении случаев нарушения антимонопольного законодательства;

- реализация международных обязательств Российской Федерации по вопросам, относящимся к компетенции ведомства;

- представление нашей страны по вопросам конкурентной политики в международных организациях и интеграционных группировках (ЕС, АТЭС, ЮНКТАД, МКС, ВТО);

- содействие формированию единых условий конкуренции в государствах-участниках СНГ в целом, а также в рамках ЕАЭС с целью создания общего экономического пространства на территории государств, входящих в данные интеграционные группировки;

- создание условий для расследования случаев недобросовестной деловой практики, имеющих транснациональный характер;

- изучение и внедрение в российскую практику передового зарубежного опыта в области развития конкурентной среды на товарных и финансовых рынках, борьбы с недобросовестной конкуренцией, контроля за рекламной деятельностью и государственными закупками;

- адвокати́рование конкуренции на международном уровне [2].

ФАС России является активным участником Международной конкурентной сети (МКС) — единственного международного органа, объединяющего государственные ведомства различных стран, и занимающегося исключительно вопросами антимонопольной политики и применения конкурентного права, развития эффективного международного сотрудничества в этой области [3].

Активная деятельность ФАС России по реализации полномочий также прослеживается в многочисленных подписанных

и реализованных службой двусторонних соглашениях о сотрудничестве в области конкурентной политики (Китай, Болгария, Польша, Словакия, Корея, Италия, страны СНГ, страны БРИКС и др.).

ФАС России активно сотрудничает с международными организациями и зарубежными ведомствами в области антимонопольной политики, борьбы с недобросовестной конкуренцией и государственного регулирования естественных монополий, в частности, в последнее время:

- ведомством предложена инициатива о создании на площадке ЮНКТАД рабочей группы по борьбе с трансграничными картелями, которая была поддержана многими странами-членами ЮНКТАД [4];

- Антимонопольная служба России на протяжении последних пяти лет активно рассматривает дела о злоупотреблении доминирующим положением на цифровых рынках в отношении крупнейших российских и иностранных компаний (Google, Apple, Microsoft Corporation, Booking, Gett Taxi), обеспечивая условия для конкуренции как на отечественном, так и глобальном IT-рынках [5];

- при активном участии ФАС России ведутся исследования по глобальным продовольственным цепочкам с фокусом на олигополию глобальных зерновых трейдеров, по вопросам конкуренции на цифровых рынках в контексте новых вызовов, которые принесла пандемия, а также продолжается изучение международных фармацевтических рынков: недружественные сделки слияния и поглощения; возможности снижения барьеров входа на рынок для дженериковых препаратов и в целом проблемы повышения доступности лекарств антимонопольными средствами [6].

Министерство экономического развития России как орган, ответственный за регулирование внешнеторговой деятельности, реализует полномочия, связанные с проведением предварительной, подготовительной работы в области международно-правового регулирования экономических отношений с участием России, прямо или косвенно касающихся вопросов международной конкуренции, международно-правового регулирования конкуренции и монополии, в том числе связанной с заключением международных дву- и многосторонних экономических, торговых договоров, с вступлением и участием России в международных организациях, в рамках которых осуществляется международное конкурентное регулирование, в частности в рамках ВТО, СНГ, АТЭС и др.

Также Министерство осуществляет непосредственную подготовку и разработку таможенно-тарифных мер, введение которых в том числе связано с реализацией конкурентной политики России. Разработка указанных таможенно-тарифных мер осуществляется во взаимодействии с ФАС России и иными заинтересованными федеральными органами исполнительной власти России.

Таким образом, государственная политика в области антимонопольного регулирования ВЭД направлена на реализацию по обеспечению экономической безопасности страны, политических и экономических интересов и выполнение нашей страной взятых на себя международных обязательств в этой сфере.

Литература:

1. Об утверждении Положения о Федеральной антимонопольной службе: Постановление Правительства РФ от 30 июня 2004 г. № 331, в ред. постановления Правительства РФ от 15 мая 2020 г. № 691 [Электронный ресурс] // <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 19.02.2021).
2. Международное сотрудничество // Официальный сайт ФАС России [Электронный ресурс] URL: <https://fas.gov.ru/tags/121> (дата обращения 19.02.2021).
3. Международное сотрудничество // Официальный сайт ФАС России [Электронный ресурс] URL: <https://fas.gov.ru/tags/121> (дата обращения 19.02.2021).
4. Деятельность ФАС России в рамках ЮНКТАД получила высокую оценку со стороны международной конкурентной сети // Официальный сайт ФАС России [Электронный ресурс] URL: <https://fas.gov.ru/news/30753> (дата обращения 17.02.2021).
5. Представители ФАС России приняли участие в сессии Глобального форума по конкуренции ОЭСР // Официальный сайт ФАС России [Электронный ресурс] URL: <https://fas.gov.ru/news/30963> (дата обращения 17.02.2021).
6. Работа Международного центра конкурентного права и политики БРИКС выстраивается по запросам антимонопольных ведомств // Официальный сайт ФАС России [Электронный ресурс] URL: <https://fas.gov.ru/news/30810> (дата обращения 17.02.2021).
7. Деятельность ФАС России в области международного сотрудничества и антимонопольного контроля при осуществлении государственного регулирования внешнеэкономической деятельности // Официальный сайт ФАС России [Электронный ресурс] URL: <https://fas.gov.ru/documents/575561> (дата обращения 19.02.2021).

Механизмы предупреждения утечки персональных данных при чрезвычайной ситуации в области здравоохранения на примере пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 в странах Европы и Азии

Киселева Арина Владимировна, студент магистратуры

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

В статье автор рассматривает существующие механизмы по предупреждению утечки персональных данных на примере механизмов, которые использовались странами Европы и Азии в период распространения коронавирусной инфекции COVID-19.

Ключевые слова: персональные данные, пандемия, коронавирусная инфекция COVID-19, защита персональных данных, предупреждение утечки персональных данных, механизмы по предупреждению утечки персональных данных, нормативная правовая база, GDPR.

Проблема утечки персональных данных является актуальной, на мой взгляд, на данный момент в связи с распространением такого течения, как цифровизация общества и государства в частности.

До появления и распространения пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 в различных странах существовали разного рода механизмы по защите конфиденциальности персональных данных, предупреждению их утечки и т. д., некоторые из таких механизмов появились в ответ на вызов распространения пандемии коронавирусной инфекции COVID-19.

В одной из своих статей Privacy International (организация, которая защищает и продвигает право на неприкосновенность частной жизни во всем мире начиная с 1990 г.) «Tracking the Global Response to COVID-19» заявила:

«Технологические компании, правительства и международные агентства объявили о мерах по сдерживанию распространения вируса COVID-19, известного также как коронавирус.

Некоторые из этих мер накладывают серьезные ограничения на свободу людей, в том числе на их частную жизнь и

другие права человека. Беспрецедентные уровни слежки, использования данных и дезинформации испытываются по всему миру.

Многие из этих мер основаны на чрезвычайных полномочиях, которые могут быть использованы только временно в чрезвычайных ситуациях. Другие используют исключения в законах о защите данных для обмена данными.

Некоторые из них могут быть эффективными и основанными на советах эпидемиологов, другие — нет. Но все они должны быть временными, необходимыми и соразмерными.

Очень важно следить за их соблюдением. Когда пандемия закончится, такие чрезвычайные меры должны быть отменены и за них необходимо отчитаться» [1].

Не согласиться с данной цитатой невозможно, т. к. меры, принимаемые ради граждан, ради их защиты, а именно это пропагандируется от представителей правительств разных стран, должны быть реализованы на законных основаниях.

В данной статье будет проведен анализ механизмов, используемых в период пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 для защиты персональных данных, предупреждению их утечки,

раскрытия их конфиденциальности в странах Европы (Финляндия, Эстония) и странах Азии (Сингапур, Южная Корея).

Финляндия. В Финляндии к вопросу о персональных данных граждан относятся «на высшем уровне» и конфиденциальность данных граждан является приоритетом в политике государства даже в условиях распространения пандемии коронавирусной инфекции COVID-19.

В Финляндии существует расширенная нормативная правовая база покрывающая сферу персональных данных, сюда относятся Закон об услугах электронных коммуникаций [2], который направлен на обеспечение защиты конфиденциальности и конфиденциальности электронных сообщений, Закон о конфиденциальности / Положение о защите данных (Tietosuojalaki) 1050/2018 [3], Закон о защите персональных данных (Henkilötietolaki) 523/1999 [4], Закон о Совете по защите данных и Уполномоченном по защите данных 389/1994 [5], так же относятся отраслевые законы касающиеся действий силовых структур — Закон об обработке персональных данных в действиях полиции [6], Закон об обработке персональных данных в пограничной службе [7], Закон об обработке персональных данных на таможне [8]. Естественно, как и на других территориях Европейского союза на территорию Финляндии распространяется GDPR [9].

Так же для защиты персональных данных своих граждан в структуре органов Правительства Финляндии существуют институт Уполномоченного по защите персональных данных и Совет по защите данных. Полномочия и принимаемые решения Совета по защите данных включают толкование Закона о персональных данных, а полномочия и решения Уполномоченного по защите данных распространяются на толкование Положения о защите данных и Закона о защите персональных данных.

Эстония. В Эстонии как механизм по защите персональных данных существует отдельный институт — Инспекция по защите данных (AKI) [10] она основана на национальных законах, таких как Закон о защите личных данных [11], Закон о публичной информации [12], Законе об электронной связи [13], Регламента о Системе мер безопасности информационных системах [14], также на основе международных правовых актов, таких как GDPR.

Еще одним немаловажным механизмом, на мой взгляд, является закрепление определенных прав в Конституции государства, таким образом у прописанных прав будет статус конституционных прав, что еще больше, на мой взгляд, акцентирует внимание на защите их со стороны государства.

Право получать информацию о деятельности учреждений, право на неприкосновенность частной и семейной жизни при использовании личных данных, право получения доступа к данным, собранным относительно Вас, являются конституционными правами в Эстонии, т. е. прописаны в Конституции Эстонской Республики [15].

Сингапур. Сингапур является первой страной, применявшей технологию отслеживания контактных заболеваний коронавирусом.

В Сингапуре запустилось приложение Trase Together как дополнительный инструмент для предотвращения распространения инфекции. Trase Together построен на протоколе Blue

Trase, разработанном командой правительственных цифровых услуг в государственном технологическом агентстве Сингапура.

Мобильные приложения и носимые устройства (в будущем), которые развертывают протокол Blue Trase, способны сочетать децентрализованные и централизованные модели отслеживания контактов. Сбор и протоколирование данных о встречах/близости между устройствами, реализующими Blue Trase, осуществляется одноранговым децентрализованным способом для сохранения конфиденциальности [16]. Так же очень важным аспектом является сохраняющий конфиденциальность протокол для отслеживания контактов Government Technology Agency Singapore [17]. Создание подобного рода приложения не может осуществляться без Закона о защите персональных данных (Personal Data Protection Act 2012) [18].

Также в Сингапуре существует Комиссия по защите личных данных (PDPC) [19]. Она была создана 2 января 2013 года для администрирования и обеспечения соблюдения Закона о защите личных данных 2012 года (PDPA). PDPC служит главным органом Сингапура в вопросах, касающихся защиты персональных данных, и представляет правительство Сингапура на международном уровне по вопросам, связанным с защитой данных.

Южная Корея. Южная Корея является одной из передовых стран по внедрению информационных технологий в повседневную жизнь людей, поэтому ее нормативно-правовая база о персональных данных внушительная. К примеру, Закон о защите персональных данных № 16930 с поправками от 4 февраля 2020 г. (PIPA) [20], Постановление об использовании видеоданных видеонаблюдения для других целей [21].

В Южной Корее существуют ряд институтов для защиты информации, к примеру Комиссия по защите персональных данных (PIPC) [22]. PIPC является независимым органом, созданным в соответствии с Законом о защите личной информации (PIPA) для защиты прав частных лиц. Ключевая роль PIPC состоит в том, чтобы обдумывать и принимать решения в отношении политики в отношении персональных данных, координировать разногласия между другими государственными органами в отношении обработки персональных данных.

В Корее, как и во многих других странах, персональными данными занимается Министерство внутренних дел и безопасности (MOIS). Как компетентный орган Закона о защите личной информации, MOIS отвечает за разработку и исследование политики в отношении персональных данных, а также за соблюдение законодательства о защите личных данных.

Существует также такой механизм как Корейская комиссия по связи (KCC) [23], являясь компетентным органом Закона о содействии использованию информационных и коммуникационных сетей и защите информации [24], KCC регулирует деятельность поставщиков услуг вещания и связи, защищает пользователей услуг вещания и связи, а также устанавливает и внедряет политики защиты персональных данных, связанных с вещанием и связью.

Корейское агентство Интернета и безопасности (KISA) [25] в качестве уставной организации, установленной в Законе о содействии использованию информационных и коммуникационных сетей и защите информации, роль KISA в отношении защиты персональных данных заключается в оказании поддержки и помощи

правительству и органам местного самоуправления в устранении нарушений данных и исследовать, и предоставлять консультации по стандартам и политикам защиты персональных данных.

Таким образом можно сделать вывод, что существуют следующие механизмы по предупреждению утечки персональных данных: институциональный (создание органа/организации в системе государственных органов или независимого для обе-

спечения и соблюдения защиты персональных данных), нормативно-правовой (создание более обширной базы законодательства в данной области). На мой взгляд, это два основных механизма, также можно как дополнительный, но не менее важный, добавить конституционный механизм (четкое регламентирование прав в данной области в Конституции государства для еще большей гарантии защиты).

Литература:

1. Tracking the Global Response to COVID-19 // Официальный сайт Privacy International. — URL: <https://privacyinternational.org/examples/tracking-global-response-covid-19> (дата обращения: 26.04.2021).
2. Закон об услугах электронных коммуникаций // Законодательная база FINFLEX Министерства юстиции Финляндии. — URL: <https://www.finlex.fi/fi/laki/ajantasa/2014/20140917?search%5Btype%5D=pika&search%5Bpika%5D=Tietosuoja%5D=Henkil%20%281050%2F2018%29%20#O1L1P1> (дата обращения: 20.03.2021).
3. Закон о конфиденциальности / Положение о защите данных (Tietosuoja) 1050/2018 // Законодательная база FINFLEX Министерства юстиции Финляндии. — URL: <https://www.finlex.fi/fi/laki/alkup/2018/20181050?search%5Btype%5D=pika&search%5Bpika%5D=Tietosuoja%5D=Henkil%20%281050%2F2018%29%20#highlight2> (дата обращения: 20.03.2021).
4. Закон о защите персональных данных (Henkilötietolaki) 523/1999 // Законодательная база FINFLEX Министерства юстиции Финляндии. — URL: <https://www.finlex.fi/fi/laki/smur/1999/19990523?search%5Btype%5D=pika&search%5Bpika%5D=Henkil%20%281050%2F2018%29%20#highlight2> (дата обращения: 20.03.2021).
5. Закон о Совете по защите данных и Уполномоченном по защите данных 389/1994 // Законодательная база FINFLEX Министерства юстиции Финляндии. — URL: <https://www.finlex.fi/fi/laki/smur/1994/19940389> (дата обращения: 20.03.2021).
6. Закон об обработке персональных данных в действиях полиции // Законодательная база FINFLEX Министерства юстиции Финляндии. — URL: <https://www.finlex.fi/fi/laki/ajantasa/2019/20190616?search%5Btype%5D=pika&search%5Bpika%5D=Tietosuoja%5D=Henkil%20%281050%2F2018%29%20> (дата обращения: 20.03.2021).
7. Закон об обработке персональных данных в пограничной службе // Законодательная база FINFLEX Министерства юстиции Финляндии. — URL: <https://www.finlex.fi/fi/laki/ajantasa/2019/20190639?search%5Btype%5D=pika&search%5Bpika%5D=Tietosuoja%5D=Henkil%20%281050%2F2018%29%20> (дата обращения: 20.03.2021).
8. Закон об обработке персональных данных на таможне // Законодательная база FINFLEX Министерства юстиции Финляндии. — URL: <https://www.finlex.fi/fi/laki/ajantasa/2019/20190650?search%5Btype%5D=pika&search%5Bpika%5D=Tietosuoja%5D=Henkil%20%281050%2F2018%29%20> (дата обращения: 20.03.2021).
9. Регламент N 2016/679 Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных, а также об отмене Директивы 95/46/ЕС (Общий Регламент о защите персональных данных)» // СПС «Консультант плюс» — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=60453#003767032763740463> (дата обращения: 21.05.2021).
10. Официальный сайт Инспекции по защите данных. — URL: <https://www.aki.ee/ru/inspektsiya> (дата обращения: 21.05.2021).
11. Закон о защите личных данных // Государственная канцелярия Министерства Юстиции Эстонии. — URL: <https://www.riigiteataja.ee/akt/106012016010> (дата обращения: 20.05.2021).
12. Закон о публичной информации // Государственная канцелярия Министерства Юстиции Эстонии. — URL: <https://www.riigiteataja.ee/akt/122032011009> (дата обращения: 20.05.2021).
13. Закон об электронной связи // Государственная канцелярия Министерства Юстиции Эстонии. — URL: <https://www.riigiteataja.ee/akt/123032011011> (дата обращения: 20.05.2021).
14. Регламент о Системе мер безопасности информационных системах // Государственная канцелярия Министерства Юстиции Эстонии. — URL: <https://www.riigiteataja.ee/akt/13125331> (дата обращения: 20.05.2021).
15. Конституция Эстонской Республики // Государственная канцелярия Министерства Юстиции Эстонии. — URL: <https://www.riigiteataja.ee/en/eli/ee/rhvv/act/530122020003/consolide> (дата обращения: 20.05.2021).
16. Официальный сайт Blue Trace Protocol. — URL: <https://bluetrace.io/manifesto/> (дата обращения: 14.05.2021).
17. Официальный сайт Government Technology Agency Singapore. URL: <https://www.tech.gov.sg/> (дата обращения: 14.05.2021).
18. Закон о защите персональных данных (Personal Data Protection Act 2012) // Официальный сайт Правительства Сингапура. — URL: <https://sso.agc.gov.sg/Act/PDPA2012> (дата обращения: 14.05.2021).
19. Официальный сайт Комиссии по защите персональных данных Сингапура. — URL: <https://www.pdpc.gov.sg/> (дата обращения: 14.05.2021).
20. Закон о защите персональных данных № 16930 с поправками от 4 февраля 2020 г. (PIPA) // Корейский законодательный информационный центр. — URL: <https://www.law.go.kr/%EB%B2%95%EB%A0%B9/%EA%B0%9C%EC%9D%B8%EC%A0%95%EB%B3%B4%EB%B3%B4%ED%98%B8%EB%B2%95> (дата обращения: 21.05.2021).

21. Постановление об использовании видеоданных видеонаблюдения для других целей // Официальный сайт Комиссии по защите персональных данных Южной Кореи. — URL: http://www.pipc.go.kr/cmt/english/news/selectBoardArticle.do?nt-tId=6441&bbsId=BBSMSTR_00000000126 (дата обращения: 21.05.2021).
22. Официальный сайт Комиссии по защите персональных данных. — URL: <http://www.pipc.go.kr/> (дата обращения: 21.05.2021).
23. Официальный сайт Комиссии по коммуникациям Южной Кореи. — URL: <https://kcc.go.kr/user.do> (дата обращения: 21.05.2021).
24. Закон о содействии использованию информационных и коммуникационных сетей и защите информации // <https://www.law.go.kr/LSW//lsSc.do?section=&menuId=1&subMenuId=15&tabMenuId=81&eventGubun=060101&query=%EC%A0%95%EB%B3%B4%EB%B3%B4%ED%98%B8+%EB%B2%95+%EC%8B%9C%ED%96%89%EB%A0%B9+%EC%A0%9C+28355+%ED%98%B8#undefined> (дата обращения: 21.05.2021).
25. Официальный сайт Корейское агентство Интернета и безопасности. — URL: <https://www.kisa.or.kr/main.jsp> (дата обращения: 21.05.2021).

Экологические преступления против человечества: понятие и характеристика, конвенционный режим защиты природной среды

Колобаева Софья Сергеевна, студент магистратуры

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

Актуальность статьи обусловлена важностью раскрытия сущности экологических преступлений против человечества: понятие и характеристика, конвенционный режим защиты природной среды. Цель статьи — проанализировать аспекты экологических преступлений в целом, а также остановиться на проблемных аспектах некоторых из них.

Ключевые слова: окружающая среда, экология, экоцид, охрана природы.

Environmental crimes against humanity: concept and characteristics, convention regime for the protection of the natural environment

The urgency of the article is conditioned by the importance of criminal law counteraction to ecological crimes. The purpose of the article is to analyze the criminal law aspects of environmental crimes in General, as well as to highlight the problematic aspects of some of them.

Keywords: environment, ecology, ecocide, nature protection, environmental crime.

XX век отмечен возникновением глобальных экологических проблем. Из-за озоновой дыры торговля ХФУ (озоноразрушающее вещество — хлорфторуглерод) была запрещена. Глобальное потепление связано с ростом выбросов парниковых газов, вызванных. Долгоживущие органические загрязнители, так называемые СОЗ (стойкие органические загрязнители), распространяются по всему миру посредством определенных механизмов переноса на большие расстояния и обнаруживаются вдали от областей их применения. Накопление загрязнителей в окружающей среде или в живых существах в перспективе может нанести не меньший ущерб, чем аварии на атомных электростанциях, например авария на АЭС Фукусима-1 и Чернобыльская АЭС или ядерное оружие массового поражения.

Загрязнение окружающей среды следует отличать от прямой деградации окружающей среды и других видов загрязнения окружающей среды, например: в результате добычи сырья, использования ландшафта (земли под застройку и т. д.) или чрезмерного использования. В то время как загрязнение вызывается внесенными материалами, проблема другого загрязнения

и разрушения заключается именно в потере или разрушении существующих экологически важных систем и материалов.

Загрязнение окружающей среды отрицательно сказывается как на естественных экосистемах, так и на здоровье человека: по данным Агентства ООН по окружающей среде, 12,6 миллиона человек ежегодно умирают от последствий загрязнения окружающей среды, что составляет почти каждую четвертую смерть [1].

Экоцид является преступной деятельностью человека, которое нарушает принципы экологической справедливости, например: в значительном повреждении или разрушении экосистем, или повреждением здоровья и благополучия какого-либо вида животного мира (включая людей). Экоцид еще не признан Организацией Объединенных Наций преступлением, наказуемым на международном уровне.

В качестве самой концепции экоцид относится как к естественным процессам деградации окружающей среды или экосистемы, так и к разрушению окружающей среды, вызванному деятельностью человека. Например, иммиграция инвазивных

видов в конкретную область, которая приводит к сокращению или искоренению эндемичных видов (эндемиков) в этой области, является формой экоцида. Но нефтяные катастрофы, чрезмерная эксплуатация из-за чрезмерной добычи полезных ископаемых, вырубки лесов, промышленного животноводства, промышленного рыболовства, загрязнения воды и воздуха также можно рассматривать как формы экоцида, но произошедшие от рук человека.

Одно из предложений по названию новой геохронологической эпохи — это антропоцен, потому что именно деятельность человека (от др.греч — «антропос» — человек) влияет на естественное состояние Земли таким образом, который никогда ранее не наблюдался. Индустриализация и связанное с этим сжигание ископаемых источников энергии, таких как лигнит, каменный уголь и сырая нефть, привели к увеличению количества двуокси углерода (CO₂), метана и хлорфторуглеродов в атмосфере. В результате изменения в земном климате происходят во всем мире, так называемое техногенное (антропогенное) глобальное потепление. Об этом мы уже знаем не понаслышке.

Концепция экоцида как международного преступления возникла в 1970-х годах после того, как США использовали «Агент Оранж» во время войны во Вьетнаме, опустошив местное население и дикую природу путем распыления дефолиантов над вьетнамскими джунглями.

В настоящее время в Римском статуте Международного уголовного суда есть только одно положение, касающееся военных преступлений, в котором конкретно упоминается ущерб окружающей среде. Статья 8 (2) (b) (iv) квалифицирует его как преступление: «Умышленное совершение нападения, когда известно, что такое нападение явится причиной случайной гибели или увечья гражданских лиц или ущерба гражданским объектам или обширного, долгосрочного и серьезного ущерба окружающей природной среде, который будет явно несоизмерим с конкретным и непосредственно ожидаемым общим военным превосходством» [2].

Десять стран кодифицировали экоцид как преступление мирного времени. Эти страны следовали формулировке статьи 26 проекта Комиссии международного права (КМП), в которой говорилось о преднамеренном нанесении «широкомасштабного, долгосрочного и серьезного ущерба окружающей среде» в контексте войны — с учетом этой статьи 26 был исключен из окончательного проекта, представленного в Римский статут Международного уголовного суда в 1996 году.

Участие общественности в процессах принятия решений может помочь обеспечить должное внимание окружающей среде и охране природы. Согласно Орхусской конвенции, участие общественности в первую очередь требует одобрения определенных проектов со значительным воздействием на окружающую среду (в частности, промышленных предприятий и инфраструктурных мероприятий).

Орхусская конвенция является общеевропейским процессом на уровне Европейской Экономической комиссии ООН. Европейский Союз и Федеративная Республика Германия приняли политику и меры по осуществлению Конвенции [3].

Конвенция о доступе к информации, участии общественности в принятии решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды была принята 25 июня 1998 года в датском городе Орхус.

Орхусская конвенция была подписана 35 государствами и Европейским союзом на 4-й Общеευропейской конференции министров окружающей среды. Целью международного договора является усиление активного участия гражданского общества в охране окружающей среды в панъевропейском регионе. В настоящее время участниками Орхусской конвенции являются более 40 государств [4].

Государства-участники Орхусской конвенции регулярно встречаются для обсуждения направлений работы Конвенции и ее выполнения. Эта работа поддерживается секретариатом при Экономической комиссии Организации Объединенных Наций (ЕЭК ООН) в Женеве. Особое внимание уделяется консультациям по практическому применению Конвенции, особенно для государств Восточной Европы, Кавказа и Центральной Азии [5].

Защита биологического разнообразия относится не только к защите видов животных, но и к защите разнообразия местобитаний, управлению ими или их восстановлению. Таким образом, в области охраны вся живая природа должна быть защищена во всем ее разнообразии, например, путем сохранения среды обитания. Согласно статье 6 этой Конвенции, договаривающиеся государства обязаны разработать национальную стратегию для всех областей сохранения биоразнообразия. Договаривающиеся стороны должны защищать биологическое разнообразие как «in situ» (на территории охраняемых территорий, статья 8), так и «ex situ» (в специальных учреждениях, таких как зоопарки, генные банки и банки семян). Исследования и обучение, наблюдение или мониторинг и повышение осведомленности населения (статьи 12 и 13).

По случаю Конференции Организации Объединенных Наций по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро в 1992 году Конвенцию о биологическом разнообразии подписали 153 страны и Европейское сообщество. Цель конвенции — гарантировать защиту видов животных и растений и их местобитаний во всем мире. Спрятанное в нем богатство следует сохранить. К настоящему времени эту конвенцию ратифицировали более 180 государств. Таким образом, сохранение биологического разнообразия стало важной глобальной политической проблемой [6].

Вашингтонская конвенция по сохранению видов (СИТЕС)

Не менее важным документом является конвенция СИТЕС. Это Вашингтонская конвенция по сохранению видов, была принята в Вашингтоне, США, в марте 1973 года. Конвенция была ратифицирована в России в 1992 году [7]. Соглашение предусматривает систему контроля за трансграничной торговлей охраняемыми видами животных и растений. Таким образом можно противостоять опасностям, исходящим от торговых интересов.

Боннская конвенция защищает наземных и морских животных (таких как птицы, летучие мыши), которые мигрируют через национальные границы по всему ареалу своего обитания. Их среда обитания должна быть сохранена на большой терри-

тории. Австрия присоединилась к Конвенции о защите мигрирующих видов в 2005 году [8].

Таким образом, на основании вышеизложенного можно резюмировать, что для преодоления экологического кризиса возможно лишь воспитание нового поколения людей на экологической культуре, знании Конвенций о защите окружающей среды, центральная идея которой: совместное гармоничное развитие природы и человека и отношение к природе не только как к материальной, но и как к духовной ценности. Человек

должен осознать свою роль в биосфере как одного из видов, который, как и все остальные, обязан подчиняться законам развития биосферы.

Мировое сообщество не может существовать без экологической культуры, поскольку без нее трудно рассчитывать на выживание человечества в условиях экологического кризиса. Именно поэтому одним из ведущих международных проектов ООН в области культуры, науки и образования является программа «Экологическая культура».

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения 18.05.2021 г.)
2. Римский Статут Международного Уголовного Суда (принят 17 июля 1998 дипломатической конференцией полномочных представителей под эгидой ООН по учреждению Международного Уголовного Суда) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».
3. Конвенция о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды (Орхусская конвенция) (Орхус, 25 июня 1998 г.) // СПС «Гарант (дата обращения 18.05.2021 г.)
4. Конвенция по международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения (СИТЕС) (Вашингтон, 3 марта 1973 г.) // Текст Конвенции опубликован в Сборнике действующих договоров, М., 1978 г. С. 549–562
5. Конвенция о биологическом разнообразии (Рио-де-Жанейро, 5 июня 1992 г.) // СЗ РФ. 1996. № 19, ст. 2254.
6. Ефименко А. Н. Реализация и охрана права граждан на благоприятную окружающую среду // Современные технологии обеспечения гражданской обороны и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. 2016. № 1 (7). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-i-ohrana-prava-grazhdan-na-blagopriyatnyuyu-okruzhayuschuyu-sredu> (дата обращения: 26.04.2021).
7. Ельцов В. Н., Шуняева В. А. Экологические преступления: общий уголовно-правовой анализ // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал, № 4, 2018. С. 23–26.
8. Потравный И. М., Колотырин К. П., Генгут И. Б. Применение экологического страхования при управлении проектами по ликвидации накопленного экологического ущерба // ЭНСП. 2017. № 2 (77). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primeneniye-ekologicheskogo-strahovaniya-pri-upravlenii-proektami-po-likvidatsii-nakoplennogo-ekologicheskogo-uscherba> (дата обращения: 26.04.2021).
9. Копылов М. Н. Право на благоприятную окружающую среду: процесс становления юридического содержания // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2003. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-na-blagopriyatnyuyu-okruzhayuschuyu-sredu-protsess-stanovleniya-yuridicheskogo-soderzhaniya> (дата обращения: 26.04.2021).
10. Кодолова А. В., Солнцев А. М. Привлечение к ответственности за причинение вреда окружающей среде в России и зарубежных странах: пути совершенствования законодательства // Антиномии. 2019. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 26.04.2021).

Аналогия права как метод преодоления пробелов в уголовном праве

Кутин Роман Константинович, студент

Дальневосточный институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (г. Хабаровск)

Эффективным способом преодоления пробелов в праве в целом, и в уголовном праве, в частности, является применение института аналогии, существующего в двух разновидностях (подинститутах) — аналогии права и аналогии закона. Безусловно, институт аналогии в уголовном праве, как наиболее репрессивном, имеет свои особенности, в том числе, и негативные риски, однако, это не означает, что от него нужно резко отказываться. Причем, даже уголовный Закон в ч. 2 ст. 3, запрещающий применение самого себя по аналогии, тем не менее, не распространяет этот запрет и на применение аналогии права. В статье рассмотрены различные взгляды, существующие в научной среде по поводу допустимости аналогии права в уголовном праве, приведены примеры фактического применения аналогии права в судебной практике, рассмотрены причины этого явления.

Ключевые слова: аналогия права, аналогия закона, пробелы в уголовном праве, эксцесс соучастника, квалификация преступлений, совершённых с участием лиц, не подлежащих уголовной ответственности.

Аналогия, как прием формальной логики, в правовой жизни существует в двух видах: аналогии закона и аналогии права. Аналогией закона является восполнение пробелов путём применения закона к случаям, которые прямо им не предусмотрены, но сходны с теми, которые определены законом [9]. Аналогия права — решение конкретного правового случая на основе общих принципов права [10]. В настоящей работе мы остановимся именно на аналогии права.

В доктрине уголовного права существуют различные подходы к признанию возможности применения аналогии права в уголовном праве, при соблюдении ч. 2 ст. 3 УК РФ, гласящей, что «*применение уголовного закона по аналогии не допускается*». Так, ряд криминалистов [5, 11] считает, что положение, закреплённое в ч. 2 ст. 3 уголовного Закона исключает аналогию в уголовном праве в каком бы то ни было виде, что приведённый запрет распространяется как на Особенную, так и на Общую часть Уголовного кодекса. По мнению Н. А. Лопашенко, в ч. 2 ст. 3 УК РФ содержится запрет применения по аналогии уголовного закона вообще, а не каких-либо его положений [12].

Другая часть ученых-правоведов [13] придерживается иной точки зрения, согласно которой запрет, установленный ч. 2 ст. 3 УК РФ распространяется лишь на аналогию закона, не касаясь аналогии права, т. е. применения по аналогии норм Общей части уголовного Закона. Как справедливо отмечает профессор А. В. Наумов, полное отрицание аналогии означает игнорирование специфики норм Общей части уголовного права, «которые вовсе не предусматривают уголовной ответственности за конкретные общественно опасные деяния». Вторая точка зрения представляется более обоснованной. Судебная практика идёт так же по пути если не открытого признания возможности применения аналогии права в уголовном праве, то её фактического применения.

Наиболее очевидным примером фактического признания судебной практикой института аналогии права в уголовном праве является квалификация преступлений, совершённых с участием лиц, не подлежащих уголовной ответственности, как групповых, т. е. совершённых в соучастии. Пробел в уголовном праве, в данном случае, связан с толкованием элемента диспозиции нормы «двух или более лиц»:

Либо речь идёт только о лицах, подлежащих уголовной ответственности в соответствии со ст. 20 УК РФ, либо о физических лицах вообще, один из которых обладает признаками субъекта преступления.

Ряд современных российских криминалистов, исходя из системного толкования ст. 32 уголовного Закона признаёт необходимым условием квалификации совершённого преступления, как совершённого в соучастии, является соблюдение количественного признака — соучастие возможно лишь при участии двух или более лиц, подлежащих уголовной ответственности [6. С, 209]. Тем не менее, как отмечает проф. А. И. Рарог «*нельзя не считаться с соображениями социальной оценки совершения преступления лицом, обладающими признаками субъекта пре-*

ступления, совместно с лицами, не достигшими возраста уголовной ответственности, невменяемыми или действующими невиновно» [7].

В результате, руководствуясь указанными справедливыми обоснованиями социальной оценки, судебные инстанции, в том числе и высшая из них — Верховный Суд, заняв, хотя и неопределённую, изменчивую позицию, тем не менее, в ряде случаев признали возможность квалификации подобных преступлений, как совершённых в соучастии, вопреки буквальному толкованию уголовно-правовой нормы.

Так, если в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 14.02.2000 № 7 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» (недействующее), Верховный Суд указал, что совершение преступления с использованием лица, не подлежащего уголовной ответственности в силу возраста или невменяемости не создаёт соучастия, то уже в Постановлении ВС РФ № 604П04пр по делу Прокопьева, было дано разъяснение, согласно которому «убийство признаётся совершённым группой лиц ... независимо от того, что некоторые из участников преступления не были привлечены к уголовной ответственности ввиду их невменяемости» [6, с. 210]. Аналогично, в Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ за IV квартал 2000 г. Президиум ВС РФ сформулировал следующее правило: «Преступление признаётся совершённым группой по предварительному сговору, если в нём, участвовали лица, заранее договорившиеся о совместном его совершении, независимо от того, что некоторые из участвовавших не были привлечены к уголовной ответственности в силу недостижения возраста уголовной ответственности или ввиду невменяемости» [7, с. 90].

Очевидно, что в условиях пробельности нормы-дефиниции о соучастии, в части неопределённости термина «лица», правоприменители, принимая во внимание реальные социальные условия реализации этой нормы, понимая, что формалистское, буквальное толкование ст. 32 уголовного Закона позволит избежать справедливого наказания части преступников, фактически использовали аналогию права, а именно принцип справедливости, закреплённый в ст. 6 УК РФ.

Другим, более ярким примером аналогии права в уголовном праве, является распространение судебной практикой положений ст. 36 УК РФ «Эксцесс исполнителя» на иных соучастников преступления. Отсутствие нормы об эксцессе соучастника представляется серьёзным упущением законодателя и правовым пробелом, поскольку презюмируется, что реализовать эксцесс, т. е. превысить пределы изначального соглашения на совместное участие в совершении преступления может только исполнитель. В специальной литературе [14] не раз подчеркивалось, что это утверждение ошибочно.

Так, приговором Иркутского областного суда № 2–15/2017 2–59/2016 [4] установлено, что Насиров склонил Нуриева к совершению преступления, предложив ему *организовать* умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью их общему знакомому Оруджову, а именно сломать последнему пальцы на

руке, в качестве мести за переписку с женой Насирова, но Нуриев, привлекая Эйналова, в качестве исполнителя, и Алиева, в качестве пособника, организовал убийство Оруджова по найму, о чем Насиров не был осведомлен. Из материалов дела следует, что распределение ролей при приготовлении к *первичному* преступлению, предусмотренному п. «г» ч. 2 ст. 112 УК РФ выглядело так: Насиров — подстрекатель, Нуриев — организатор. Далее Нуриев, в процессе подыскания лица, годящегося на роль исполнителя этого преступления, познакомился с Э., который и предложил решить проблему кардинально за 200 000 рублей. Далее Нуриев согласился заплатить Э. за убийство О., а также нашел А., добывшего для совершения преступления огнестрельное оружие и патроны. Обо всех этих метаморфозах Нуриев не ставил в известность Насирова. Следовательно, организовав убийство по найму О., Нуриев реализовал эксцесс соучастника, а именно *эксцесс организатора*.

Суд, рассматривая данное дело, освобождая Насирова от ответственности за убийство О., дважды воспользовался аналогией права, сначала легализовав сам термин *эксцесс соучастника* в приговоре, ссылаясь на положения ст. 36 УК РФ, хотя речь в ней идет лишь об исполнителе, а затем применив и, сославшись в приговоре, на ст. 5 уголовного Закона, т. е. принцип вины.

Резюмируя, отметим, что аналогия права активно используется судебной практикой, в том числе, встречается и в практике Верховного Суда. Такое положение не может считаться допустимым в условиях правового государства, иррационально отказываться от такого эффективного метода преодоления пробелов в уголовном праве, тем более, что этот подинститут аналогии в праве не создаёт, в отличие от аналогии закона, рисков криминализации деяний правоприменителем, поэтому должен быть прямо легализован уголовным Законом.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 05.04.2021, с изм. от 08.04.2021)// Доступ из справочной правовой системы «ГАРАНТ»
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.02.2000 N 7 (ред. от 06.02.2007) «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних»// Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс»
3. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за IV квартал 2000 г.//Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс»
4. Приговор Иркутского областного суда № 2–15/2017 2–59/2016. — Текст: электронный // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. — URL: (дата обращения: 11.04.2021).
5. Карпова Н. А. Уголовное законодательство зарубежных стран об ответственности за кражу, совершенную из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем// «Международное уголовное право и международная юстиция», 2009, № 4
6. Актуальные проблемы уголовного права. Курс лекций/ Под ред. О. с. Капинус, М. 2019, 483 с.
7. Рарог А. И. Качество уголовного закона. Проблемы Общей части: монография. М., 2018. 288 с.
8. Кауфман, М. А. Пробелы в уголовном праве и способы их преодоления: специальность 12.00.08: диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Кауфман Михаил Александрович; Всероссийская государственная налоговая академия. — Москва, 2009.— 491 с. — Текст: непосредственный.
9. Проблемы общей теории права и государства: Учебник для вузов / Под ред. В.С. Нерсисянца. М., 2002. С. 427.
10. Теория государства и права. Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М., 1997. С. 423.
11. Кропачев Н.М. Уголовно-правовое регулирование. Механизм и система. С.-П., 1999, С. 212
12. Лопашенко Н. А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. СПб., 2004. С. 185.
13. Коняхин В. П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. СПб., 2002. С. 126
14. С. Ф. Милюков. Проблемы криминологической обоснованности российского уголовного законодательства. Автореф. дисс. д-ра юр. наук. С.-Петербург, 2000 // Юридическая Россия: федеральный правовой портал. URL: <http://www.law.edu.ru/article/article.asp?articleID=1258305> (дата обращения 11.04.2021)

Денежные обязательства в российском гражданском праве

Лемкин Владимир Николаевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Волкова Мария Александровна, кандидат исторических наук, доцент
Российский государственный социальный университет (г. Москва)

В данной статье рассматривается вопрос денежных обязательств в гражданском праве Российской Федерации. В работе рассмотрены понятия денежных обязательств, а также описаны основные действия по статьям 317.1 и 395 Гражданского кодекса РФ.

Ключевые слова: Гражданский кодекс Российской Федерации, деньги, денежные обязательства, ст. 317.1 ГК РФ, ст. 395 ГК РФ.

Monetary obligations in Russian civil law

Lemkin Vladimir Nikolaevich, student master's degree program

Scientific adviser: Volkova Maria Alexandrovna, candidate of historical sciences, associate professor
Russian State Social University (Moscow)

This article examines the issue of monetary obligations in the civil law of the Russian Federation. The paper considers the concept of monetary obligations, and also describes the main actions under Articles 317.1 and 395 of the Civil Code of the Russian Federation.

Keywords: Civil Code of the Russian Federation, money, liabilities, art. 317.1 of the Civil Code of the Russian Federation, Art. 395 of the Civil Code of the Russian Federation.

Введение. Сложно отрицать, что одна из важнейших функций денег — служить неким посредником, средством обмена или платежа. Деньги, являясь законным платежным средством, служат средством выполнения многих обязательств, как принудительных, в случае отказа или избегания ответственности, так и добровольных. Более того, в контексте практически любого иска (договорного, правонарушительного или иного) ответчик должен в конечном итоге выполнить свои обязательства посредством денежной выплаты. В данной работе автором раскрываются концепция денежных обязательств в российском гражданском праве, а также затрагиваются видов денежных обязательств.

Методы, которые нами были использованы: теоретический анализ законодательства Российской Федерации, а также проведен анализ исследований трудов ученых, которые внесли значительный вклад в юридическое знание о гражданско-правовых денежных обязательствах.

Результаты. Для определения характеристики денежных обязательств для начала необходимо обратить свое внимание на экономические науки. Это связано с тем, что именно в этой сфере научного знания лежит информация об основах теории денежных средств. В экономике деньги определяют через их функции [7]. В юридическом контексте также говорят о функциях, однако эти функции возлагаются ничем иным как законодательством. Таким образом получается, что правовое регулирование данного вопроса основывается на учете экономических свойств денег. В противном случае возможность сформировать общественные отношения по поводу денег было бы невозможно.

Деньги — это такая форма всеобщего эквивалента, которая помогает в соизмерении неравноценных товаров и услуг при обмене [3]. Отсюда вытекает иная функция — всеобщего средства обращения. На стадии исполнения денежного обязательства деньги из средства обращения становятся средством платежа. Так деньги обретают форму не просто общественного отношения или меры стоимости товаров, а становятся объектом материального мира, существующим наряду с товарами [5]. В то время как, когда исследователи говорят о представлениях денежных средств в юриспруденции, они, чаще всего, опираются на правовые значения денежных средств [6]. Сейчас наиболее привычным является отношение к денежным средствам как к объекту делимому и потребляемому.

Денежное обязательство — это ответственность за невыполнение условий контракта [8]. Если обязательство не выпол-

няется, правовая система часто предоставляет возможность потерпевшей стороне взыскать с должника финансы.

Денежные обязательства в основном существуют там, где должник обязан уплатить конкретную фиксированную или ликвидированную сумму денег [10]. Это определение предполагает, что деньги должны выплачиваться в виде средства обмена или в аналогичном денежном контексте, например, когда банк предоставляет ссуду своему клиенту.

Денежные обязательства обсуждаемого типа существуют преимущественно в случаях, когда:

— сторона берет на себя обязательство уплатить установленную денежную сумму. Такое обязательство остается денежным обязательством, даже если стороны могут предусмотреть более подробные условия его исполнения [4];

— сторона принимает на себя обязательство уплатить неуставленную, но поддающуюся установлению денежную сумму, например, если сторона соглашается выплатить сумму, равную цене закрытия листинговой ценной бумаги на определенную дату. Это денежное обязательство, даже если его сумма не определена на дату возникновения обязательства, поскольку сумма будет установлена на дату, когда обязательство подлежит исполнению [4];

— сторона принимает на себя обязательство по возмещению убытков в результате нарушения внедоговорных обязательств по контракту или в результате нарушения не денежных обязательств. Ущерб связан с обязанностью выплатить деньги, и поэтому возникающее обязательство носит денежный характер. Денежный характер обязательства никоим образом не ухудшается тем фактом, что оно является непогашенным или неуставленным, или возникновение платежного обязательства взамен неисполнения должником не денежного обязательства. Верно то, что должник, хотя и обязан заплатить, не может считаться имеющим задолженность перед кредитором до тех пор, пока сумма компенсации не будет согласована или урегулирована судом. Также верно и то, что в результате этих характеристик должник не может предложить платеж, и многие правила, касающиеся «долгов», не могут применяться. Но эти различия между долгом и убытками не должны заслонять тот факт, что в обоих случаях должны быть выплачены денежные суммы, и что в обоих случаях суд имеет право присудить проценты за всю сумму или любую ее часть. Период между датой возникновения основания иска и датой судебного решения, и что, в любом случае, значение слова «долг» зависит от контекста, и что, следовательно, есть основания для объединения обоих под заголовком денежных обязательств [4].

Порядок начисления процентов описан в статьях 317.1 и 395 Гражданского кодекса РФ. Закон был введен в 2015 году, однако поправки были внесены Федеральным законом № 315-ФЗ от 3 июля 2016, и он вступил в силу с 1 августа 2016 года [11].

Статья 317.1 ГК РФ (проценты по обязательствам с отсрочкой платежа) была введена в действие в 2015 году [1]. Несмотря на недолгое существование, она уже стала серьезной проблемой для бизнеса. Из-за этого правила многие компании начали вносить поправки в свои контракты, чтобы избежать начисления установленных законом процентов, что было совершенно нежелательно для них или их партнеров.

Законодатель отметил это требование бизнес-сообщества и внес поправки в соответствующую статью. С 1 августа 2016 года проценты по статье 317.1 ГК РФ начисляются только в случаях, прямо предусмотренных договором или (специальным) законом [11].

Если договором предусмотрено начисление таких процентов, процентная ставка за просрочку платежа должна быть равна ключевой ставке Центрального банка России, действующей время от времени. Это означает, например, что если ключевая ставка была пересмотрена в течение соответствующего периода начисления процентов, проценты должны рассчитываться для каждого периода применения соответствующей ключевой ставки, действующей в то время. Однако стороны контракта могут согласовать иную процентную ставку в отношении своих денежных обязательств.

Наконец, измененные правила статьи 317.1 ГК РФ теперь применяются не только к бизнесу, но и к любым участникам гражданско-правовых сделок [1].

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ. Статья 317.1. Проценты по денежному обязательству (ред. от 09.03.2021) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/cefb111fd9c8811138c51b-ba79eab799f861f2d4/ (дата обращения: 14.05.2021).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ. Статья 395. Ответственность за неисполнение денежного обязательства (ред. от 09.03.2021) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/93383099dc4f06165d8d4aac4eeb159db4f6da3d/ (дата обращения: 14.05.2021).
3. Дечко Е. с. К Вопросу о понятии концепта денежного обязательства // Научный электронный журнал меридиан. 2020. № 9(34). С. 219–221.
4. Казаченок О. П. Понятие денежного обязательства в гражданском и международном частном праве // Евразийская адвокатура. 2017. № 2(27). С. 87–89.
5. Коваленко Е. Ю. Обеспечение прав и законных интересов участников денежных обязательств в свете реформирования гражданского законодательства Российской Федерации // Известия Алтайского государственного университета. 2016. С. 102–106.
6. Лунц Л. А. Деньги и денежные обязательства в гражданском праве. Изд. 2-е, испр. — М.: Статут, 2004. — 350 с.
7. Новикова Д. Д. Денежное обязательство и способы его исполнения // Академия педагогических идей Новация. Серия: Студенческий научный вестник. 2019. № 3. С. 420–421.
8. Первой И. И. Денежные обязательства в российском гражданском праве // Студенческий вестник. 2018. № 8–1 (28). С. 53–55.
9. Резина Н. А., Иванова Л. В. Проблемы применения ст. 395 ГК РФ в редакции ФЗ от 8 марта 2015 г. // Вестник Омской юридической академии, 2015. № 4(29). с. 57–59.
10. Сидорова В. Н. Деньги и денежные обязательства как проблема теории современного гражданского права // Экономика и бизнес: теория и практика. 2018. № 9. С. 164–170.
11. Федеральный закон «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 03.07.2016 N 315-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200688/ (дата обращения: 14.05.2021).

Статья 395 (ответственность за нарушение денежных обязательств) также была пересмотрена в 2015 году [2]. В частности, было решено, что процентная ставка за просрочку платежа, рассчитываемая в соответствии с вышеупомянутой статьей, должна быть равна средней банковской ставке, применяемой к депозитам физических лиц. Это нововведение получило как положительные, так и отрицательные отзывы; его реализация на практике оказалась более обременительной по сравнению с предыдущими правилами.

С учетом сложившейся ситуации законодатель внес исправления и в статью 395 Гражданского кодекса РФ. Отныне процентная ставка по статье 395 ГК РФ будет равна ключевой ставке ЦБ РФ, действующей в соответствующие периоды времени [9].

Заключение. Говоря об итогах, нельзя не отметить, что в настоящее время специфика правовой формы денежных обязательств заключается в том, что управомоченная сторона обладает определенными правами, заключающимися в том, что обязанная сторона должна предоставить заранее оговоренные материальные блага. Мы считаем, что было бы целесообразно при построении современной правовой конструкции уделять внимание не только юридической стороне, но и экономической, суть которой заключается в непосредственном перемещении материальных благ из имущественной сферы кредитора в имущественную сферу должника, носящее товарный характер.

В настоящее время ст. 395 ГК РФ наиболее успешно определяет денежные обязательства в российском гражданском праве с точки зрения компенсаторной и штрафной функции.

К вопросу об истории развития апелляционного производства

Линиченко Владислав Игоревич, студент магистратуры
Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия

Ключевые слова: суд, вышестоящая инстанция, институт апелляции, инстанция, решение, апелляционная инстанция, судебная система, апелляционная жалоба, апелляционное производство

Институт апелляции как инструмент обжалования решений суда имеет свое историческое начало еще в Древнем Риме и известен с конца 6 века до нашей эры. В данный период право апелляционного обжалования принадлежало любому гражданину, даже не имеющему никакого отношения к существу спора. Данное право обусловлено существовавшим на тот момент институтом наблюдения за действиями чиновников и сообщения народу об их злоупотреблениях [1].

В случае несогласия каждый гражданин мог обжаловать приговор до момента его исполнения. Если кто-то выражал несогласие, дело передавалось в народное собрание и чиновник, принявший решение, должен был его отстаивать посредством проведения поединка между ним и жалобщиком.

Стоит заметить, что уже несколько позже право использования обжалования решения было доступно не каждому гражданину, а лишь сторонам по делу. Теперь сторона, желающая пересмотра решения, должна была в течение определенного срока выразить свое несогласие письменно либо устно. При этом процесс апелляции перестал быть спором между недовольным лицом и чиновником, а стал продолжением спора сторон [2].

Дальнейшее развитие институт апелляции путем заимствования римского права получил в судопроизводстве европейских стран.

Процедура обжалования приговора в странах Западной Европы заключалась в том, что сторонам, не согласным с приговором, необходимо было не только выразить свое несогласие, но и предложить свой вариант приговора. Далее проводился поединок по такому же принципу, как и в Древнем Риме, то есть между недовольным лицом и чиновником.

Позже, приблизительно с XIII века, поединок утрачивает свой смысл в процедуре обжалования. Теперь лицо не согласное с принятым решением должно было обратиться в вышестоящую инстанцию с просьбой о пересмотре решения, и данная инстанция уже принимала окончательное решение.

Институт пересмотра судебных решений в России известен еще со времен Русской Правды. В своей работе с. В. Юшков указывает на то, что исследователи считают, что в Киевском государстве не существовало апелляционных инстанций. Во всяком случае Русская Правда не содержит каких-либо упоминаний о пересмотре решений. Но это не означает, что князья не принимали жалобы на своих судей и не пересматривали дело заново [3].

Основная масса ученых, изучающих данный период считают, что первое упоминание о возможности обжалования в российском законодательстве появляется в Новгородской судной грамоте. Известно, что судебная система в Новгородской республике основывалась на разделении подсудности между кня-

жескими и общинно-вечевыми органами суда. Данный факт дает основание говорить о становлении судебных инстанций, что, собственно, и послужило предпосылкой образования института обжалования [4].

Возникновение апелляционного обжалования можно отнести ко времени появления судебных органов, однако апелляционным оно было не по названию, а по содержанию. Именоваться «апелляционным» сложившийся способ обжалования будет несколько позже.

В Судебнике 1497 года не содержалось какой-либо информации о существовании отдельных самостоятельных органов, выполнявших судебные функции, в одном лице были объединены судебная и административная ветви властей. Однако историк с. И. Штамм высказывает иное мнение по данному поводу. Она считает, что Судебник 1497 года способствовал установлению единой системы судебных органов, и более того их подконтрольность и подотчетность князю [5]. С появлением судебной власти возникло и право на передачу дел между судебными инстанциями, то есть из нижестоящей в вышестоящую.

Данная передача реализовывалась в двух формах: по представлению самих судей путем «доклада» или же по жалобам на решение местного судьи путем «пересуда».

«Доклад» осуществлялся путем передачи дела в вышестоящий суд в случае, если вынесение судебного решения не входило в компетенцию местных судей. Наместники или волостители собирали все доказательства, проводили судебные следственные действия и передавали судебные протоколы вышестоящему судье, который в последующем принимал решение.

И. Я. Фойницкий считал, что «доклад» является не разделением инстанций, а разделением следствия и суда [1]. Соответственно «доклад» не может быть формой обжалования, так как нижестоящая судебная инстанция не принимала решения по делу, а выдавала судебное решение уже после принятия данного решения вышестоящей инстанцией. Кроме того, инициатором «доклада» являлся суд, а не стороны.

«Пересуд» же в отличие от «доклада» более схож с современной апелляцией. Он осуществлялся по желанию сторон, но допускался не по всем делам и в случае, если одна из сторон подвергнет сомнению «судный список».

Анализируя вышесказанное, можно сделать вывод, что институт апелляции зарождался в России с конца 15 века. Жалобы, подаваемые в вышестоящую инстанцию, первоначально содержали в себе элементы жалобы как на злоупотребления судей, так и на жалобы на само рассмотрение по существу. Постепенно происходило разграничение на жалобу частную и жалобу апелляционную.

Следующие изменения институт апелляции претерпел во времена правления Петра I. Система судоустройства возглавлялась Сенатом, который являлся инстанцией, рассматривавшей все жалобы на решения коллегий, а решение Сената обжалованию не подлежало [6]. Сенату подчинялась Юстиц-коллегия, ведавшая местными судами и являющаяся для них апелляционной инстанцией.

В данный период содержание института апелляции заключалась в том, что суд основывал свое решение на материалах дела. Новые доказательства и дополнительные материалы были неприемлемы, так как судопроизводство считалось окончанным с момента вынесения решения судом первой инстанции и своей силы при возможной апелляции не теряло.

Очередной этап развития апелляции произошел во времена правления Екатерины 2. В законодательстве данного периода система обжалования регулировалась Указами 1762 и 1764 гг. Стороны, недовольные решением, в течение недели после оглашения приговора должны были в письменной форме заявить суду о желании обжаловать решение в вышестоящую инстанцию. Для подачи жалобы был установлен годичный срок.

«Учреждение о губерниях» 1775 г. дополняло уже существующий порядок обжалования требованием внесения залога. Деньги вносились в суд, и в случае, если вышестоящая инстанция осуществляла малейшее изменение решения, залог возвращался. Соответственно в противном случае залог удерживался как штраф за рассмотрение дела в вышестоящей инстанции. В литературе отмечается, что в целом суд апелляционной инстанции в указанный период получает «настоящее значение проверки первого суда и утрачивает старинный характер тяжбы с судьей» [7]. Так же, необходимо сказать, что принятием «Учреждения о губерниях» в губерниях была создана сложная система судов. Первой инстанцией были уездные суды, которые занимались рассмотрением мелкими уголовными делами, решения которых обжаловались в апелляционном порядке в Верхний Земский Суд. Инстанцией для обжалования решений Верхнего Земского Суда, Верхней Расправы и Губернского Магистрата являлась Губернская Палата Уголовного суда. После рассмотрения дела данная инстанция представляла его начальнику губернии для утверждения решения и приведения его в исполнение, а в случае сомнения начальник губернии сообщал об этом Сенату либо императору.

Процедура апелляции в указанный период времени, по сравнению с современностью, реализовывалась не в полной мере. Апелляция применялась с момента вынесения решения и появления права на обжалование до момента получения жалобы судом высшей инстанции. Далее дело пересматривалось уже в ревизионном порядке. Смешанность апелляции с «ревизией» со временем приводила то к практическому исключению института апелляции, то к его преобладанию, так же реализовывались такие явления как ограничение права на подачу апелляционной жалобы ввиду разновидности наказания, сословного происхождения.

Указом 1801 года было введено понятие «апелляционного свидетельства», которое предоставлялось вместе с апелляционной жалобой, а в случае отсутствия первой апелляционной жалоба не принималась. В апелляционном свидетельстве ука-

зывались суд, вынесший решение, дата вынесения решения, когда объявлялось окончательное решение, когда объявлялось несогласие с решением полностью или в части и тому подобное.

В данный период времени апелляционный суд, рассматривавший дело по жалобе, ставил перед собой задачи убедиться в верности разбирательства? проведенного нижестоящим судом и в справедливости вынесенного решения.

Таким образом, в XVIII — середине XIX века апелляционное производство по своему содержанию было ревизионным. Об этом свидетельствует тот факт, что в случае, если судом первой инстанции дело рассматривалось настолько неверно, что невозможно было провести его проверку, то оно направлялось в нижестоящий суд для рассмотрения заново.

Судебная реформа 1864 года кардинально изменила судебную систему, установив принцип двух инстанций, что повлекло за собой возможность рассмотрения дела по существу только в двух инстанциях. Необходимо отметить, что в рамках вышеупомянутой реформы был принят Устав уголовного судопроизводства, в котором нашла свое закрепление четко выстроенная система норм. Принцип состязательности, положенный в основу российского законодательства, прямо повлиял на развитие института апелляции. Апелляционное производство происходило по тому же принципу, что и производство в инстанции, вынесшей обжалуемое решение, то есть пересматривалось заново по существу с правом предоставления новых доказательств и так далее.

Также результатом судебной реформы, как говорилось ранее, стало создание структуры судебной системы. Первой инстанцией были мировые и окружные суды. Второй инстанцией — апелляционные суды. Роль апелляционной инстанции для мировых судов выполнял мировой съезд, для окружных судов — судебные палаты. Решения суда второй инстанции носили окончательный характер и подлежали немедленному исполнению. В качестве чрезвычайного порядка обжалования применялось кассационное обжалование вступивших в законную силу решений в Уголовный кассационный департамент Сената, который являлся единым кассационным судом на все государство. Апелляционный суд действовал по принципу «полной апелляции», то есть осуществлял разбирательство дела по существу, так же, как и суд первой инстанции. У сторон появилось право представлять новые доказательства, свидетельские показания, ссылаться на новые факты. Но несмотря на это, с апелляционный суд мог проводить разбирательство только в рамках жалобы. Он проверял только ту часть решения, которая обжаловалась, проверял только нарушения, указанные в жалобе. Данная позиция суда складывалась на основе того, что все участники дела должны обладать процессуальной свободой и никто не имеет права вмешиваться в частно-правовые отношения.

После такого события как Октябрьская революция 1917 года были приняты Декреты о суде, которые закрепили в себе изменения судебной системы. Декретом о суде № 1 от 24 ноября 1917 г. апелляционная инстанция, как стадия судебного процесса, была упразднена. Однако, подобное упразднение коснулось не только института апелляции, так же были упразднены институт мировых судей, судебного следствия, прокурорского надзора и адвокатуры.

Введение апелляционного порядка пересмотра судебных решений в постсоветское время осуществлялось поэтапно, и основными источниками являлись такие работы, как Устав уголовного судопроизводства, международно-правовые документы, среди которых Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 года, так же учитывался опыт Франции, Германии, США, Великобритании.

Концепция судебной реформы 1991 года, утвержденная Постановлением Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г., содержала в себе идею создать федеральную судебную систему, состоящую из мировых судов, федеральных районных судов, федеральных окружных судов и Верховного Суда РФ. Параллельную систему республиканских судов планировалось связывать с Верховным Судом РФ через окружные суды. Апелляционный порядок пересмотра дел планировалось создать на уровне районного суда, который в составе трех профессио-

нальных судей должен был пересматривать судебные решения мировых судей. Федеральный окружной суд в составе трех профессиональных судей пересматривал бы решения районного суда, постановленные судьей единолично [8].

Необходимо отметить, что возрождение апелляции в судопроизводстве России связано соответственно с принятием Постановления Верховного суда РСФСР «О Концепции судебной реформы в РСФСР» от 24 октября 1991 г. № 1801-1. При реализации данной концепции с введением должностей мировых судей апелляционный порядок пересмотра дел был восстановлен.

В настоящее время апелляционное обжалование в большинстве европейских стран, в том числе и в России, закреплено в качестве одного из возможных способов обжалования решений суда. Институт апелляции действует в судебной России в отношении решений судов первой инстанции, как промежуточных, так и итоговых.

Литература:

1. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства / под общ. ред. А. В. Смирнова. СПб., 1996. Т. II. С. 512.
2. Чельцов-Бебутов М. А. Курс уголовно-процессуального права. СПб., 1995. С. 155–156.
3. Юшков с. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949. С. 522.
4. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. М., 2005. С. 708
5. Штамм с. И. Судебник 1497 года. М., 1955. С. 20.
6. Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. М., 1986. Т. 4. С. 423.
7. Латкин В. Н. Учебник истории русского права периода Империи (XVIII и XIX вв.). М., 2004. С. 545, 546.
8. Концепция судебной реформы в Российской Федерации / сост. с. А. Пашин. М., 1992. С. 52–55.

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 21 (363) / 2021

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Номер подписан в печать 02.06.2021. Дата выхода в свет: 09.06.2021.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.